

Фарли Моуэт

Собака, которая не хотела быть просто собакой

Farley Mowat "The Dog Who Wouldn't Be"
Little, Brown and Company Boston Toronto 1957
1981 год. Перевод с английского К. Вальдмана
"Детская литература"
OCR, spellcheck: Cyrill Carpenko. November 2000

[Появление Матта](#) — [Ранняя пора](#) — [Тоска сизая](#) — [Стая уток](#) — [Матт —
загонщик диких уток](#)
[Матт показывает себя](#) — [Боевая тактика](#) — [Кошки и лестницы](#)
["Концепция" и ложная концепция](#) — [Плавание "Лысухи"](#) — [Путевые
зарисовки](#)
[Белки, шотландцы и некоторые другие](#) — [Совы под ногами](#) —
[Неприятности со скунсами](#)
[На плаву и на берегу](#) — [Апрельской порой](#) — [Примечания](#)

Появление Матта

В тот августовский день 1929 года гнетущая мгла окутала город Саскатун. По часам было близко к полудню, по солнцу... но густая пыль спрятала солнце. Взрыленная в новых пустынях Юго-Запада и высоко поднятая осенними ветрами, оскверненная человеком почва прерий двигалась на север, и небо темнело.

В нашем маленьком домике на окраине маме пришлось включить электричество, затем она вернулась к приготовлению завтрака для папы и для меня.

Папа еще не пришел с работы, а я — из школы. Мама была наедине с этим мрачным днем.

Звук дверного колокольчика вызвал ее из кухни в холл. Она приоткрыла входную дверь всего на несколько дюймов, как будто опасаясь, что грозное небо сметет ее и ворвется в дом.

В наружности человека, который с виноватым видом стоял на крыльце, не было ничего угрожающего. Маленький мальчик, лет десяти, переминался с ноги на ногу по щиколотку в сером песке, который бесшумно сыпался на город день и ночь. Мальчик держал перед собой плетеную корзинку; когда дверь открылась, он протянул корзинку маме и проговорил голосом, хриплым от пыли и от страха получить отказ:

— Миссус, — спросил он неуверенно, — не подкинуть ли вам утку?

В его словах мама услышала отголосок грубоватой шутки, которая не сходила с уст остряков еще времен ее юности, и мама растерялась. Но это не помешало ей заглянуть в корзинку, где она, к своему изумлению, обнаружила трех тощих утят с

раскрытыми от жары клювиками и затиснутого между ними невзрачного, грязного щенка.

Мама умилилась, в ней шевельнулось сострадание, но она, конечно, не собиралась ухватиться за эту утку.

— Пожалуй, нет, — сказала она с мягкой улыбкой. — Почему ты их продаешь?

Мальчик набрался смелости и улыбнулся в ответ.

— Приходится, — сказал он. — Болото по дороге на ферму высохло. Больших мы съели, а эти маленькие — есть нечего. Я продал несколько штук в трактирчик, китайцам. Не желаете ли остальных, госпожа? Они дешевые: всего лишь по десять центов.

— Извини, — ответила мама. — Мне негде держать уток. А собачка у тебя откуда? Мальчик пожал плечами.

— Эта-то? — сказал он равнодушно. — Да так, случайно. Думаю, что ее вышвырнули из автомобиля прямо у наших ворот. Ношу с собой на всякий случай. Собаку ведь не продашь.

Его лицо оживилось, — видно, в голову пришла идея.

— Послушайте, госпожа, вам ведь нужна собачка. Я вам ее за пять центов уступлю. Вот и сэкономите пятицентовик.

Мама колебалась. Затем почти непроизвольно ее рука потянулась к корзинке. Щенок изнемогал от жажды, и протянутые пальцы, должно быть, показались ему спасительным источником, посланным прямо с небес. Он торопливо и неуклюже перевалился через утят и стал сосать пальцы.

Мальчик быстро оцепил положение вещей и воспользовался им.

— Видите, вы нравитесь ему. Он ваш всего за ч е т ы р е цента!

* * *

Меньше месяца прошло с тех пор, как мои родители и я переселились из изумрудно зеленого уголка Южного Онтарио в сухие, укутанные пылью прерии.

Для окружающих это представлялось отчаянной авантюрой, так как даже на Востоке начиналась трудная пора, а на Западе тяжелые времена — периоды засухи и неурожая — стали уже привычными. Я не знаю, какие соображения побудили моего папу променять спокойную жизнь чиновника в Уиндзоре на весьма неустойчивое будущее библиотекаря в Саскатуне. Возможно, что его неудержимо поманило само название: Саскатун в Саскачеване. Может быть, он просто устал от неподвижности и провинциальной лености ума, особенно давившей в те годы. Во всяком случае осенью 1928 года он принял решение, и остальные члены семьи дали согласие: я — с легким сердцем и в радостном ожидании новизны, мама - очень сдержанно и не без мрачных пророчеств.

Папа провел ту зиму в постройке "каравана" — жилого автоприцепа, которому предназначалось везти нас на Запад. Для меня эта зима была долгой. Но воскресеньям я бежал к папе под навес, где мы усердно работали молотками и пилами, а прицеп обретал форму. Форма его была необычной. Папа мой был в дуто моряком и располагал весьма скудным опытом проектирования сухопутных транспортных средств. Действительно, наш автоприцеп представлял собой некое сооружение, похожее на лодку, неуклюже взгромоздившееся на четыре тонкие колеса старого автомобильного шасси от модели "Т" (*1), корявый и кривой, он не внушал доверия. Его боковые стенки возносились над рамой вертикально на целых семь футов до слегка сводчатой палубы, которую мы никогда не называли крышей. Прицеп был огромным, массивным и этим подчеркивал малые размеры бедного Эрдли — нашего "форда" модели "А" (*2) с открывающимся верхом — так же, как громоздкий плавучий кран уменьшает размеры буксира, который тянет его.

Время от времени под навес заходили папины друзья полюбоваться нашими успехами. Они никогда не говорили много, но, уходя, долго задумчиво качали головами.

Я понимал, что наш прицеп не блистает красотой, но он был безусловно удобным. Мой папа, оригинальный строитель, оснастил каюту автоприцепа всевозможным мореходным комфортом. К нашим услугам был камбуз с примусом на шарнире — шарнир не давал ему наклоняться при качке, — лампы, тоже подвешенные па шарнирах, множество запирающихся шкафчиков, хранилище для карт, на передней переборке — хронометр системы Сэт-Томас, две роскошные койки для моих родителей и подвесная койка для меня. Посуда, наши многочисленные книги и прочие вещи аккуратно и надежно укладывались в специально оборудованные шкафы так, что даже в самую бурную погоду они не блуждали по прицепу.

Хорошо, что мой папа постарался подготовить прицеп изнутри для самого бурного плавания. Потому что, как только мы двинулись на Запад, обнаружилось, что наше судно на колесах, по меткому выражению моряков, весьма-таки валкое. Высокий и узкий, а в целом просто громадный, наш прицеп оказался добычей любого ветра. Когда бриз (*3) дул на него сбоку, прицеп сильно раскачивало и он тяжеломерно заезжал на встречную полосу дороги, увлекая туда же и беднягу Эрдли. Лобовой ветер заставлял папу включать вторую скорость, но даже и тогда, чтобы тащить дальше своего норовистого подопечного, автомобилю приходилось чудовищно напрягаться и бешено плевать паром. Ветер в корму был не слаще: тогда махина прицепа старалась обогнать маленький автомобиль, а если ото не удавалось, толкала Эрдли вперед со скоростью, от которой холодело мамино сердце.

В общем, для восьмилетнего мальчика это путешествие было незабываемым. По желанию я мог ехать на тряском сиденье Эрдли, где тут же становился нилотом-стрелком истребителя "Кэмел" (*4); или я мог ехать в самом прицепе и вести свою замечательную ракету в далекий космос. Я предпочитал прицеп. Здесь я погружался в особый мир, мир для отважных. Моя складная койка находилась высоко у заднего иллюминатора. Я лежал в ней надежно пристегнутый для защиты от отрицательного воздействия силы тяжести и ураганных ветров и мог направлять свой космический корабль в вечной пустоте к дальним планетам, известным одному мне под названиями Огайо, Миннесота, Висконсин, Мичиган и Северная Дакота.

Когда мы снова въехали в Канаду вблизи маленького городка Эстеван, мне уже ни к чему было напрягать свое воображение, создавая в нем инопланетные ландшафты. Запустение юго-восточной части Саскачевана было потрясающим и при этом до ужаса космическим. Пылевые бури поработали здесь много лет и оставили после себя зарождающуюся пустыню. Там и сям белели остовы покинутых строений; они стояли памятниками погибшим надеждам, а отполированное ветрами дерево покосившихся изгородей торчало из наносов бесплодной пыли, которые поглощали следы человеческого труда.

Мы все были подавлены. Хотя папа упорно старался разуверить нас, говоря, что дальше будет лучше и лучше, так как мы двигаемся на север, но я не могу припомнить сколько-нибудь заметных перемен в этом лунном ландшафте. Мы пересекали опаленные солнцем просторы, пораженные засухой поля. проезжали через бесконечное множество мелких деревушек, находящихся на последней стадии исчезновения.

К тому времени, как мы достигли Саскатуна, мама уже не скрывала своего возмущения и даже папа был несколько обескуражен. Но я был в том возрасте, когда человек не способен оставаться долго в мрачном настроении. Я понимал только одно: что эта страна не укладывается в моем воображении; здесь открываются неограниченные возможности для совершенно непредвиденных приключений. Меня приводили в восхищение покрытые трещинами белесые блюдца высохших болот, пыльные куны тополей, которые по какой-то непонятной причине назывались утесами, и беспредельный горизонт. Я хорошо запомнил слова одного старика, у фермы которого мы остановились, чтобы попросить воды для горячего радиатора Эрдли.

— Она плоская, мальчик, — сказал он мне. — Эта страна такая плоская, что если ты встанешь на кочку у норки гофера (*5), то сможешь увидеть землю почти до самого Китая.

Я поверил ему и продолжаю верить, вопреки мнению географов, так как на тех необъятных равнинах нет предела человеческому взору.

Бесчисленные маленькие гоферы вызывали у меня острый интерес, так же как и горькая на вкус вода из редких непересохших колодцев, крупные парящие тела ястребов, которые взлетали со столбов придорожных изгородей, и вечерний плач койотов, от которого по спине бежали мурашки. Даже Саскатун, когда мы его наконец нашли, разомлевший в бессильной безнадежности у реки, в ту пору превратившейся в ручеек, казалось, готов был одарить приключениями. Город, основанный не более чем тридцать лет тому назад как маленький аванпост религиозной секты, проповедующей трезвенность, он перерос эти первоначально задуманные рамки и стал городом в тридцать тысяч жителей, принявшим религии и обычаи половины стран западного мира. Многие из этих религий поражали своими названиями и были полны таинственности для мальчика из степенной англосаксонской провинции Онтарио.

Папа снял для нас дом в северной части города. В этой построенной на скорую руку коробке летом бывало нестерпимо жарко, как в печи крематория, а зимой — холодно, как на зимовке во льдах Арктики.

Мне же дом, ставший моим жилищем, казался замечательным, так как находился у самой границы города, а Саскатун, который вознесся над поверхностью равнины совсем недавно, не имел еще предместий. Надо было только сойти с трамвая в конце последнего ряда домов, чтобы оказаться в нетронутой прерии, где меня сразу охватывало неведомое мне до сих пор ощущение пространства и времени, а я мог вступать в этот необыкновенный мир не только по субботам, но и в любое время дня после занятий в школе.

Если в новой жизни в Саскатуне нам чего-то и не хватало, так это собаки. Всю мою жизнь мы владели разными собаками (или, точнее сказать, они владели нами). Еще младенцем меня охраняла шотландская овчарка — колли Сэппер, которую злой сосед обварил кипятком и она от боли взбесилась. Но в течение последующих восьми лет в доме всегда жили другие собаки. Это продолжалось до тех пор, пока мы не переселились на Запад. Здесь мы оказались без собаки. Для мальчика отсутствие собаки лишало прерии половины их очарования.

Я начал уговаривать родителей завести собаку сразу же после приезда и нашел в папе горячего союзника, хотя собака была нужна ему для одного дела, а мне совсем для другого.

В течение многих лет он жадно впитывал в себя живописные охотничьи истории моего двоюродного дедушки Фрэнка, поселившегося в провинции Альберта в 1900 году. Фрэнк был прирожденным охотником, и в большинстве его рассказов изображалась изумительная охота, которую можно вести только на западных равнинах. Еще до того, как мы прочно обосновались в Саскатуне, папа решил проверить на практике эти чудесные истории. Он купил отличный английский дробовик, охотничью куртку, много патронов, брошюру "Закон об охоте в Саскачеване" и руководство по стрельбе из охотничьего ружья дробью. Оставался один обязательный пункт: охотничья собака.

Как-то вечером он вернулся из библиотеки, ведя на поводке некое животное по имени Кронпринц Неутомимый. Животное было ростом с обеденный стол и, насколько мы с мамой могли судить, состояло в основном из лап и языка. Папу покорила наша неуместная веселость, и он заносчиво сообщил нам, что Кронпринц — ирландский сеттер, выращенный в питомнике, натасканный на дичь и вообще собака, которая может порадовать сердце любого знатока. Мы с мамой остались равнодушными. Может быть, сеттер и был чистокровным, и обладал бесчисленным множеством кубков и лент, по, по-моему, он выглядел совершенно бесполезным животным,

наделенным лишь одним подкупающим качеством: меня приводили в восторг его бесконечные слюни. Я никогда не думал, что пес может пускать столько слюней, как это делал Кронпринц. Он не пускал слюни только тогда, когда шлепал к кухонной раковине, чтобы снова налакаться воды. Куда бы он ни шел, позади оставался мокрый и липкий след. Пожалуй, кроме слюней, в нем не было больше ничего примечательного, потому что он был просто глуп.

Мама, может быть, и не заметила бы его явных недостатков, если бы не цена сеттера. На цену она не могла не обратить внимания, так как хозяин просил двести долларов, а потратить такую сумму на собаку нам было так же невозможно, как купить роскошный "кадиллак" (*6). Кронпринца увели на следующее утро, но папа не был обескуражен, и стало ясно, что это не последняя попытка ввести в дом собаку.

Мои родители были достаточно давно женаты, чтобы достигнуть того тонкого равновесия сил, которое только и позволяет супругам понимать друг друга. Они оба отлично владели неуловимой тактикой семейной дипломатии, но мама была чуть-чуть более гибкой.

Она поняла, что появление собаки теперь неизбежно, и, когда в тот пыльный августовский день случай привел к нашей двери "мальчика, подбросившего утку", как мы его потом называли, мама показала свой характер, вырвав инициативу прямо из папиных рук. Покупая щенка у "мальчика, подбросившего утку", она не только предупреждала покупку дорогой собаки, угодной моему папе, но еще экономила шесть центов звонкой монетой. Мама никогда не упускала случая сделать выгодную покупку.

Когда я пришел из школы, эту покупку уже приютили на кухне в картонном ящике из-под мыла. Пес выглядел довольно сомнительным приобретением даже за полцента. Маленький, тощий, весь в засохших коровьих лепешках, он близоруко тараторил на меня. Но когда я опустился возле него на колени и протянул к нему руку, он приподнялся и щенячьи зубки вцепились в большой палец с таким блаженством, что все сомнения испарились. Я понял, что мы поладим... Реакция папы была другой.

Он вернулся домой в шесть часов и еще с порога начал рассыпаться в похвалах спаниелю, которого только что видел. Сперва он не расслышал маминых слов о том, что у нас уже есть собака, а двух было бы многовато, а когда наконец заметил щенка, то возмутился; но ловушка была хорошо расставлена, и не успел он прийти в себя, как мама начала атаку.

— Дорогой, разве это не п р е л е с т ь? — спросила она ласково. — И так дешево. Знаешь ли, я фактически сэкономила тебе сто девяносто девять долларов и девяносто шесть центов. Достаточно, чтобы уплатить за все твое снаряжение и за то д о р о г о е новое ружье, которое ты приобрел.

Папа не сдавался. Пренебрежительно указал на щенка и, взвизгнув от раздражения, ответил:

— Но, черт побери, эта, эта штука — н е о х о т н и ч ь я собака!

У мамы и тут был готов ответ.

— Откуда ты знаешь, дорогой, — спросила она мягко, — если ты еще не испытал животное?

Что тут можно было возразить? Кто мог догадаться, что из этого щенка вырастет или какова была его родословная?

Папа обратился за поддержкой ко мне, но я отвел глаза. Он понял, что его перехитрили.

Папа воспринял поражение со всем присущим ему мужеством. Я и сейчас отчетливо, с благодарностью вспоминаю слова, сказанные им три дня спустя своим друзьям, которые зашли к нам вечером пропустить по стаканчику. Щенок, относительно чистый и уже начинающий понемногу становиться упитанным, был показан гостям.

— Пса привезли из-за границы, — объяснил папа голосом, не вызывающим сомнения.— Я полагаю, что здесь, на Западе, он единственный экземпляр своей

породы: охотничья поисковая принца Альберта. Изумительная порода для охоты на равнине.

Не желая признаться в своем невежестве, гости сделали вид, будто что-то припоминают.

— Как его зовут? — спросил один из мужчин.

Тут вмешался я. Папа еще не придумал ответа, и я его опередил.

— Я зову его Матт, — выпалил я. Молниеносный взгляд папы потряс меня.

Папа повернулся ко мне спиной и доверительно улыбнулся гостям.

— С этими чистокровными экземплярами нужна осторожность, — пояснил он. — Не всегда годится, чтобы они знали только свои клички по питомнику. Лучше давать им простые, всем знакомые имена вроде Спорт, или Ниппер, или, — и тут он слегка как бы сострил, — или даже Матт.

Ранняя пора

За первые несколько недель, проведенных с нами, Матт поразил всех зрелостью ума. Он никогда не вел себя по-щенячьи, по крайней мере с того момента, как попал к нам. Может быть, его сделало преждевременно взрослым тяжелое испытание, когда его чуть не удушили утята; может быть, он обладал здравым умом от рождения. В любом случае пес решительно воздерживался от обычных шалостей щенячьего возраста. Он не оставлял ни покалеченных шлепанцев, ни порванной обивки кресел, ни пятен на коврах. Он не вел притворно свирепой войны с босыми ногами и не превращал ночь в кошмар, когда его оставляли одного в темной кухне. С первого же дня его появления в нашей семье он отличался чувством собственного достоинства, твердостью характера и сдержанностью. Он воспринимал жизнь всерьез и ожидал того же от нас.

Но послушным он не был. Характер у него был твердым, по-видимому, еще до нашего знакомства, не изменился он и в дальнейшем.

Я подозреваю, что в какой-то ранний момент своего существования он решил, что не стоит быть просто собакой. И поэтому с упорством, которым отличался каждый его поступок, он пытался стать чем-то сверх того. Подсознательно он вообще не верил в то, что он собака, но, однако, не ощущал себя и человеческим существом, как это, вероятно, воображают многие глупые псы. Он терпеливо сносил и тех и других, но не числил себя в родстве ни с собакой, ни с человеком.

При весьма странных взглядах, он был не менее странным и внешне. По величине Матт ненамного уступал сеттеру, во во всех других отношениях был очень далек от любой известной породы.

Задняя часть его тела была на несколько дюймов ^(*) выше передней, причем его сильно заносило вправо, и поэтому, когда он приближался, создавалось впечатление, что его сносит ветром градусов на тридцать от намеченного курса. Одновременно возникало ужасное сходство его с подводной лодкой. Мало знакомому с ним человеку бывало трудно сообразить, куда он направляется или что его интересует в данный момент, как трудно предположить, куда ринется подводная лодка, начавшая срочное погружение. Глаза его не давали разгадки: они были поставлены так близко, что он выглядел, а может быть, и действительно был немного косоглазым. Обманчивый взгляд преследователя имел свои преимущества, так как гоферам и кошкам редко удавалось угадать, куда же пес нацелился. Жертвы слишком поздно обнаруживали, что мчится-то он именно на них.

Еще большее недоумение вызывало то обстоятельство, что его задние ноги двигались медленнее, чем передние. Теоретически это удавалось объяснить тем, что задние ноги были намного длиннее передних, но после такого объяснения все же не исчезало тревожное впечатление, что передняя часть тела Матта медленно и неумолимо отрывается от запаздывающей задней.

И, несмотря на все странности, Матт в общем не принадлежал к заурядным дворняжкам. У него была красивая, шелковистая черная с белыми пятнами шерсть,

лежащая роскошными "штанами" на ногах. Хвост длинный, гибкий и выразительный. Хотя уши были довольно большими и висячими, голова - лобастой и выпуклой. Черная маска покрывала всю морду, за исключением носа картошкой. Нос был чисто-белым. Матт не был по-настоящему красивым, но обладал презабавным чувством обостренного достоинства — чертой характера, так отличавшей Авраама Линкольна и герцога Веллингтона.

Посторонних приводила в замешательство непостижимая находчивость нашей собаки. Матт был так убежден в том, что он не просто собака, что ему каким-то непостижимым образом удавалось убедить в этом людей.

В один ужасно холодный день в январе мама пошла в город сделать несколько послерождественских покупок, и Матт сопровождал ее. Она оставила его на улице перед универмагом Компании Гудзонова залива. Уже в те первые месяцы пребывания у нас Матт проникся глубоким отвращением к некоторым вещам, в частности, он терпеть не мог этой знаменитой Компании джентльменов — искателей приключений — и за мамой не пошел. Мама находилась в универмаге без малого час, и все это время покинутый Матт дрожал па ветру; ветер пытался смести его с тротуара, как снежинку.

Когда мама наконец появилась, Матт уже позабыл, что добровольно остался на улице, и затаил обиду на предумышленное равнодушие к его особе со стороны моей мамы. Он решил выразить свое неудовольствие, а когда он дулся, то становился непокорным. Никакие слова из тех, которые мама обычно употребляла, не могли побудить его встать с холодного бетона и сопровождать ее домой. Мама умоляла. Матт не обращал на нее никакого внимания и сосредоточенно смотрел на запотевшие окна кафе "Стар" на противоположной стороне улицы.

Ни он, ни она не обращали внимания на толпу, образовавшуюся вокруг них. Тут были трое мужчин в причудливых зимних одеяниях, полисмен в куртке на бизоньем меху и зубной врач из соседней поликлиники. Невзирая на холод, эти незнакомые люди стояли и с возрастающим интересом наблюдали, как мама-приказывает, а Матт решительно отказывается слушаться, утробно ворча и слегка обнажив верхние зубы. Оба начинали раздражаться, и тон их восклицаний становился все более резким.

Именно в этот момент дантист потерял ощущение реальности происходящего. Он шагнул вперед и обратился к Матту как мужчина к мужчине.

— Послушай, старина, будь разумным! — сказал он укоризненно.

Матт ответил глухим презрительным ворчанием, и это окончательно вывело из равновесия полисмена.

— Что здесь происходит? — спросил он. Мама объяснила:

— Он не хочет идти домой. Не хочет, и все! Полисмен был человеком действия. Рукой в перчатке он помахал перед носом Матта.

— Ты разве не видишь, что даме холодно?— спросил он строго.

Матт выпучил глаза и зевнул. Полисмен потерял самообладание.

— Послушай-ка, — закричал он, — ты сейчас же пойдешь, или, клянусь, я тебя арестую!

К счастью, в этот момент папа и Эрдли проезжали мимо. Папа и раньше уже бывал свидетелем подобных перепалок между Маттом и мамой; он сразу же принял решительные меры: схватил обоих в охапку и затолкал на переднее сиденье Эрдли. Папа не мешкал, так как не имел ни малейшего желания быть свидетелем реакции рослого полисмена и почтенного дантиста, когда они осознают, что всерьез спорили на людной улице с собакой.

Спорить с Маттом было почти всегда бесполезно. С возрастом он стал более голосистым и еще более упрямым. Когда его просили сделать что-то, чего ему не хотелось делать, он начинал ворчать. Если настаивали, — ворчание усиливалось и звучало то высоко, то глухо. Это не было рычанием, и в нем не было ничего грозного. Это было ни на что не похожее упрямое гудение.

Случилось так, что в ту первую зиму на Западе папа писал роман и моментально раздражался, когда ему мешали во время работы над рукописью.

Однажды вечером он сидел в гостиной, сгорбившись над портативной пишущей машинкой. Его лицо вытянулось и осунулось от сосредоточенности, но на бумаге мало что появлялось. Почувствовав напряженность момента, мама и я благоразумно перебрались на кухню, а Матт остался в гостиной и спал у пылавшего камина.

Матт не умел спать беззвучно. Он храпел с особым присвистом, а так как он был собакой, которая в сновидениях активно действует, то, когда он мчался по прерии в погоне за кроликом, всхрапывание у него часто перемежалось с пронзительным тьяканьем.

В тот вечер ему, должно быть, везло. Возможно, он преследовал старого или больного кролика, а может быть, кролик поскользнулся и упал.

Во всяком случае Матт схватил его, напряженное преследование закончилось, и гостиная туг же огласилась урчанием и чавканьем.

Творческое настроение папы было грубо прервано. Он вышел из себя и заорал:

— Убирайся, несносная тварь!

Матт, непочтительно разбуженный как раз в момент победы, приподнял верхнюю губу и приготовился спорить.

Папа был вне себя.

— Я сказал: вон, ты, живая молотилка! Упрямое ворчание Матта сразу же стало громче. Мы с мамой на кухне вздрогнули от ужасной догадки и молча посмотрели друг на друга.

Звук разбитого стекла подтвердил наши опасения, когда увесистый том энциклопедии грохнулся в стену столовой, пролетев сквозь стеклянную дверь. Матт появился на кухне почти одновременно с этим звуком. Даже не взглянув в нашу сторону, он с шумом скатился по лестнице в погреб, всем своим видом выражая негодование.

Папа тут же раскаялся. Он поспешил за Маттом в погреб, и мы услышали, как он извинялся, — безрезультатно. Три долгих дня Матт просто не замечал папу. Физическое насилие вместо убеждения было, по мнению Матта, самым страшным пороком.

Очень рано у нашего пса развилась еще одна несносная привычка, от которой он так и не избавился. Когда упрямое ворчание не помогало уклониться от исполнения какой-нибудь неприятной обязанности, он притворялся глухим. В этих случаях я терял самообладание и, наклонившись так, что мне удавалось поднять одно из его длинных ушей, кричал ему мои приказания голосом валькирии (*8). Но Матт поворачивал ко мне свою морду с таким выражением, что, казалось, он вот-вот вежливо, с несносным спокойствием спросит: "Извините. Вы что-то сказали?"

Мы не могли предпринять никаких эффективных мер, чтобы излечить Матта от раздражающей нас привычки, так как точно такая же привычка была у моего дедушки со стороны папы, который иногда навещал нас. Дедушка бывал абсолютно глух ко всему, что требовало с его стороны каких-нибудь усилий. Однако он мог услышать и среагировать на слово "виски", даже если бы его произнесли шепотом в запертой спальне тремя этажами выше того уютного кресла, в котором он обычно сидел.

Читателю уже ясно, что Матт был собакой, нелегкой для совместного проживания. Но непреклонность, из-за которой с ним было так трудно справляться, в еще большей степени затрудняла, а иногда делала фактически невозможным его собственное общение с окружающим миром. Упрямство ставило его в разные трагикомические положения на протяжении всей его жизни. Но к несчастью, его борьба с капризницей судьбой не была только его личной борьбой. В свое неразумное сопротивление требованиям самой жизни он неизбежно вовлекал и тех, кто его окружал, причем часто это вело к катастрофическим последствиям.

Где бы Матт ни проходил, он оставлял по себе неизгладимые воспоминания, то о возмутительных, весьма ярких происшествиях, то о происшествиях туманных и непонятных, почти фантастических. В нем сидел дух Дон Кихота. Вот в такой атмосфере моя семья и я жили более десяти лет.

Тоска сизая

Матта возмущало многое, его частое негодование было нам не в диковинку, но особо запомнилось его бешеное возмущение, связанное с невинным пристрастием моего папы к чистейшему английскому языку. Библиотекарь, писатель, начитаннейший человек, папа был воинствующим защитником святости письменного и устного слова, и, когда он сталкивался с неправильным употреблением слов, возмущение его не знало границ.

Но постольку поскольку североамериканцы говорят именно так, как и положено говорить североамериканцам, у папы частенько были все основания гневаться. Один раз я сам видел, как он с презрением отвернулся от представителя так называемой новой аристократии, известного бизнесмена, услышав, что бедняга собирается "занемедлить" выпуск нового продукта. Папа считал, что такого рода языковая нелепость — непростительна. Для оценки стиля авторов рекламных объявлений у папы просто не находилось слов.

Он испытывал к рекламному стилю такую неприязнь, что популярные журналы редко допускались в наш дом. Маму отсутствие этих журналов мало огорчало; но вы не можете себе представить, какие неприятности обрушивались на наши головы, если папа случайно обнаруживал экземпляр журнала "Друг женщин" ^(*9), спрятанный за диванными подушками в гостиной. Потрясая возмутительной книжицей, папа раздражался обвинительной речью и осыпал своих невольных слушателей целым градом язвительных предсказаний о том, что грозит народу, допускающему такое поругание святого святых — родной речи. Такие случаи бывали, к счастью, редки, но время от времени, когда один из нас забывал об осторожности, это повторялось. Именно в результате одного такого инцидента Матт затосковал.

Событие началось весенним вечером, на второй год пребывания Матта в нашей семье. У мамы был файф-о-клок ^(*10), и одна из дам принесла популярный журнал для женщин, а потом не потрудилась унести его с собой.

В тот вечер папа был не в своей тарелке. Он забыл захватить из библиотеки очередную охапку книг. Предаться своему любимому вечернему занятию он также не мог. Папа любил покопаться в земле в садике за домом, но сегодня москиты были слишком назойливы. Он остался в доме и бесцельно слонялся по гостиной, пока у мамы не лопнуло терпение.

— Ради бога, перестань топтать, — сказала она наконец. — Сядь и почитай журнал. Он там, на столе, у моего стула.

Мама, должно быть, была полностью поглощена вязаньем, когда говорила это. Она редко бывала такой несообразительной.

Из моей спальни, где я писал сочинение по Шамплейну ^(*11), я слышал, как она что-то сказала, но слов не разобрал. Матт, который спал у меня в ногах и видел сны, совсем ничего не слышал. Никто из нас не ожидал того отчаянного вопля, который в следующее мгновение огласил весь дом. Голос моего папы вгонял в оторопь даже тогда, когда сами слова вообще было понять невозможно.

— Что же, черт побери, могут сказать соседи, когда они видят в нашем доме грязное исподнее? — прогремел он.

Матт вскочил так внезапно, что больно стукнулся головой о крышку стола. Шамплейн вылетел у меня из головы, и я судорожно стал перебирать в памяти свои проступки. Затем мы услышали успокаивающий, миролюбивый голос мамы, пытавшейся все уладить. Мой пульс снова стал нормальным, а любопытство тут же вытолкнуло меня в холл и заставило заглянуть в дверь гостиной.

Папа гигантскими шагами мерял комнату и размахивал перед собой раскрытым журналом. Я мельком увидел многокрасочную, во всю страницу рекламу, на которой была изображена невыразимо грязная пара кальсон, как позорный флаг, развевающаяся на бельевой веревке. Через всю страницу крупными красными

буквами шло убийственно оскорбительное для любой хозяйки обвинение: "ЭТО, МОЖЕТ БЫТЬ, ВАШИ!"

Мама мирно сидела на своем стуле, но ее губы были поджаты.

— Послушай, Ангус! — сказала она. — Возьми себя в руки! Ведь каждый хочет жить, а если эта компания не может иначе продать свою синьку для белья, то как же ей быть?

Папа ответил язвительным и, на мой взгляд, подходящим советом, но мама пропустила его замечание мимо ушей.

— Возможно, это немножко вульгарно, — продолжала она, — но реклама должна бросаться в глаза читателю, вот она и бросается. Разве не так? — Уж кому-кому, а папе реклама заскочила в глаза. — Ведь так, не правда ли? — закончила мама торжествующе. Такими словами она всегда завершала свои доводы.

На следующее утро журнал бросили в мусоросжигатель, и мы с мамой подумали, что вопрос исчерпан. Мы ошибались, ибо не знали законов работы подсознания. Мы не догадывались, что где-то там, в самой глубине, этот случай все еще берedit папину душу.

Лето шло, болота снова стали сухими и белесыми, молодые хлеба засохли и сгорели — наступил сезон засухи. В обжигающем воздухе постоянно висел слой пыли, и мы избавлялись от ее песчаного прикосновения, только когда сбрасывали одежду и шли окунуться в ванну. Для Матта такого облегчения не было. Его длинная шерсть впитывала и удерживала пыль до тех пор, пока не спутывалась в колтун и не меняла свою обычную окраску на цвет желтого шафрана, но в ту раннюю пору, чтобы избавиться от страдания, он еще не научился добровольно залезать в воду.

Пес был истинным порождением засухи. Думаю, в первые месяцы жизни он видел так мало воды, что имел право относиться к ней подозрительно. Во всяком случае он шараялся от любого количества воды так же, как индейская лошадка шарахается от гремучей змеи. Когда мы решались искупать его насильно, он не только сопротивлялся и притворялся глухим, но, если ему удавалось от нас вырваться, заползал под гараж и сидел там без пищи и питья, пока мы не сдавались и не заверяли его клятвенно, что купания не будет.

Не менее трудно было составить план, как заманить ничего не подозревающего Матта в подвал, где уже наготове стояли лоханки. Эта проблема требовала каждый раз новых уловок, ибо Матт ничего не забывал, а подозрения насчет возможного купания возникали мгновенно. Однажды для этого мы запустили в подвал живого гофера и затем, якобы неожиданно обнаружив зверька, позвали Матта, чтобы он его поймал. Но этот гениальный прием сработал только один раз.

Само купание бывало тяжелым испытанием для всех, кто принимал в нем участие. Во время первых попыток на нас были дождевики, зюйдвестки и резиновые сапоги, но этого оказалось недостаточно. Позднее мы бывали в одних трусах. Матт никогда не сдавался и ни перед чем не останавливался, чтобы оставить лоханку и нас в дураках. Однажды он вырвал у меня из рук зеленое мыло и проглотил его — не знаю, случайно или из упрямства.

Почти сразу же у него изо рта пошла пена, мы прервали купание и вызвали ветеринара.

Ветеринар был человек средних лет, лишенный воображения. Его практика в основном сводилась к лечению фурункулов у лошадей и затвердения вымени у коров. Ветеринар отказался поверить, что Матт добровольно проглотил мыло, и ушел раздраженный. Матт, воспользовавшись перепалкой, исчез. Собака вернулась через сутки осунувшаяся, слабая — убедительное доказательство рвотного действия зеленого мыла.

Решение выкупать Матта никогда не принималось легкомысленно, и мы старались откладывать это мероприятие как можно дольше. Собаку уже давно нора было купать, когда в конце июля я уехал на несколько дней к приятелю на озеро Маниту.

Мне очень понравилось Маниту, которое считается одним из самых соленых озер Запада. Мой друг и я целыми днями пытались в нем поплавать, но вода была

настолько соленой, что нам никак не удавалось ни погрузиться достаточно глубоко, ни добиться равновесия, а потом на солнце соль вызывала болезненные ожоги и сильный зуд.

В понедельник утром в беззаботном и радостном настроении я вернулся в Саскатун. Я подошел к дому по главной дорожке, высвистывая Матта: у меня был для него подарок — мертвый гофер, которого только что мы подобрали на обратном пути. Матт не ответил на мой свист. Немного обеспокоенный, я толкнул входную дверь и увидел маму, которая сидела на диване с выражением глубокого страдания на лице. При моем появлении она встала и судорожно прижала меня к своей груди.

— О дорогой, — воскликнула она, — твоя бедная, бедная собака! О твоя бедная собака!

Меня охватил смертельный страх. Я застыл в ее объятии.

— Что с ним? — потребовал я ответа. Мама отпустила меня и посмотрела мне в глаза.

— Крепись, дорогой, — сказала она. — Ты лучше сам погляди на него. Он под гаражом.

Я уже бежал.

Пространство под гаражом было единоличным убежищем Матта, так как туда можно было попасть только через узкий лаз. Я встал на четвереньки и заглянул в нору. Когда глаза привыкли к темноте, мне удалось различить нечто похожее на Матта. Он свернулся клубком в самом дальнем углу, половина головы была прикрыта хвостом, и из мрака угрюмо сверкал один глаз. Я понял, что его не покалечило серьезно, и с облегчением приказал ему вылезти.

Он не шелохнулся.

В конце концов мне самому пришлось ползти в берлогу и, применив грубую силу, тянуть его наружу за хвост. На свету вид моего Матта так поразил меня, что я выпустил его хвост, и пес снова мигом исчез в своем укрытии.

Матт больше не был собакой черной с белым или даже черной с желтым. Он был ярко-черным с синим. Те участки его шкуры, которые когда-то были белыми, светились теперь неземным ультрамариновым цветом. Впечатление было ужасным, особенно от головы, так как нос и морда просто были ярко-синими.

Превращение Матта произошло в тот самый день, когда я уехал на озеро Маниту. Он был раздражен и недоволен тем, что его оставили дома, и всю вторую половину дня дулся. Когда пес увидел, что никто не жалеет его, как он того заслуживает, он убежал и пропадал до вечера. Его возвращение было примечательным.

Где-то в прерии восточнее города он нашел то, чем можно было отомстить человечеству: дохлую лошадь, очень удобную для того, чтобы вывалиться в тухлятине.

Матт проделал задуманное очень старательно.

Домой он явился в самом начале десятого и предоставил сумеркам скрывать его до тех нор, пока ему не удастся незаметным образом пробраться в свое убежище. Матта захватили врасплох: из засады на него прыгнул папа. Пес сделал отчаянный рывок и убежал на короткое время. Его сцапали на заднем дворе и, не взирая на горькие вопли, приволокли наконец в подвал. Двери закрыли, заперли на ключ, а в лоханках приготовили воду.

Папа никогда не испытывал желания описать сколько-нибудь подробно то, что затем произошло, но мама, хотя сама она не спускалась в подвал, смогла описать мне все достаточно красочно. Происходила, должно быть, героическая борьба. Она длилась почти три часа, и звуки и ароматы этой битвы достигали маминых ушей и носа через вентиляционные отдушины без заметных искажений. Я узнал, что к концу второго часа и папа и Матт охрипли и умолкли, но звуки воды, шумно перекатывавшейся по полу, ясно говорили о том, что борьба еще продолжается.

Лишь близко к полуночи папа, один, появился на верхней площадке лестницы, ведущей из подвала. Он был раздет догола и близок к изнеможению. Глотнув

спиртного и приняв ванну, он пошел спать, не сказав маме и слова о тех ужасах, которые он пережил в подвале на залитом водой поле битвы.

Остаток ночи Матт провел на улице под парадным крыльцом. Очевидно, он был слишком измотан, чтобы тут же дать выход своему раздражению и отправиться к дохлой лошади... Хотя, может быть, из коварства он приберег это удовольствие моим родителям на утро.

Но когда наступил рассвет, то затея с дохлой лошадьё все же отошла на второй план перед железной привычкой выполнять свои утренние обязанности.

Уже давно и регулярно, в часы между рассветом и завтраком, он обегал все переулки и задворки по соседству. У него был разработан маршрут, от которого он отступал только в исключительных случаях. Были определенные мусорные баки, которые он никогда не пропускал, была, конечно, уйма привлекательных телефонных столбов, которые нельзя не обслужить. Путь Матта обычно пролегал по проулку между Девятой и Десятой авеню, оттуда до нового моста, затем на задворки ресторанов и бакалейных лавок у Пяти углов. Повернув к дому, он следовал по главной улице, инспектируя по пути пожарные колонки. К тому времени, когда он двигался домой, на улицах бывало много народу, направлявшегося за реку к месту работы. В то памятное утро ничто не предвещало беды, пока Матт не примкнул к толпе рабочих, шагавших в южную часть города.

Не было никаких предчувствий и у мамы до тех пор, пока без четверти восемь не зазвонил телефон. Мама взяла трубку, и сердитый женский голос прокричал ей в ухо: — Вас следовало бы посадить в тюрьму! Вы почувствуете, так ли это приятно, когда я напущу на вас закон!

На том конце провода трубка с треском опустилась на рычаг, и мама вернулась к приготовлению завтрака. Рано утром она всегда бывала флегматичной и потому решила, что эта гневная тирада прозвучала просто не по тому номеру телефона. Мама даже улыбалась, когда за завтраком рассказывала об этом папе. И когда приехала полиция, она все еще улыбалась.

Прибыли два полисмена, симпатичные и вежливые. Один из них объяснил, что какой-то чудаковатый позвонил в полицейский участок и сообщил, что Моуэты выкрасили свою собаку. Полисмены были смущены и поспешили объяснить, что закон обязывает проверять все жалобы, какими бы странными они ни казались. Если мама заверит их, ради пустой формальности, что ее собака все еще имеет свою естественную окраску, они охотно откланяются. Мама сразу же заверила их, что все так и есть, но, чувствуя себя озадаченной, поспешила в столовую сообщить об этом папе.

Но папа исчез. Он даже не допил своего утреннего кофе. Ворчание и фыркание Эрдли в переулке за домом говорило о том, что он спешно уезжает.

Мама пожала плечами и стала убирать посуду. В этот момент Матт начал царапаться в дверь с сеткой для защиты от москитов. Мама пошла впустить его.

Матт просеменил в дом с самым страдальческим видом, низко опустив голову. На людной улице ему, должно быть, пришлось очень худо. Он тут же юркнул в мою комнату и исчез под кроватью.

Папа еще не доехал до места работы, когда мама позвонила в библиотеку. В результате на работе его встретило взволнованное и строгое мамино распоряжение: немедленно вернуться домой.

Затем вызвали ветеринара.

К несчастью, это был тот же человек, который приезжал, когда Матт съел зеленое мыло. Ветеринар явился уже с выражением подозрительности во взгляде.

Мама встретила его на пороге и поспешно провела в спальню. Затем они вдвоем попытались убедить Матта вылезти из-под кровати. Матт упорно отказывался подчиниться. В конце концов ветеринару пришлось ползти к собаке под кровать, но проделал он это очень неуклюже.

Когда он вылез, то, казалось, лишился дара речи. Мама истолковала его молчание как признак опасного состояния собаки. Она попросила доктора скорее назвать болезнь. Она совсем не была готова к тому бурному потоку слов, которым доктор

разразился в ее адрес. Он отбросил всю профессиональную этику и когда покидал наш дом, то горестно клялся, что бросит медицину и вернется на пшеничную ферму, где родился. Доктор был так зол, что совершенно забыл о гонораре.

Для одного утра мама натерпелась вполне достаточно и была уже на пределе, когда несколько минут спустя с черного хода осторожно появился папа. У него был почти такой же жалкий вид, как у Матта. Он увидел выражение маминых глаз и попытался опередить ее.

— Клянусь, я даже не предполагал, что это произведет такой эффект, - поспешил объяснить он. — Все это, конечно, отмоется? — В его голосе звучала мольба.

Маму наконец-то озарило запоздалое прозрение относительно всего случившегося с Маттом. Она устремила на папу самый уничтожающий взгляд, на какой только была способна.

— Что отмоется? — спросила она повелительным голосом, не оставив папе даже щелки для дальнейших уверток.

— Синька, — робко ответил папа. Не удивительно, что к моменту моего возвращения мама чувствовала себя несчастной. В течение трех дней телефон звонил почти непрерывно. Некоторые из звонивших были общительны — терпеть их было труднее всего. Другие были настроены мстительно. К счастью, репортеры газеты "Саскатун Стар Феникс" были друзьями моего папы и с замечательным благородством отказали себе в возможности широко использовать эту забавную тему на страницах своей газеты.

Тем не менее в Саскатуне почти все жители были оповещены о Моуэтах и их яркосиней собаке, и каждый имел на этот счет свое собственное мнение.

Когда я пришел домой, папа уже болезненно вздрагивал от одного упоминания о случившемся, и было опасно выпытывать из него подробности. Но я все-таки рискнул его спросить о количестве синьки, которое он использовал.

— Всего-то горсточку, — ответил он сухо. — Только чтобы убрать этот противный желтый оттенок и вернуть шерсти белизну!

Не знаю точно, сколько эта "горсточка" вмещала, но зато знаю, что когда несколько дней спустя мама попросила меня прочистить засорившийся водослив в подвале, то я извлек из трубы комок бумажных оберток не менее чем от десяти кубиков синьки... Очень сомневаюсь, что несколько оберток попало туда раньше.

Стая уток

Осенью того же года мы с папой начали готовиться к нашему первому охотничьему сезону на Западе. Время перед открытием сезона были полно для меня больших волнений и ожидания, а школа казалась почти невыносимой пыткой. Ночи стали холоднее. В предрассветные сумерки я внезапно просыпался и, лежа в постели, с учащенно бьющимся сердцем прислушивался к величавым голосам первых гусиных стай, тянувшихся на юг. На кровати у себя под боком я держал свое ружье маленькое ружье двадцатого калибра (первый в моей жизни дробовик). В гулкой темноте я поднимал его к плечу, потолок и крыша исчезали, и дуло ружья следовало за небесными путешественниками.

Папа был возбужден еще сильнее. Каждый вечер он вынимал из чехла свое ружье, заботливо полировал сверкающую ложу из орехового дерева, вытаскивал патроны и снова укладывал их в коробки. Мама обычно сидела и глядела на него с выражением ангельской покорности, которое кого угодно может вывести из себя и которое женщины умеют превращать в грозное оружие против своих спутников жизни. Матт, напротив, полностью игнорировал наши приготовления, и ему становилось от них так тошно, что он начинал проводить вечера вне дома. Отсутствие у собаки всякого интереса к ружьям, манкам, патронам и к одежде для охоты вызывало у папы презрение, и при этом подтверждалась справедливость его первоначальной оценки Матта.

— Нам придется охотиться без собаки, Фарли, — угрюмо сказал он мне однажды вечером.

Мама, которой на самом деле было адресовано это замечание, попалась на удочку.

— Ерунда, — возразила она. — У вас есть Матт — вам надо только потренировать его. Папа иронически фыркнул.

— Ты говоришь, Матт! Нам нужна собака для охоты на птицу, а не собака с птичьими мозгами.

Меня кольнул намек на умственные способности Матта.

— Я думаю, что у него в роду где-нибудь, вероятно, была собака для охоты на птицу, — сказал я. — Посмотри на его длинную шерсть на ногах - ведь она как у настоящего английского сеттера.

Папа бросил на меня серьезный взгляд и попросил следовать за ним в гараж. Когда мы вошли в это убежище, он запер дверь.

— Ты снова идешь на поводу у мамы, — бросил он мне обвинение тоном, который подчеркивал всю серьезность моего нарушения мужской верности.

— Не то чтобы и д у н а п о в о д у, — оправдывался я. — Мама сказала только, что нам следовало бы испытать пса и он, может быть, стал бы приносить нам к а к у ю — т о пользу.

Папа взглянул на меня с сожалением.

— Ты не понял главного, — объяснил он. — Ты теперь достаточно взрослый, чтобы понять, что в мужских делах никогда не стоит давать женщине возможность считать, что она права. Не стоит давать ей ни малейшего шанса доказать это. Матт остается дома.

Папина логика смутила меня, но я не стал спорить. Так в этот первый сезон мы бродили по полям и озерам без собаки. Возможно, тогда это ничего бы не изменило. Самому папе и мне предстояло еще многому научиться, а процесс обучения охоте оказался бы невероятно сложным, попытайся мы одновременно натаскивать на дичь и собаку.

В день открытия охоты мы с папой были на ногах задолго до рассвета (в ту ночь мы по-настоящему и не ложились). Погрузив ружья и все наше имущество на тряское сиденье Эрдли, мы покатали сквозь сумрачную пустоту спящего города на широкую равнину. Чуть брезжило, когда мы уже неслись по прямым грунтовыми дорогам и за кормой Эрдли клубилась пыль, кроваво-красная в рассеянном свете задней фары. Случайные зайцы делали гигантские прыжки в конусах света от передних фар или мчались рядом с нами по придорожным кюветам, похожие на призрачных скаковых лошадей, сопровождающих наш маленький автомобиль.

Поля по обе стороны дороги были уже давно сжаты, зерно обмолочено. Теперь жнивье при зарождающемся рассвете стояло мертвенно-бледное, неживое, седое, как борода старика. Тонкие, почти невидимые линии оград и колючей проволоки тянулись до самого горизонта, сплошную линию которого нарушали только неясные контуры элеваторов в невидимых деревушках где-то там, на краю света. Время от времени мы пролетали мимо группы тополей, сохранивших только отдельные пятна уже обреченных желтых листьев. Изредка попадалась хижина фермера — обшитая горбылем, серая, источенная пыльными бурями и сильными зимними ветрами.

Думается, что пейзаж был унылым, но тем не менее он пробуждал во мне ощущение бесконечной свободы и раскованности, которое не понять тем, кто живет в пределах цивилизованного Востока. Нам не попадалось ничего омерзительного для созерцания, гнета запустения не ощущалось. В состоянии восторга мы смотрели, как солнце выплывает из-за горизонта, а дымка от рассеивающихся облаков пыли переливается в изумительном и щедром потоке света.

После того памятного утра мне довелось любоваться восходом солнца в прерии много раз, но желание видеть это чудо снова и снова остается неутоленным.

Наконец мы повернули па восток. Теперь лучи солнца били нам в глаза. Маленький Эрдли выбрасывал из-под танцующих колес клубы пыли. Настало утро. Я не мог дольше сдерживать своего нетерпения.

— Где мы отыщем птиц? — спросил я.

Дело в том, что почти целый год папа лихорадочно собирал сведения по охоте со стрельбой влет. Он прочитал множество книг, побеседовал с двумя десятками старых охотников и думал, что уже стал специалистом.

— Это зависит от того, на каких птиц охотишься, — отвечал он с напускной небрежностью. — Раз сезон охоты на тетерева еще не открыт, то мы ищем гуннов, — объяснял папа с видом знатока, пользуясь этим жаргонным обозначением степного тетерева и венгерской куропатки, — а гунны любят выбираться на рассвете на дороги клевать гальку. Мы можем увидеть их в любой момент. Я поразмыслил над сказанным.

— На этих дорогах нет никакой гальки, только пыль, — сказал я, как мне казалось, с убедительной логикой.

— Конечно, здесь нет никакой гальки, — ответил папа сухо. — "Клевать гальку" — такое выражение. В данном случае это безусловно означает купаться в пыли. А теперь прикуси язык и смотри в оба.

Размышлять было некогда, так как в следующий миг папа резко нажал на тормоза, Эрдли пронзительно взвизгнул, затрясся и остановился.

— Вот они! — зашептал папа горячо. — Ты оставайся у машины. Я подкрадусь по канаве и спугну их на тебя.

Было уже совсем светло, но, сколько я ни напрягал зрение, мне удалось лишь мельком заметить несколько сероватых силуэтов, суевившихся в придорожной канаве ярдах (*12) в сорока впереди. Тем не менее я зарядил свое ружье и, в невероятном возбуждении выскользнув из автомобиля, сжавшись в комок, замер у переднего крыла. Папа уже двинулся по канаве с ружьем под мышкой и, маскируясь, почти зарылся лицом в сухую траву. Вскоре он исчез из виду, и некоторое время передо мной все было неподвижно, кроме одинокого гофера, который высунул голову у столба ограды и насмешливо посвистывал.

Мне казалось, что папы нет уже целую вечность, но в тот момент я не знал, что он впервые познакомился с перекати-полем. Это ужасный сорняк. Его высохшие и колючие стебли каждую осень перекатываются по равнине на расстояние многих миль, сбиваясь в непроходимые клубки за заборами или в глубоких придорожных канавах. В тот год был очень большой урожай на перекати-поле, и канава, по которой папа пробирался, была забита им.

Папа испытывал ужасные страдания, но продолжал двигаться, затем внезапно выскочил из канавы, прицелился в шумную стайку вспорхнувших птиц и выстрелил случайно сразу из двух стволов. Тут же он снова исчез, так как двойная отдача дробовика двенадцатого калибра равносильна нокауту мощным ударом в челюсть справа.

Как папа и предсказывал, гунны полетели прямо на меня. Я был так возбужден, что забыл спустить предохранитель, но это оказалось даже к лучшему. Когда птицы пролетали над головой, я увидел, что это такая прелестная стайка луговых жаворонков, какой я еще ни разу в жизни не встречал.

Немного погодя папа возвратился к автомобилю, и мы двинулись дальше. Он правил одной рукой, а другой отдирал от лица колючки. Я не болтал, чувствуя, что молчать безопаснее.

Тем не менее наш первый день на охоте все-таки прошел не безуспешно. К вечеру мы обнаружили птичий выводок, и папа с тридцати ярдов убил двух птиц великолепным дуплетом. Мы очень гордились собой, возвращаясь к дому. А разгружая автомобиль, папа увидел, что к нам подходит один из соседей - между прочим, опытный охотник, — и с гордостью поднял связку птиц.

Это произвело впечатление. Сосед стремительно бросился к автомобилю и, вырвав птиц у моего отца, пробормотал:

— Ради бога, Моуэт, скорее прячьте эту проклятую дичь! Разве вы не знаете, что до сезона охоты на степных тетеревов еще целая неделя.

В ту первую осень мы с папой научились многому. Мы узнали, что венгерская куропатка — самая хитрая из птиц: быстрая, как пуля в полете, и почти такая же быстроногая, как газель, когда она бежит по земле по густым зарослям. Мы привыкли к шумному и стремительному вылету куропаток из высокой болотной травы, похожему на взрыв. Мы узнали, что есть только один вид утки, по которой уважающие себя охотники Запада соизволят стрелять: это зеленоголовая кряква. Желание добыть почетный трофей едва не обернулось для нас трагедией.

Как-то в октябре мы обнаружили десяток зеленоголовков, которые безмятежно кормились в болотце метрах в пятнадцати от хижины, по-видимому, давно заброшенной. Хотя утки выглядели немного крупнее тех, за которыми мы безрезультатно гонялись целый сезон, мы с трудом поверили тому, что у них оказался хозяин, да к тому же еще и инспектор по охране дичи, человек с крайне преувеличенным представлением о стоимости своей домашней птицы. В тот раз мы еще легко отделались, так как хозяин-инспектор мог бы обвинить нас в превышении нормы отстрела, будь такая норма применима к домашним уткам.

Тот первый сезон убедительно показал, что нам очень не хватает помощи подружейной собаки — если не пойнтера, то по крайней мере хорошего ретривера (*13). Мы потеряли много раненых в крыло куропаток, которым удалось убежать и спрятаться. Один раз чуть не потеряли самого папу, когда он вошел в озеро с зыбучим песком, чтобы достать птицу, которую позже определили как большого баклана. Память о потерянных птицах и особенно о зыбучем песке мучила папу целый год и придала новый вес доводам мамы в пользу Матта, когда подошел следующий сезон охоты. Она свято верила в собаку, а может быть, это было только женское упрямство.

Папа сдавал позиции медленно и пытался обороняться.

— Ведь так очевидно, что Матт не охотничья собака! — настаивал он, отступая еще на пару шагов.

— Ерунда! — возражала мама. — Ты отлично знаешь, что если Матт решится, то он все может сделать. Вот увидишь.

Не думаю, чтобы папа хоть один раз открыто признал себя побежденным. Никаких слов не было сказано, но, когда охотничий сезон приблизился, стало ясно без слов: Матту дадут возможность показать себя.

Матт чуял, что затевается что-то необычное, но не понимал еще, что именно. Он с любопытством следил за тем, как мы с папой вытаскивали наши драгоценные охотничьи брюки из кучи старья, которое мама отложила, чтоб отдать Армии спасения (*14) (был такой ежегодный ритуал); собака в растерянности сидела рядом, когда мы чистили ружья и подновляли подсадных — деревянных — уток. Когда до дня открытия охоты оставалось уже совсем мало времени, пес начал проявлять что-то похожее на интерес к нашим приготовлениям и даже стал отказываться от своих ночных обходов мусорных баков. Мама быстро смекнула, что такое поведение — признак пробуждения наследственного спортивного инстинкта.

— Он начал принимать решение, — сказала нам мама. — Подождите — и увидите!

Ждать долго не пришлось. Открытие сезона было в субботу, а накануне днем один фермер, который познакомился с папой через библиотеку, позвонил, что на своем жнивье видел большие стаи крякв. Это место находилось примерно в ста милях западнее нашего города, поэтому мы решили выехать в пятницу вечером и заночевать на ферме.

Мы покинули Саскатун в сумерках. Матт влез в автомобиль достаточно охотно и, захватив место рядом с шофером, погрузился в тревожный сон. Было слишком темно, чтобы видеть гоферов, и слишком холодно, чтобы сунуть свой нос-картошку в воздушный поток для обследования новых удивительных запахов. Поэтому он шумно спал, в то время как Эрдли трясся по грязным дорогам залитой лунным светом прерии. Папе и мне было не до сна. Мы знали, впереди большие стаи устраиваются на ночлег, на рассвете они поднимутся с широких полей для утреннего перемещения

на ближайшее болото, где утолят жажду и немного посплетничают, прежде чем вернуться к такому серьезному занятию, как склевывание зерен пшеницы, оставшихся после молотьбы. В полночь, достигнув цели нашего пути, мы свернули с дороги и проехали полем к скирде соломы в полумиле от болота. С наступлением темноты мы ощутили пронизывающий холод приближения ранней зимы, а ждать рассвета нам предстояло много часов. Я выкопал в соломе пещерку для пас троих, а папа тем временем при тусклом свете фар Эрдли собрал ружья. Когда все было готово для встречи утренней зари, папа присоединился ко мне, и в ароматной уютной норе из соломы мы завернулись в одеяла.

Через дыру в соломе заглядывала полная луна — луна охотничей удачи. Присмотревшись, я различил сверкание кристалликов инея, который начал покрывать капот Эрдли. Где-то высоко-высоко, а может быть, только в моем воображении мне слышался трепетный шум крыльев.

Я протянул руку — рука коснулась холодного, липкого от смазки ствола моего ружья, лежавшего рядом. Меня охватило такое счастье, какого мне с той далекой поры больше не довелось испытать.

Матт не разделял моего счастья. Он никогда не любил спать под открытым небом, и в эту холодную ночь его не радовали ни морозные поля, ни сияющее небо. Он не доверял сомнительному уюту нашей пещеры, подозревая, что это какая-то ловушка; он отказался покинуть теплое сиденье автомобиля.

Примерно через час после того, как сон победил меня, я внезапно проснулся от пронзительного заливистого воя койота, прозвучавшего в холодном воздухе где-то совсем рядом. Не успел койот исполнить свою песнь даже до половины, как Матт пулей влетел в пещерку, отскочил от папы, как упругий мяч, и, дрожа, плюхнулся мне на живот. Я застонал и сердито сбросил его. В темноте завязалась беспорядочная толкотня, в которую вплелось папино недовольное бормотанье насчет охотничьих собак, которых пугает вой койота. Матт не ответил, а, обрушив на наши головы порядочную часть соломенной кровли, свернулся у меня на груди и притворился, что спит.

Перед рассветом меня разбудила соломинка, которую пошевелила хлопотунья-мышь, а затем щебетанье вьюрков на стерне перед нашим убежищем. Я разбудил папу, и мы начали в полусне возиться с грязными ботинками и тяжелой от влаги одеждой. Матт путался под ногами. Он упорно отказывался встать в такую рань, и в конце концов его пришлось вытащить из теплого укрытия силой. Казалось, что все его унаследованные охотничьи инстинкты за ночь исчезли. И когда мы готовили завтрак над шипящим голубым пламенем примуса, то не испытывали никакого оптимизма относительно потенциальной ценности пса для нас.

А когда наконец было покончено с кофе и мы тронулись по хрупкой от мороза стерне к болотистому озерку, Матт, делая большое одолжение, согласился сопровождать нас, так как не хотел оставаться один на один с койотами.

Было еще темно, но на востоке уже родился слабый намек на тусклый свет, когда мы шагали мимо окаймляющих болотистую низину тополей к засидке - укрытию из тростника, — которую фермер соорудил для нас. Тишина казалась беспредельной, а холод был настолько неумолимым, что кусал сквозь одежду, и я весь дрожал от его прикосновений. Крепко стиснутый между моих колен, когда мы сидели на корточках в укрытии, Матт тоже дрожал и время от времени невнятно ворчал, возмущаясь глупостью взрослых и мальчишек, которые добровольно подвергают себя и своих подчиненных таким труднопереносимым мучениям.

Я не обращал внимания на его жалобы, так как ожидал рассвета. Дрожа от возбуждения не меньше, чем от холода, я ждал, напрягая зрение и слух, казалось, конца вечности. Затем, с внезапностью летней молнии, наступил рассвет. Сквозь размазанные контуры сбросивших листву деревьев я увидел живое серебро озера, волшебным образом выступившее из густого тумана. Мерцающую водную гладь покрывало рябью от медлительных движений двух чирков с зелеными крыльями. При взгляде на них мое сердце отчаянно забилося, и рука в перчатке так крепко вцепилась в

ошейник Матта, что тот начал извиваться. Я посмотрел на собаку и с удивлением заметил, что его угрюмое настроение сменил острый интерес с примесью растерянности. Возможно, ему передалась частица моих ощущений, а может быть, мама была на самом деле права, когда говорила о наследственности. У меня не было времени на размышления — птицы приближались.

Сначала мы уловили низкую отдаленную вибрацию, которую и слышали и как-то воспринимали всем нутром. Скоро эти колебания воздуха перешли в нарастающий глубокий звук, как будто, вспарывая воздух, на нас неслось бесчисленное множество артиллерийских снарядов. Я услышал почти беззвучное восклицание папы и, выглянув из укрытия, увидел, как потемнело желтое небо, когда его закрыла живая туча. Затем бесчисленное множество хлопающих крыльев окутало нас ревом океанского прибоя, дробящегося о скалы.

Когда, пораженный этим фантастическим зрелищем, я поднял лицо, папа быстро прошептал:

— Один-то круг они обязательно сделают. Не стреляй, пока не начнут садиться.

Теперь все небо дрожало от взмахов крыльев. Пролетело пять-десять тысяч птиц, и шум отдалился, потом снова стал нарастать, осязаемо приближаться: желанный момент был близок.

Я выпустил ошейник Матта, чтобы снять ружье с предохранителя.

Матт обезумел.

Во всяком случае это самое точное объяснение того, что он сделал. Из сидячего положения он прыгнул вверх так высоко, что перемахнул через переднюю стенку укрытия, а приземлившись, помчался со скоростью, на которую никогда не был и не будет способен. И подал голос. Визжа и твякая в истеричном порыве, он мог бы сойти за две дюжины собак, никак не меньше.

Мы с папой выстрелили вдогонку быстро удалявшейся стае, но это был не более чем жест — разрядка нашему гневу. Затем мы опустили бесполезные ружья и разразились жуткими проклятиями вслед нашей подружейной собаке.

Но мы могли бы спокойно побереечь наши голоса. Не думаю, чтобы Матт вообще слышал нас. Он несся стрелой по сверкающим полям и, казалось, вот-вот оторвется от земли, а стая перепуганных уток накрывала его своей тенью. В беспредельной дали он превратился в точку, потом точка исчезла, и в мире наступила тишина.

Слова, которые мы могли бы сказать друг другу, когда мы потом сидели, прислонившись к стенке укрытия, не имели смысла. Мы и не говорили, мы просто ждали. Взошло красное солнце, небесный диск стал ослепительно ярким, и только тогда мы окончательно поняли, что уток в это утро нам больше не видать. Мы возвратились к автомобилю и сварили немного кофе. Осталось дожидаться возвращения Матта.

Он вернулся через два часа, причем пришел так осторожно, под прикрытием изгородей, что я заметил его только в пятидесяти ярдах от автомобиля. Матт представлял собой печальное зрелище. Уныние сквозило в каждой черточке его существа — от опущенного хвоста до жалко повисших ушей. Ему явно не удалось схватить ни одной утки.

Для папы этот первый опыт с Маттом был и горьким и сладким. Конечно, мы упустили уток, но папа снова был на правильном пути к тому, чтобы захватить инициативу на домашнем фронте в своих действиях против мамы. Первую стычку он выиграл. Но папа был не из тех, кто успокаивается на достигнутом. Разумеется, за первую неделю этого сезона мы не подстрелили вообще ни одной птицы, а Матт с подкупающей убедительностью показал, что он не был и никогда не будет собакой для охоты на птицу.

Верно и то, что Матт все еще болезненно страдал от неудачи своего первого охотничьего выступления и очень старался сделать нам приятное.

Было ясно: он не в силах понять настоящую цель наших экскурсий на осеннюю равнину.

На второй день выезда на охоту он решил, что мы охотимся на гоферов, и большую часть того дня энергично раскапывал их глубокие норы. Он не получил никакого вознаграждения за свои труды — разве что приступ астмы от большого количества пыли, забившей ему всю носоглотку.

В третий выход в поле он решил, что мы охотимся на коров.

Тот день запомнился нам надолго. Матт бросался в погоню за коровой с исступленным неистовством. За несколько часов он превратился в одержимую собаку. Это был ужасный день, однако для папы он имел свои положительные стороны. Когда вечером мы вернулись домой — очень усталые, очень пыльные и без птиц, — он имел повод злорадно доложить маме, что ее "охотничья собака" попыталась найти и принести сорок три телки, двух быков, семьдесят два молодых бычка и старого вола, принадлежавшего семье духоборов (*15).

Моему папе, должно быть, казалось, что теперь-то его давнее суждение о Матте полностью подтвердилось. Но папу должно было бы насторожить то спокойствие, с которым мама восприняла его отчет о событиях дня.

Скачок моей мамы с зыбкой болотистой почвы предположения на твердую землю факта был настолько впечатляющим, что у меня захватило дыхание, а папа, ошеломленный, не нашелся, что ответить.

Мама улыбнулась ему снисходительно.

— Бедный, славный Матт, — сказала она. — Он знает ужасную цену говядины в наши дни.

Матт — загонщик диких уток

Я думал, что после неудач той первой недели охоты Матта не будут брать с собой. Это казалось логичным, хотя очень часто логике бывало неуютно в нашем доме. Именно поэтому меня очень удивило, когда однажды утром я обнаружил, что участники нашего семейного раздора поменялись ролями. За завтраком мама стала развивать новую мысль насчет того, что Матт слишком умен, чтобы тратить время на беганье за птицей, а папа тут же возразил самым неожиданным для меня образом, что, мол, он любую собаку обучит чему угодно; Матт может стать и (черт возьми!) станет "лучшей собакой для охоты на птицу на всем Западе". Я подумал, что папа высказался слишком опрометчиво, но он твердо стоял на своем мнении, и поэтому весь остаток сезона Матт сопровождал нас в каждом выезде на охоту, и они с папой вели незатихающую борьбу принципов, которая временами приобретала гигантский размах.

Трудность заключалась в том, что, один раз изведав радости погони за скотиной, Матт решительно предпочитал коров птицам. Задача отучить его от преследования коров и заинтересовать пернатыми казалась безнадежной. Однако папа добивался своего с таким упорством, что к концу сезона стали заметны некоторые слабые проблески успеха. В тех редких случаях, когда Матт позволял нам подстрелить дичь, мы совали птицу ему в пасть или вешали на шею, как альбатроса — виновнику всех несчастий (*16), чтобы он отнес ее к автомобилю. Это занятие его глубоко возмущало, так как от перьев равнинной пернатой дичи он начинал чихать, а неприятный вкус жира на утиных перьях, очевидно, вызывал у него легкую тошноту. Однако, в порядке редкого исключения, его удавалось уговорить милостиво подобрать венгерскую куропатку, но он делал это только потому, что папа твердо давал ему понять, что если он не порадует нас, то коров ему в тот день больше не гонять. Наконец как-то в начале октября он наткнулся на убитую куропатку без нашей подсказки, и, может быть, потому, что поблизости не было коров, а ему было скучно, он подобрал ее и принес нам. Это первое аппортирование было успехом непрофессиональным, так как Матт не обладал тем, что специалисты-собаководы называют "нежный прикус". Когда мы получили куропатку, то это была всего лишь пригоршня окровавленных перьев, но мы не посмели жаловаться.

Неисправимые оптимисты, мы восприняли этот случай как обнадеживающий и удвоили наши старания. Однако Матт оставался прежде всего преследователем коров, и только в последнюю неделю охотничьего сезона в нем начались серьезные перемены.

Занимаясь распространением книг, мой папа перезнакомился с множеством разных людей во всех концах нашей провинции. Одним из новых знакомых был иммигрант — украинец Поул Сазалинский, Поулу принадлежали два участка земли по берегам огромного заболоченного озера Мидл-Лейк, которое лежит на порядочном расстоянии к востоку от Саскатуна. В четверг последней недели сезона Поул позвонил папе и сообщил, что на этом озере собираются огромные стаи канадских гусей. Он звал нас приехать и попытать счастья.

Во время нашего путешествия был жуткий холод. Землю уже покрыл снег, а северный ветер дул с такой силой, что Матт ни разу не погнался за скотиной. Он предпочитал лежать, свернувшись калачиком на теплом полу кабины, обдуваемый магистральным обогревателем, жадно вдыхая порции горячего воздуха и выхлопных газов.

Мы прибыли на Мидл-Лейк ранним вечером и увидели заброшенную землю, которая даже на наш взгляд казалась образцом запустения. Дороги, а точнее, просто замерзшие колеи уныло извивались по некоему подобию лунного ландшафта.

Поиски фермы Поула были долгими и мучительными.

Жилище Поула, когда мы его наконец нашли, оказалось обмазанной глиной лачугой, выступавшей над побелевшей равниной, как бородавка на лице. Эта неприглядная хатенка имела только две комнаты (каждая с одним крохотным оконцем), но в них жили Поул, его жена, родители жены, семеро детей Поула и два двоюродных брата, которые были у Поула в батраках. Скоро мы поняли, что главной опорой этого хозяйства были свиньи, и их запах царил повсюду. Этот аромат казался мне очень неприятным и намного ядовитее того, который обычно характерен для свиней. Но этой особенно пронзительной вони скоро нашлось объяснение.

Как и многие иммигранты, которые прибыли из Центральной Европы, поддавшись притягательной силе имевшихся в Канаде свободных земель, Поул был умный и дальновидный. Лишь только он стал владельцем участка на берегу Мидл-Лейк, он тщательно обсчитал все природные богатства, оказавшиеся в его руках. Скоро Поул обнаружил, что узкая протока, проходившая по его владению и соединявшая два главных залива озера, кишит крупными прилипалами. Для рынка эта рыба с быстро портящимся мясом не годилась, и ею никто не интересовался до тех пор, пока не появился Поул. А он сразу ее заметил и кое-что смекнул. Поул решил, что если эту рыбу нельзя сбывать на рынке в ее естественном виде, то ее отлично можно продавать, превратив в более удобоваримый продукт — такой, как свинина.

Занявшись разведением свиней, причем в крупных масштабах, он поразил соседей, которые умели только сеять пшеницу.

Он приобрел три ручных сачка и начал откармливать свиней прилипалами. На этой чисто витаминной диете свиньи сказочно росли, достигая годного для продажи веса в три раза быстрее, чем те, которых откармливали кукурузой. Свиньи отлично плодились, и их потомство обожало рыбу.

Для местных Поул был в какой-то мере загадкой. Никто из его соседей не знал про рыбу. У Поула были два повода для скрытности. Во-первых, он не хотел делиться своим добром с тугодумами, а во-вторых, на Украине ему довелось отведать свинины, откормленной на рыбе. Имея такой опыт, он предпочитал доставлять своих свиней в далекий Виннипег, пренебрегая более доступными местными рынками, и бодро сносил дополнительные расходы на перевозку. Местные считали его глупцом, но Поул не собирался объяснять, что умышленно выбрал Виннипег, так как в том большом городе розничные торговцы мясом просто не в состоянии проследить, откуда берутся свиные окорока и бекон, которые, казалось, долго вымачивали в рыбьем жире.

В последующие годы Поул стал на Западе влиятельным и уважаемым человеком. Он был из того теста, из которого получают великие люди.

Когда мы с ним познакомились, его карьера еще только начиналась и он не мог предоставить гостям достаточно комфортабельных условий, однако, несмотря на это, лишь Эрдли подкатил к двери его хижины, он гостеприимно принял нас в лоно своей семьи.

Но в жарких объятиях семьи очутились только папа и я. Матт отказался от этой чести. Понюхав воздух около хаты с плохо скрываемым отвращением, он сперва даже отказался вылезти и сидел в автомобиле, время от времени фыркая мокрым носом. Только когда крошечная тьма принесла колючее дыхание зимы и вой койотов, он стал царапаться в дверь.

Как и большая часть семьи Поула, мы трое спали на полу: у них была только одна кровать. На полу было даже лучше, так как внизу в воздухе оставалось еще немножко кислорода. Очень-то много его не было нигде, ведь ни одно из двух окошек не открывалось, и струйка свежего воздуха, которая просачивалась под дверь, скоро растворялась в водовороте тяжелых газов. Наши легкие работали на пределе, и мы отчаянно потели от топившейся печки, которая всю ночь гудела, как огнедышащий вулкан.

Для нас с папой эта ночевка была серьезным испытанием. Для Матта - просто ад. Судорожно глотая воздух, он вертелся на полу в поисках облегчения и не находил его. В конце концов, уткнув свой нос мне под мышку, пес смирился с возможностью задохнуться окончательно.

Только один раз в своей жизни Матт был рад встать еще до восхода солнца: когда в четыре часа утра миссис Сазалисская открыла дверь, направляясь за дровами для приготовления гуляша, Матт, пошатываясь и испуская стоны, выскочил из комнаты. Он еще полностью не пришел в себя, когда через час Поул повел нас на болотистый берег озера и дальше по низкой илистой косе.

На оконечности косы Поул заранее выкопал для нас две ячейки. В них стояла вода, покрытая коркой льда. От застывшего ила несло холодом. С северо-запада дул злой ветрище, и, хотя в темноте еще ничего не было видно, наши лица ощущали острые прикосновения секущего снега.

Поул ушел, посоветовав не прозевать стай, которые должны появиться у нас из-за спины, и мы трое уселись ждать рассвета.

Вспоминая пережитое, скажу: так холодно мне не было никогда. Даже возбуждение от ожидания первого выстрела по птице не могло заставить кровь течь по моим окоченевшим рукам и ногам быстрее. Что же касается Матта, то он вскоре вообще перестал что-либо чувствовать. Мы подстелили ему мешок, но от этого было мало толку. Пес начал сильно дрожать, затем сопеть, и наконец зубы его застучали. Папа и я удивились: никогда раньше нам не доводилось слышать, чтобы зубы у собаки так стучали. Просто не верилось, что такое возможно. Однако в течение всего бесконечного ожидания зубы Матта стучали, подобно бесконечному потоку гравия. Псу было так холодно, что он даже перестал жаловаться, и мы поняли, что это плохой признак, так как, если уж Матт не может жаловаться, значит, его силы на исходе.

Наконец наступил рассвет — серый и хмурый. Небо посветлело настолько слабо, что мы с трудом осознали наступление утра. Папа и я напряженно смотрели на беспокойные воды, как вдруг услышали звук крыльев. Разом позабыв о холоде, мы скорчились в залитых водой ямах и, несмотря на перчатки, онемевшими пальцами взяли ружья наизготовку.

Папа увидел стаю первым. Он резко ткнул меня в бок, я обернулся вполборота и увидел ни с чем не сравнимое величественное зрелище. Из серых гонимых ветром облаков, подобно "летучим голландцам" (*17), на нас неслась, взмахивая своими тяжелыми крыльями, стая перекликающихся лебедей. Они проплыли прямо над головой меньше чем на расстоянии выстрела, но в этот миг, величавый и

таинственный, мы пребывали вне времени и пространства. Потом они исчезли, и снежные вихри снова скрыли все.

Если бы после такого зрелища мы не увидели никогда ничего живого и ни разу не выстрелили, это было бы уже неважно. Однако первая стая лебедей была всего лишь вестником приближения других стай. Ветреную тишину илистой косы скоро нарушили звучные крики огромных гусиных стай. Они величаво скользили над нами. В тот день птицы летели низко и были нам хорошо видны — снежные гуси с поразительной белой грудью и черными как смоль концами крыльев, пристроившиеся к ним мелкие стайки полярных лебедей, следом — канадские казарки. И когда резкий свист рассекавших воздух огромных крыльев перекрыл шум ветра, папа и я встали и подняли ружья. Птицы летели низко над нами, и мы разом выстрелили. Выстрелы прозвучали еле слышно, их звук погас в реве ветра и воды.

Одна птица оказалась подбитой — ей просто не повезло: позже мы признались друг другу, что ни один из нас по-настоящему не целился в этих величавых серых птиц. Тем не менее одна из них, казавшаяся при бледном свете огромной и первозданной, крутой спиралью пошла вниз. Птица упала в воду в ста ярдах от берега, и мы с тревогой увидели, что она только ранена в крыло, так как, вытянув шею, тут же поплыла следом за удалявшейся стаей. В волнении мы подбежали к кромке воды. Нас привела в смятение не возможность упустить гуся, а скорее мысль о том, что мы обрекли эту птицу на медленное умирание среди образующегося льда. Лодки у нас не было. Поул обещал вернуться рано утром в маленьком челноке-долбленке, но он еще не появился, а гусь быстро удалялся и грозил скрыться с глаз.

Мы совсем забыли про Матта и застыли в изумлении, когда он вдруг оказался рядом, бросил быстрый взгляд на исчезающую птицу и прыгнул в ледяную воду.

До сего дня я не представляю себе, что толкнуло его туда. Может быть, этот гусь, который был очень крупным, показался ему более достойным его усилий, чем любая утка. Может быть, он просто сильно замерз и был таким несчастным, что хотел умереть. Но, по правде говоря, я особенно не верю ни одному из этих объяснений. Думаю, что мама оказалась права и откуда-то из глубины его загадочной родословной в конце концов всплыл некий древний инстинкт.

Снежные заряды стали плотнее, и Матт с гусем исчезли из виду. Мы прождали несколько бесконечных минут и, когда пес не появился, начали опасаться за него. Мы звали, но он не откликался, даже если и слышал нас сквозь шум ветра. Наконец папа умчался по косе искать Поула и лодку, бросив меня наедине с возрастающей уверенностью, что я видел мою собаку в последний раз.

Но какой безграничной была моя радость, когда вдруг сквозь снежный шквал я на одно мгновение увидел Матта. Он упрямо плыл, но ветер и волны были против него, и прошло порядочно времени прежде чем я увидел его отчетливо. Он плыл и крепко держал гуся за крыло, но крупная птица бешено сопротивлялась. Казалось невероятным, чтобы Матту удалось дотащить ее до берега, я был уверен, что он утонет у меня на глазах. Много раз он с головой исчезал под водой, но каждый раз, когда появлялся на поверхности, зубы его так же крепко держали птицу. Гусь бил его по морде здоровым крылом, клевал в голову, пытался нырять — Матт не отпускал его.

Когда Матту оставалось до берега еще метров шесть, я не выдержал напряжения и вошел в воду по пояс. Матт заметил меня и повернул в мою сторону. Он подплыл вплотную, я вырвал у него гуся и сразу же понял, что эта птица — действительно грозная. Меняхватило только на то, чтобы выволочь ее на берег, а затем пришлось покорно выдерживать такие удары, от которых ноги и руки много дней синели кровоподтеками.

Вскоре на маленькой лодке подплыли Поул и папа. Они поспешили на берег, и Поул остановился рассмотреть Матта: тот неподвижно лежал, закутанный в мою охотничью куртку. Я сидел на гусе и как мог старался удержать его.

— Ей-богу! — сказал Поул, и в его голосе звучало благоговение. - Ей-богу! Ты подстрелил этого большого серого гуся! А эта чертова собака - она принесла его? Ей-

богу, я просто не верю!

Матт заерзал под курткой, и один его глаз открылся. Жизнь возвращалась, так как если и было что-то, что могло вернуть его даже с порога могилы, так это искренняя похвала. Он понял, что недоверие Поула как раз и есть высшая похвала.

Мы отнесли Матта в хижину, и когда миссис Сазалисская услышала наш рассказ, она оказала псу прием, достойный героя.

Его поместили возле пышущей жаром печи и накормили до отвала горячим гуляшом. Только когда у него началась безудержная отрыжка от сочетания слишком большой жары и слишком обильной пищи, хозяйка перестала наполнять его миску.

Мы просто носили его на руках и тогда, и позже, по возвращении домой. Никогда раньше Матт не слышал столько лестных слов в свой адрес, и видно было, что ему это очень нравится. Когда год спустя снова наступил охотничий сезон, мы совершенно неожиданно обнаружили, что коровы, гоферы и даже кошки (по крайней мере на время сезона охоты) решительно вычеркнуты из списка его любимых занятий.

Раз Матт решил быть собакой для охоты на птицу, то ни о какой "натаске" не могло быть и речи, всякое насилие над собакой становилось излишним. Если кого-нибудь и тренировали, то тренируемыми были мы с папой, так как Матт вскоре продемонстрировал целое созвездие скрытых в нем талантов. И если он вообще был необыкновенным, то в новой своей роли он просто блистал.

Сущность этого нового Матта стала очевидна на следующий год, в день открытия сезона утиной охоты.

По воле случая мы вторично приехали на то озерко, где Матт опозорился во время своего первого выезда на охоту. Это озерко, тогда еще безымянное, сейчас известно спортсменам по всему Западу как озеро Матта — Загонщика Диких Уток.

Вот как оно получило свое название. В этот раз мы не ночевали под открытым небом, а приехали тютелька в тютельку, чтобы успеть забраться в убежище до наступления рассвета. Матт был на поводке, так как его подвиг на озере Мидл-Лейк в его первое посещение еще не совсем стер воспоминание о крушении наших надежд. "Теперь-то он себя реабилитирует", — решили мы, но были осторожны и даже подумывали надеть на него намордник, чтобы он не мог отпугнуть уток голосом. Но такое унижение его личности было бы для Матта слишком жестоким, и мы рискнули понадеяться на его сдержанность.

Наступил рассвет, конечно, не тот, который мы видели двумя годами раньше, и тем не менее очень его напоминавший. Снова красные лучи утреннего солнца падали на зеркальную гладь озера, и снова пара уток — на этот раз пара шилохвостей — сонно плескалась возле берега в высоком тростнике. Тот же острый запах соли и гниющих растений с заболоченных краев озера, запах, который скорее воспринимаешь на вкус, чем обонянием, потянулся к нам через серый туман. И прежнее томительное ожидание овладело нами, как и перед тем утренним перелетом.

Сам перелет проходил как раньше, как, вероятно, бывало всегда — с самого рождения этого озера. С полуосвещенного северного края неба донесся звук, похожий на шелест сухой травы на ветру.

Мы пригнулись еще ниже, и я предостерегающе вцепился в ошейник Матта. Снова рука ощутила, как он дрожит, я смутно уловил странные короткие взвизгивания, рождавшиеся глубоко у него в горле. Но мое внимание было приковано к приближающимся стаям. Они подлетели с громким звуком "вуш", вожаки выставили вперед лапы, коснулись воды и разбрызгали неподвижную серебряную гладь озера. Птиц прилетело столько, что, казалось, озерко слишком мало, чтобы принять их всех, — а они все еще подлетали.

На этот раз преждевременной пальбы не последовало. Ни папа, ни я уже не были новичками, а Матта надежно удерживал поводок. Мы выстрелили одновременно, и эхо наших выстрелов все равно прозвучало как гром даже среди урагана яростно хлопающих могучих крыльев. Все было кончено меньше чем за минуту. Небо над

нами снова было пустынным, и снова опустилась тишина. На озерке осталось восемь уток, пять из них — зеленоголовые селезни.

Матт прямо рвал поводок у меня из рук, когда мы вышли из укрытия.

— Спусти его, — сказал папа. — Сейчас он не может навредить. Поглядим, что он будет делать на этот раз.

Я отстегнул поводок. Прыжком кенгуру Матт перемахнул через полосу грязи и осоки у кромки воды — и помчался вперед гигантскими неуклюжими прыжками. С последним прыжком он плюхнулся в воду па глубоком месте и начал вспенивать воду, как старомодный колесный пароход. В его глазах был дикий, почти сумасшедший блеск, и, подобно атакующему бизону, он был полон непреклонной решимости.

Мы с напой взглянули друг на друга, потом на Матта в немом изумлении. Но когда он достиг первой убитой утки, быстро вонзил зубы в край крыла и повернул с ней к берегу, нам стало ясно, что мы — обладатели настоящего ретривера.

То, что Матт сделал сейчас, могла, конечно, сделать любая хорошая охотничья собака. Но события, которые последовали, несомненно предвещали непревзойденный расцвет собачьей гениальности.

Сначала эти признаки были расплывчатыми, так как хотя он доставил первую мертвую утку на берег как положено, но не отдал ее нам в руки, а просто бросил ее у воды и сразу же поплыл за следующей.

Однако поскольку он доставлял уток на сушу, нам не на что было жаловаться — по крайней мере, мы не видели для этого основания, пока он не принес трех мертвых уток и не начал заниматься остальными пятью, которые все еще были очень подвижными.

Тут у него начались трудности. Ему хватило нескольких минут, чтобы догнать первого подранка. Он схватил птицу за конец крыла, приволок к берегу, бесцеремонно избавился от нее и мгновенно снова прыгнул в воду. Следуя вплотную за собакой, утки быстро проковыляли к воде. Матт не заметил этого, так как его внимание было уже сосредоточено на другой утке, которая плавала посередине озерка.

Это было болотистое озерко, у кромки очень илистое и коварное. Как мы ни старались, но ни папы, ни меня не оказывалось под рукой, когда Матт приносил подранков. Мы не в состоянии были и прекратить мучения раненых птиц, как ни желали этого, так как к ним нельзя было приблизиться даже на расстояние выстрела. Теперь все зависело от Матта.

К тому времени как он принес пятнадцатую утку — а первоначально их было только восемь, — им овладело беспокойство. Первый пыл погас, и начал работать мозг. Следующая утка, которую он принес на берег, повторила прежний фокус, проделанный ею и ее товарками, и, как только Матт отвернулся, заковыляла в озерко. На сей раз Матт бросил бдительный взгляд через плечо и увидел, что его провели.

Мы с папой стояли в дальнем конце озерка, и нам было интересно посмотреть, что он сделает теперь, когда ему известно самое худшее. Молотя лапами по воде на середине озерка, он обернулся и бросил на нас взгляд, в котором были и презрение и отвращение, словно хотел сказать: "Что с вами, черт возьми? Ведь у вас есть ноги, не так ли? Ждете, что я сделаю всю работу?"

Внезапно положение показалось нам очень забавным, и мы начали смеяться. Матт терпеть не мог, когда над ним смеются, хотя любил, когда смеялись вместе с ним. Он показал нам спину и поплыл в противоположный конец озерка. Одно мгновение мы думали, что он оставил уток в покое и собирается выйти из игры. Мы ошиблись. Он доплыл до конца озерка, повернул и старательно начал гнать стайку раненых уток на нас. Когда все они, за исключением одного старого зеленоголового, который, нырнув, умело избежал облавы, оказались на расстоянии верного выстрела с нашего места, Матт повернулся и беззаботно поплыл прочь.

Мы исполнили наш долг с ощущением полной нереальности происходящего.

— Думаешь, он сделал это нарочно? — спросил меня папа тоном, полным благоговения. Теперь Матт направился обратно за оставшейся кряквой. Это был

крупный селезень, возможно, вожак перелета, который с годами стал хитрым. Его ранение было, очевидно, несерьезным, так как Матту удавалось только сокращать расстояние между ними. А когда Матт оказывался достаточно близко, чтобы броситься на птицу, его зубы, сомкнувшись, щелкали впустую: селезень успевал нырнуть.

Мы наблюдали, как селезень таким манером три раза избежал плена, а Матт бестолково плавал кругами по поверхности воды.

Старая птица держалась на почтительном расстоянии от берега, так как была знакома с ружьями. В конце концов мы решили, что эта утка нам не достанется, и хотели позвать Матта.

Он начал уставать. По мере того как его шкура все больше и больше намокала, он оседал в воде все глубже и глубже и скорость его уменьшилась так, что он был способен лишь, догнать селезня, не более. Однако он притворился глухим, когда мы стали звать его, сперва ласково, а потом сердито. Мы начали опасаться, что из-за своего ослиного упрямства он просто утонет. Папа уже принялся снимать куртку и сапоги, готовый броситься спасать любимца, когда произошло невероятное.

Матт настиг селезня в пятый раз. Утка подождала, в последний момент снова стала вертикально и исчезла под водой.

На этот раз Матт тоже исчез.

Его путь отметил водоворот илистой воды.

В центре водоворота был виден беловатый бугорок, который вяло двигался туда-сюда. Я узнал кончик хвоста Матта, поддерживаемый над водой остатком плавучести его длинной шерсти.

Папа уже месил сапогами болотную жижу, когда мой испуганный крик остановил его. Мы стояли разинув рты и отказывались верить реальности того, что видели.

Матт вынырнул. С морды свисали водоросли, и его глаза были сильно выпучены. Он судорожно глотнул воздух и тяжело забарахтался. Но в его передних зубах был зажат кончик крыла селезня.

Когда наконец Матт лежал перед нами, тяжело дыша — этакий полуутопленник, — мы являли собой заискивающих и кающихся людей — мужчину и мальчика. Я сжал поводок в комок, поймал понимающий папин взгляд, повернулся и со всей силы зашвырнул ремешок далеко в воду.

Со слабым всплеском поводок погрузился в тихую глубь тогда еще безымянного озера, теперь же озера Маллард-Пул-Матт — озера Матта - Загонщика Диких Уток.

Матт показывает себя

Раз уж Матт осознал себя ретривером, наши выезды на охоту превратились в сплошное удовольствие, не омрачаемое суетой и беспорядком, которые были неотъемлемой частью жизни обитателей города.

Я, словно голодный, ждал тех дней, когда уберут хлеба и скошенные поля будут хрустеть у нас под ногами, когда листья тополей упадут на землю, а мороз схватит солоноватый ил по краям маленьких озер; ждал тех дней, когда заря, как сверкающий кристалл, возникнет на небе, на котором не будет никаких облаков, кроме живых — птичьих стай, летящих на далекий Юг.

Однако если я ждал этих дней с гложущим нетерпением, то предвкушение удовольствия у Матта было еще сильнее. Найдя цель в жизни, он так жаждал охоты, что в последние недели перед открытием сезона обычно бывал глухим ко всем обычным искушениям. Кошки могли разгуливать по его собственному газону перед домом менее чем в десяти футах от его подрагивающего носа, а он даже не замечал их. Медвяный бриз из соседнего дома, где томилась в одиночестве симпатичная маленькая спаниелька, не мог вывести его из мечтательного состояния. Он лежал на пожухлой траве газона возле гаража и не отрывал взгляда от тех ворот, через которые скоро должен выкатить Эрдли, чтобы везти его и нас на полные жизни приозерные равнины.

Раньше в первый день каждого сезона он просто становился безумным и каждый сезон, хватая свою первую птицу, приносил охотнику сильно изжеванную тушку. Теперь этого никогда не случалось дважды. И после первого взрыва эмоций он выполнял свою работу безупречно.

Его способность совершенствовать себя как охотничью собаку, казалось, не знала предела. Каждый сезон он изобретал новые фокусы для того, чтобы достичь еще большего совершенства, и некоторые приемы казались более чем удивительными.

Как-то в среду в начале октября мы пригласили одного нашего друга из Онтарио на охоту в прерии. У него была целая свора чистокровных сеттеров и тридцатилетний опыт охоты на равнинную пернатую дичь на Востоке. Это был человек, которого редко удавалось поразить понятливостью собак. Однако Матт удивил и даже ошеломил его.

Внешность Матта, конечно, смутила его, но наш друг воздержался от сомнений по поводу блестящей характеристики, которую мы дали нашей собаке, и благодаря такому проявлению доверия Матт ладил с ним с самого начала их знакомства.

В среду, о которой я пишу, они вдвоем пошли по одной стороне большого островка тополей, а мы с папой двинулись в обход с другой стороны. Нашей общей целью была стая венгерских куропаток, которая, как мы знали, прячется где-то рядом.

Теперь венгерские куропатки уцелели и умножились даже там, где охотятся наиболее интенсивно, и это объясняется очень просто. Как только пальба дня открытия охоты насторожит их, они почти всегда становятся совершенно недостижимыми. Затаившись невидимками в жнивье, они видят вас задолго до того, как вы их увидите, а когда вы уже подошли на сорок-пятьдесят ярдов, они фейерверком взрываются вверх, как наземные мины-"лягушки", и стайка рассеивается в стольких направлениях, сколько в ней птиц, причем со скоростью пули. Приземлившись, они стремительно мчатся, не останавливаясь, пока не удалятся на много миль. Они, по-видимому, бегают даже чуточку быстрее, чем летают.

Наш друг знал об этом все, по крайней мере в теории. Соответственно он был наготове, когда стайка вспорхнула в пятидесяти ярдах, чтобы почти сразу же исчезнуть в болотистой низине среди ивняка. Тем не менее он даже не успел нажать на спусковой крючок. Неудача раздосадовала его. А затем в довершение всего Матт вдруг нарушил главное правило для подружейной собаки и, даже не взглянув на своего спутника, помчался за скрывавшейся стаей.

Наш друг свистел, звал его, ругался, но все зря. Матт удалялся своим причудливым кособоким галопом и скоро исчез из виду.

Мы встретились с нашим гостем в дальнем конце тополевой рощицы, и, хотя он из приличия ничего не сказал, было нетрудно догадаться, какие у него мысли. Но не так-то легко было угадать, что он подумал, когда несколько минут спустя сзади послышалось громкое пыхтенье, мы обернулись и увидели Матта, который неторопливо трусил с куропаткой в зубах.

Наш друг просто остолбенел.

— Что за черт! — закричал он. — Я вообще не стрелял. Неужели ваша образцовая собака обходится даже без помощи стрелка?

Папа снисходительно рассмеялся.

— О, не совсем так, — объяснил он со своей обычной склонностью к театральности.

— Матт, конечно, добывает больше птиц, когда под рукой есть ружье, но он обходится и без него. Видите ли, он загоняет их.

Папа не потрудился завершить свое объяснение, и наш друг возвратился на далекий Восток уже менее самодовольным от неповторимости своих замечательных собак, предварительно попытавшись решительно, но безрезультатно увести Матта с собой.

Он всегда верил своим глазам, но, к сожалению, не знал того, что знали мы: куропатка, в которую не стреляли, раненная когда-то другим охотником, была калекой, но калекой, способной бегать.

Талант Матта в этом направлении не следовало недооценивать. Он часто обнаруживал в стае калеку, которую мы не видели, и по крайней мере в десяти

разных случаях он приносил дичь, когда, не сделав выстрела, мы были совершенно уверены, что разыскивать нечего. Мы научились не тратить нервы на проклятья, когда он плевал на обычную процедуру и убегал по собственному разумению. Было слишком неловко извиняться перед ним потом, когда он возвращался с птицей в зубах.

Не было такого места, где бы раненая птица была от него в безопасности. Его необычный нос-картошка, каким бы он ни казался странным, отличался исключительным чутьем в поле, и он мог находить птиц, которых никто другой не обнаружил бы.

В тополевых рощицах севернее Саскатуна водилось много воротничковых рябчиков, и иногда мы охотились на эту хитрую птицу. Они держались вплотную к укрытию, и охотнику было трудно попасть в них. Но если выстрел попадал в цель, то птицы всегда бывали наши, так как Матт умел находить их, даже если они прятались в самых неподходящих местах.

Одним морозным утром вблизи озера Уоко-Лэйк я легко ранил рябчика и с досадой увидел, как он полетел через широко раскинувшееся болото и исчез в переплетении верхних ветвей серебристых ив. Матт сразу же умчался, но я был уверен, что на этот раз он даже не найдет следа этой птицы. Без всякой надежды я поплелся следом за ними по торфяной жиже, и представьте себе мое изумление, когда я заметил большую суету в купе серебристых ив. Густая поросль — высотой футов в двадцать — начала раскачиваться и трещать. Я остановился, присмотрелся, заметил, как мелькнуло что-то белое. Вдруг над кроной дерева показалась голова Матта, как обычно, с воротничковым рябчиком в зубах.

Слезть с дерева оказалось нелегко, и пес был сильно потрепан, когда подошел ко мне. Но мои поздравления он принял невозмутимо, считая такие вещи, как эта добыча рябчика, вполне допустимыми.

Даже небо над головой не было надежным убежищем от Матта; я видел, как он подпрыгнул метра на два и схватил медленно взлетающего и слегка раненного степного тетерева или, как его еще называют, венгерскую куропатку. Что же касается воды, то раненая утка, которая думала, что спасение в воде, просто пребывала в роковом заблуждении.

Матт так и не примирился с маслянистым вкусом уток и всегда приносил их, брезгливо держа передними зубами за конец маховых перьев крыла. При этом он кривил губы так, будто утка источала невыносимый запах. Из-за своей брезгливости к ним он никогда не мог заставить себя прикончить утку, и это нежелание порой создавало ему большие трудности.

Однажды на озере Меота-Лейк моему папе и мне посчастливилось сбить четырьмя выстрелами пять крякв. К несчастью, все птицы были живы и полны сил, хотя лететь не могли. Матт бросился за ними, но берег был очень топким и все, что ему удалось сделать, — это с трудом преодолеть вязкую грязь. Собаке было почти невозможно вернуться на твердую почву с трепыхающейся кряквой в пасти. Тогда он решил гнать своих подопечных к маленькому островку. Мы же бросились искать лодку.

Когда спустя полчаса мы добрались до островка, то обнаружили фантастическое зрелище. Там были и Матт и пять уток — все в непрерывном движении. По одной, по две или сразу втроем утки устремлялись к воде, а Матт бросался между ними и гнал их назад, на сухое место. Иногда ему удавалось вцепиться в крыло одной, буквально сидя на другой, прижимая еще двух лапами и пытаясь прижать животом пятую. Но пятой удавалось высвободиться и убраться прочь. После этого Матту приходилось выпускать всех пленников, они бросались врассыпную, и преследование начиналось сначала.

Его силы были почти на пределе, когда мы пришли на помощь, и это был единственный раз, когда я видел его во время охоты совершенно обессиленным. Не знаю, как ему удалось загнать на островок эту пятерку сопротивляющихся птиц.

В то время он уже усовершенствовал свою технику ныряния, мог достигать глубины до пяти футов и оставаться под водой целую минуту. Он скоро усвоил, что если утка

ныряет глубоко, то иногда ее можно утомить, если поджидать на поверхности там, где она собирается вынырнуть, а затем заставить снова пырнуть, не дав ей глотнуть воздуха.

Только один раз я видел, как победила утка, да это и не была обычная дикая утка, а поганка. Матт уже подобрал и принес нам американского гоголя и поплыл снова, в полной уверенности, что вторая птица ожидает внимания с его стороны. Зная, как бесполезно с ним спорить, мы дали ему действовать по собственному усмотрению, хотя эта поганка была цела и невредима — по крайней мере, наши выстрелы не причинили ей вреда.

Поганки редко летают, но зато ныряют как рыбы, и Матт битый час преследовал эту птицу, в то время как папа и я присели в укрытии и пытались не выдать звуками нашего веселья. Было бы очень плохо, если бы Матт услышал наш смех. Он не одобрял юмор, когда предметом насмешек бывал он сам.

Матт сердился все больше и больше, и, хотя глубина была десять и даже пятнадцать футов, он наконец бросил попытку утомить поганку и решился нырнуть за ней. Но его тело не было создано для действительно глубокого погружения. Его плавучесть была слишком большой, и балласт был размещен не так, как надо. При третьей попытке его под водой опрокинуло, и он выскочил на поверхность брюхом вверх. Тогда, и только тогда он с большой неохотой выбрался на берег.

Мы тут же отправились охотиться на куропаток, чтобы он мог заглушить горечь поражения, а попутно избавиться от доброго галлона (*18) озерной воды.

Слухи о феноменальных способностях Матта вскоре распространились по округе, так как ни папа, ни я не молчали о нем. Сперва местные охотники были настроены скептически, но после того как некоторые из них увидели его на охоте, их недоверие стало уступать место большой гражданской гордости, которая в должное время сделала имя Матта символом совершенства в кругу охотников Саскачевана.

Действительно, Матт стал чем-то вроде символа — чисто западного символа, поскольку его подвиги порой несколько преувеличивались его поклонниками ради неосмотрительных чужаков, особенно если они бывали с Востока. Произошло, в частности, столкновение именно такого чужака с несколькими местными почитателями Матта, которое принесло псу самый большой и самый долговечный триумф — успех, который не забудут в Саскатуне, пока существуют птицы и собаки, чтобы охотиться на птиц.

Все это началось в один из тех томительных июльских дней, когда прерии задыхаются, как околевающий койот, пыль лежит тяжелым покрывалом, а воздух, прикасаясь, обжигает кожу. В такие дни разумные люди удаляются в пещеры-погребки.

В Канаде для благозвучия их называют пивными залами.

Залы эти почти одинаковы по всей стране — слабо освещенные, переполненные трактиры с запахом пота, пролитого нива и табачного дыма, но в большинстве случаев в них умеренно прохладно, а безвкусная жидкость, которую выдают за пиво, обычно холодна как лед.

Именно в такой день пять жителей городка — все любители собак - собрались в пивном зале. Они только что вернулись с испытаний охотничьих собак в Манитобе и привезли с собой гостя. Это был осанистый джентльмен из штата Нью-Йорк, столь же наделенный богатством, сколь и честолюбием. Потакая своему честолюбию, он делал все, чтобы иметь лучших ретриверов не только на этом континенте, но и во всем мире. После того как в Манитобе его собаки победили, этот человек появился в Саскатуне по любезному приглашению местных жителей посмотреть, каких собак выращивают они, и приобрести нескольких, которые ему понравятся.

Собаки ему не понравились. Раздраженный этой безрезультатной поездкой в знойную летнюю погоду, он повел себя несколько вызывающе.

Во время осмотра местных сворных охотничьих собак он делал ядовитые и пренебрежительные замечания, чем уязвил чувства здешних собаководов, которым

захотелось не только позлословить, но и наказать его.

Поезд гостя отправлялся в четыре часа дня, и с половины первого до трех все шестеро сидели в пивной, смакуя ледяной напиток и болтая о собаках. Разговор был жарким, как и погода.

Само собой разумеется, что упомянули Матта, назвав его собакой редчайшей породы, выдающимся экземпляром ретривера принца Альберта.

Приезжий присвистнул.

— Редкая порода! — фыркнул он. — Действительно редкая! Я никогда даже не слышал о такой.

Этот скептицизм жителя большого города распалил аборигенов (*19). Они сразу же стали рассказывать про Матта всякую всячину, а если немного и заливали, кто же станет упрекать их за это? Но чем больше они расхваливали Матта, том громче смеялся их гость и тем меньше им верил. Наконец у кого-то лопнуло терпение.

— Бьюсь об заклад, — сказал поклонник Матта резко, — бьюсь с вами об заклад на сто долларов, что эта собака может разыскивать и приносить убитую дичь лучше, чем любая другая чертова собака во всех Соединенных Штатах.

Вероятно, он чувствовал себя в безопасности, так как охотничий сезон не открылся. А возможно, он был слишком раздражен, чтобы рассуждать.

Чужестранец принял вызов, но шансов осуществить это пари, по-видимому, не было. Кто-то так и сказал. Тут гость возликовал.

— Расхвастались, — сказал он, — теперь показывайте!

Оставалось только разыскать Матта и надеяться, что он и тут не подведет. Шестеро мужчин покинули полутемную пивную и, храбро нырнув в ослепляющий летний послеполуденный зной, направились к публичной библиотеке.

Уродливая, похожая на аквариум, эта библиотека стояла немного отступя от главной улицы города. На непроезжую узкую улочку позади нее выходили два китайских ресторана и разные лавки. Мой папа работал в задней половине библиотеки, в комнате, выходящей на эту улочку. Открытая дверь с опущенной москитной сеткой пропускала лишь то скудное количество воздуха, которое задержалось и накалилось в узком пространстве позади дома. Делегация вошла именно через эту дверь.

Лежа на привычном месте под письменным столом, Матт только приподнял голову, чтобы взглянуть на вошедших, затем вернулся в состояние дремоты, почти оцепенения, вызванное жарой. Возможно, он слышал невнятные звуки разговора, взаимные представления и несколько резкий тон голоса незнакомца, но не обращал на них никакого внимания.

Однако папа слушал напряженно, и ему с трудом удалось сдержать чувство обиды, когда иностранец нагнулся, заглянул под письменный стол и сказал:

— Т е п е р ь я узнаю породу. Вы говорили, что это собака-крысолов принца Альберта? Мой папа встал и произнес холодно:

— Джентльменам угодно увидеть мастерство Матта в охотничьем поиске, не так ли? Утвердительное бормотание своих было прервано замечанием гостя.

— Покажите его искусство, — сказал он вызывающе. — Что вы скажете об этом переулке — он, должно быть, полон крыс?

Папа не сказал ничего. Вместо этого он отодвинул стул и, подойдя к большому шкафу, где хранил некоторые принадлежности для стрельбы, чтобы они были всегда под рукой для охотничьих вылазок после работы, широко распахнул дверцу и вытащил ружейный футляр. Он вынул стволы, накладку, ложу и собрал ружье. Потом закрыл казенник и опробовал курки. При этих знакомых звуках Матт ожил, как от удара током, выполз из-под стола и, не совсем еще понимая в чем дело, стал рядом с напой, поводя носом. Что-то тут было не так, как обычно. Ведь это не был охотничий сезон. Но ружье было вынуто.

Пес вопросительно заскулил, и папа погладил его по голове.

— Дружище, — сказал он и, сопровождаемый Маттом, который следовал за ним по пятам, двинулся к распахнутой двери.

К этому моменту группа наблюдавших оказалась не менее озадаченной, чем Матт. Эти шестеро стояли в дверях комнаты и с любопытством смотрели, как папа вышел на крыльцо, поднял незаряженное ружье, навел его вдоль переулка в сторону главной улицы, спустил курки и сказал спокойным голосом:

— Бах, бах. Принеси, малыш!

До сих пор папа хранит упорное молчание относительно того, какими были его истинные намерения. Он не говорит, что ожидал всего того, что последовало, но не говорит и обратного.

Матт спрыгнул с крыльца и с предельной скоростью понесся по улочке. Видели, как он свернул на главную улицу, напугав двух старушек, которые чуть не столкнулись лбами. Наблюдавшие видели, как прохожие в дальнем конце улицы останавливались, оборачивались, чтобы поглазеть, и потом застывали в изумлении. Но сам Матт уже исчез из виду.

Он пропадал не более двух минут, но стоявшим на ступеньках библиотеки показалось, что прошло намного больше времени. Человек из Нью-Йорка только откашлялся, готовясь к новой и еще более саркастической реплике, когда увидел нечто, от чего слова застыли у него на языке.

Все видели это нечто — и не верили глазам своим.

Матт возвращался по улочке. Он трусил не спеша. Его голова и хвост были горделиво подняты, а в пасти он держал великолепного воротничкового рябчика. Он бесстрастно взбежал по ступенькам крыльца, положил птицу к папиным ногам и с удовлетворенным вздохом заполз на свое место под письменным столом.

Стояла тишина, нарушаемая только частым и тяжелым дыханием Матта. Затем один из своих, словно в забытьи, приблизился и поднял птицу.

— Подумать только, уже набита! — пробормотал он почти шепотом.

Именно в этот момент появился продавец из лавки скобяных изделий Ашбриджа. Волосы его растрепались, он был вне себя. Взбежав по ступенькам библиотеки, продавец заорал:

— Вашу проклятую собаку надо держать на привязи. Влетела в лавку и схватила это чучело прямо с витрины. Мистер Ашбридж рвет и мечет. Лучшую птицу во всей его коллекции...

Я не знаю, уплатил ли человек из Нью-Йорка свой долг. Знаю только, что рассказ о случившемся в тот памятный день вошел в историю, так как вся пресса Канады заимствовала его из "Стар Феникс", и слава Матта распространилась по всей стране, от побережья до побережья. Пес, несомненно, заслуживал такого признания.

Боевая тактика

После нескольких лет жизни в Саскатуне моя семья переехала в другой район этого города. Улица Ривер-Роуд проходила по низкому и более плебейскому берегу реки Саскачеван. Общество на Ривер-Роуд было гораздо менее чопорным и более терпимым к людям с оригинальным складом ума.

На этой улице, через три дома от нас, жил отставной школьный учитель, который провел много лет на Аляске и привез с собой в отставку упряжку эскимосских лаек. Псы были великолепны. Они требовали к себе уважения не только от местных собак, но и от людей. Трое из них как-то поймали в своем доме грабителя и превратили его в кусок мяса с быстротой, которая восхитила нас, детей.

Через переулок от нас жил парикмахер, который содержал своеобразное временное убежище для бездомных дворняжек. Ходил недобрый слушок, якобы он приваживает этих несчастных для того, чтобы практиковаться на них в своей профессии. Слушок опирался на тот неоспоримый факт, что некоторые собаки из этой странной компании щеголяли причудливыми прическами. В последующие годы я близко познакомился с этим парикмахером, и он поведал мне свой секрет. Однажды, много лет тому назад, он увидел французского пуделя — выбритого и подстриженного — и проникся убеждением, что способен придумать для собак еще более эффектные стрижки и,

возможно, на этом прославиться и нажить состояние. Его опыты не были лишены художественных достоинств, хотя некоторые из его фантазий кончались появлением инспекторов общества защиты животных.

Мне не составило труда поладить с новыми соседями, но оказалось, что Матту приспособиться к новому месту не так-то просто. Собак на Ривер-Роуд было не перечесть. Матт должен был наладить с ними отношения и столкнулся с большими трудностями. Его длинная шелковистая шерсть и роскошные "клеши" придавали ему добродушный и задумчивый вид, который вводил в заблуждение и, казалось, толкал местных псов-хулиганов на активную враждебность. Собаки эти обычно бродили стаями, а вожаком самой большой стаи был хорошо сложенный бультерьер из соседнего дома. Матт, который никогда не был общительным, предпочитал гулять в одиночку, и это делало его для других собак особенно подозрительным. Собаки начали охотиться на него.

От природы Матт не был бойцом. Я не припомню, чтобы за всю свою жизнь он когда-нибудь ввязался в драку, разве что только если не оказывалось иного выхода. Его позиция была самой что ни на есть миролюбивой и тем самым совершенно непонятной для других собак. Потому-то они приставали к нему.

Это миролюбие обычно ставило маму в затруднительное положение. Когда во время прогулки им двоим случалось повстречать какого-нибудь воинственного пса, Матт не тратил времени на пустую браваду. При первом же взгляде на незнакомца он прятался под мамину юбку, и ни физические усилия, ни горькие упреки не могли выдворить его из этого убежища. Иная собака не понимала, что это всерьез неприкосновенное убежище, и маме подчас приходилось тугу.

Несмотря на свое отвращение к драке, Матт не был трусом и мог постоять за себя. Он имел свои собственные представления о том, как драться, - представления оригинальные, но опасные. То, насколько они были эффективны, он продемонстрировал всем нам в первую неделю после прибытия на новое местожительство.

Ничего не зная о соседях, Матт посмел забежать туда, куда даже бульдоги боялись соваться. Однажды утром, по глупости преследуя кошку, он попал во двор отставного школьного учителя. Его мгновенно окружили четыре хищные эскимосские лайки. Это была безжалостная свора, и моего пса окружили, чтобы уничтожить.

Матт сразу понял: на этот раз придется драться. Одним быстрым движением он опрокинулся на спину и начал как сумасшедший брыкаться всеми четырьмя лапами. Это выглядело так, как будто он вверх ногами мчался на двухместном велосипеде. Кроме того, он включил свою сирену — звук, который пес непонятно каким образом создавал в самой глубине глотки: какой-то оглушительный и безумный вой. По мере того как лапы увеличивали число оборотов в минуту, звук этот нарастал, становился все более высоким, и в конце концов его можно было сравнить разве что с оглушающим воем сирены пожарной машины.

От такого неожиданного и необычного поведения все четыре лайки остолбенели: их уши развернулись вперед, хвосты выпрямились, а брови сдвинулись в мучительном желании понять, что же происходит. Затем медленно, один за другим псы начали отступать, растерянно отводя взгляд от удручающего зрелища. Отойдя от Матта футов на десять, они разом повернулись и, потеряв всякое чувство собственного достоинства, бежали на задний двор.

Одного зрелища "велосипедной" обороны Матта (как мы ее называли) обычно оказывалось достаточно, чтобы предупредить кровопролитие. Исключением из этого правила явился случай, когда одна безрассудно храбрая собака отказалась впасть в панику. Тут последствия могли быть плачевными, так как странная оборонительная поза Матта выглядела беззащитной, но не сулила ничего хорошего.

Однажды, когда Матт охотился на гоферов, на него напала собака-колли с соседней фермы, по-моему, малость шальная. Один глаз у собаки был белым, а другой синим, это-то и придавало ей сходство с полупомешанной. Пес и действовал как безумный: он без малейшего колебания бросился на перевернувшегося на спину Матта.

Матт заворчал, когда колли навалился на него, и на какое-то мгновение темп "кручения педалей" замедлился. Затем Матт собрался с силами и перешел на спринт. Колли повис в воздухе, взлетая и опускаясь, как мячик на конце вертикальной водяной струи. Каждый раз, когда он опускался, по нему проходились туда и сюда четыре набора быстродвигающихся когтей; в конце концов колли упал на землю: из дюжины глубоких царапин лилась кровь; наглец получил сполна и бежал. Матт не преследовал его; победив, он становился великодушным.

Если бы он добровольно пожелал провести несколько таких дуэлей с собаками из округи, то они несомненно быстро признали бы его. Но он оставался верен мирному принципу отказа от насилия, по крайней мере в отношении других собак, и продолжал избегать стычек.

Местные стаи собак и особенно та, во главе которой был бультерьер из соседнего дома, старались вовсю, чтобы вызвать Матта на драку, и некоторое время ему приходилось держаться поблизости от нашего жилища, когда его не сопровождали мама или я.

Прошел почти месяц, прежде чем он отыскал выход из столь затруднительного положения.

Принятое наконец решение было типичным для него.

Почти все задние дворы в Саскатуне были обнесены заборами из вертикальных планок, прибитых гвоздями к двум горизонтальным прямоугольным брускам сечением два на четыре дюйма. У каждого забора верхний брус находился в пяти-шести футах от земли и примерно на пять дюймов ниже верхних концов вертикальных планок. Много поколений эти высокие горизонтальные мостики служили кошкам местом для безопасных прогулок. В один прекрасный день Матт решил, что изящные мостики могут послужить и ему.

Я чистил зубы после завтрака, когда услышал, как Матт взвизгнул от боли. Я тут же подошел к окну и выглянул. Мне удалось увидеть, как пес старательно карабкается с мусорного ведра у ворот на наш задний забор. Пока я смотрел, он сделал несколько вихляющих шагов по верхней перекладине, потерял равновесие и свалился, но тут же решительно вернулся к мусорному ведру и повторил попытку.

Я вышел во двор и постарался его урезонить, но пес не обратил на меня никакого внимания. Когда я уходил, он повторял все то же: вскарабкивался, неуверенно проходил несколько футов и снова падал.

Во время обеда я упомянул о новом увлечении Матта, но никто из домашних не придавал этому значения. Мы привыкли к странностям нашей собаки и совершенно не подозревали, что за этой кажущейся глупостью скрывается метод. И вот несколько вечеров спустя я понял, что это был именно метод.

Отряд бенгальских улан (двое моих приятелей и я) с копьями из бамбуковых удилиц провел послеобеденное время в охоте на тигров (уличных кошек), за которыми гонялись на велосипедах по всем переулкам. Когда подошло время ужина, мы, лениво нажимая на педали, направлялись домой по переулку позади Ривер-Роуд, как вдруг один из моих товарищей, ехавший немного впереди, испуганно вскрикнул, повернул свою машину так, что я врезался в нее, и мы оба шлепнулись в раскаленную солнцем пыль. Я вскочил и увидел, что мой друг тычет пальцем на забор перед нами и глаза его стали квадратными от изумления.

Источник нашего столкновения небрежно двигался по верху забора ярдах в пятидесяти от нас. За этим забором жили эскимосские лайки, и хотя мы не могли их видеть, но мы и большая часть Саскатуна слышали, как их захлебывающийся от бешенства лай прерывался звуками глухих ударов при каждой попытке добраться до искусителя и беспомощном падении на землю.

Матт никогда не спешил. И сейчас он семенил по своей воздушной трассе с неторопливым безразличием пожилого джентльмена, прогуливающегося во время вечернего моциона. Лайки были вне себя от бессилия, и я радовался тому, что между нами — забор.

Мы, мальчишки, еще не оправились от первого изумления, когда на сцене появилась новая группа собак. Группа эта состояла из шести или семи местных псов во главе с бультерьером: их привлекли вопли лаек. Псы увидели Матта, и терьер с ходу повел их в атаку. Он сам бросился на забор с такой отчаянной силой, что после этого столкновения остался в живых только потому, что был бультерьером.

Нас испугало близкое к безумию состояние собак, и мы взяли пики наизготовку, не зная, пытаться спасти Матта или нет. Нашей помощи, как оказалось, в данном случае не требовалось.

Матт оставался невозмутимым или создавал иллюзию невозмутимости, так как, сосредоточив все свое внимание на сохранении равновесия, уже не мог уделить никакого внимания нападавшим. Он шел медленно, но уверенно и, благополучно пройдя по забору, за которым жили лайки, вспрыгнул на более высокий соседний забор и шагал по нему, пока не добрался до гаража. Изящным прыжком он оказался на его крыше, где и растянулся на несколько секунд, якобы для того, чтобы передохнуть, но на самом деле — я в этом уверен — чтобы насладиться своим торжеством.

Внизу иод ним бурлила ярость. Потом я никогда не видел такой рассвирепевшей собаки, как тот бультерьер. Хотя стена гаража, выходящая на переулочек, была высотой в добрых восемь футов, бультерьер продолжал бессмысленно кидаться на нее, пока не превратился — я тоже в этом уверен — в одну большую дрожащую ссадину. Матт наблюдал весь этот спектакль две-три минуты, потом встал, бросил презрительный взгляд через плечо, спрыгнул на забор между двумя домами и неторопливо направился по нему на другую улицу.

Суматоха в переулке приутихла, и свора стала таять. Большинство собак, должно быть, поняло, что им пришлось бы обогнуть полквартала, если б они снова захотели напасть на след Матта, но к тому времени он, по-видимому, был бы уже далеко. Они начали уныло расходиться, пока наконец не остался лишь один бультерьер. В припадке бешенства он все еще бросался на стену гаража, когда я направился домой, чтобы рассказать об увиденных мною чудесах.

С того дня собаки, жившие по соседству, отказались от нападений на Матта и молчаливо признали его превосходство, — разумеется, все, кроме бультерьера. Возможно, что, бросаясь, подобно мячу, на стенку, он повредил свой ум, а может быть, был просто слишком упрям, чтобы сдаться. Что там ни говори, но он продолжал устраивать засады на Матта, а Матт достаточно легко их избегал до того дня в начале зимы, когда бультерьер, к тому времени уже совершенно потерявший разум, пытался перебежать улицу в погоне за своим врагом, не обращая внимания на транспорт, и его, беднягу, переехал старый автомобиль модели "Т".

Удивительная способность Матта гулять по заборам могла бы сделать из него вожака соседских собак, пожелай он этого, так как его уникальный талант давал ему значительное преимущество в популярной у них игре "Поймай кошку", но Матт оставался любителем прогулок в одиночку, довольствуясь тем, что ему не мешают делать то, что ему хочется.

Он не бросил прогулки по заборам и тогда, когда необходимость в них отпала. Он очень гордился своим достижением и поддерживал себя в спортивной форме. Я много раз показывал его своим друзьям и не мог удержаться от заключения мелких пари с незнакомыми мальчишками относительно способностей моего лохматого акробата. Когда я выигрывал — а это случалось каждый раз, — то награждал Матта жевательной резинкой в сладкой оболочке. Это было одним из его любимых лакомств, и он жевал тягучий комок до тех пор, пока в жвачке совсем не исчезал запах мяты, после чего он глотал безвкусный остаток. Мама считала, что это повредит собаке, но, насколько я знаю, это никогда не оказывало вредного действия на его органы пищеварения, безнаказанно поглощавшие массу неудобоваримых предметов.

Кошки и лестницы

Матт всегда не любил кошек, но до тех пор, пока он не стал замечательным надзаборным акробатом, он не мог продемонстрировать свое отношение к ним достаточно наглядно. Обнесенные заборами задние дворы Саскатуна, казалось, были построены специально для кошек и специально чтобы препятствовать исполнению желаний саскатунских собак. Возможно, именно в результате этой благоприятной обстановки кошачье население в нашем городе было огромным, а сами кошки стали беспечными и самонадеянными.

Понятно, что после многих лет безопасного существования они должны были чувствовать себя недостижимыми, но их беспечность была недостаточно обоснованна,— Матт вскоре доказал это.

Когда он достиг совершенства в искусстве ходьбы по заборам, то стал бичом и рукой карающей для кошек нашего квартала. Пришло время, по соседству кошек осталось мало и они стали осторожными. Матт начал совершать более дальние вылазки, прочесывая переулки всего Саскатуна в поисках кошек, еще не подозревающих о его уникальных способностях. Менее чем за год он привил кошкам нашего города такое чувство неуверенности в своей безопасности, что они почти полностью переселились на деревья.

Лишь только Матт замечал кошку, он, как это свойственно любой другой собаке, мчался к ней, но, увы, безрезультатно. Кошка вовремя взлетала на ближайший забор и сидела там, чувствуя себя непринужденно и в безопасности. С удрученным видом Матт удалялся, явно признав поражение, а кошка посылала ему вслед оскорбительные звуки. Дойдя до угла забора, Матт внезапно поворачивался и большим прыжком оказывался на верхней перекладине. Не успевала кошка поднять шерсть дыбом, как Матт уже мчался к ней — по ее же выбранной стезе.

Кошка испытывала двойное неудобство. Она не могла одновременно удерживать равновесие на заборе и пытаться выцарапать глаза нападающему. Не могла она и резко развернуться, чтобы убежать. Если бы она спрыгнула на землю, то сразу же оказалась бы в родной для Матта стихии. Попытайся она отступить по забору — длинные ноги Матта тотчас же нагнали бы ее. Только если совсем рядом оказывалось дерево, у кошки появлялся шанс уйти целой и невредимой.

Для такого экземпляра, как Матт, было неизбежным, что в один прекрасный день он решит последовать за намеченной жертвой и на высокое дерево. И в этом его устремлении не было ничего невероятного, как могло бы показаться в первый момент. Ведь, между прочим, существует много других наземных животных, которые иногда взлезают на деревья, причем достаточно искусно. В странах Средиземноморья часто можно видеть коз, ощипывающих верхние ветки оливковых деревьев. Американские лесные сурки также лазают по деревьям, и есть много сообщений о том, как собаки загоняют койотов на деревья.

Тем не менее однажды утром моя семья и я не могли остаться равнодушными, когда впервые обнаружили Матта забравшимся до половины высоты дерева на нашем заднем дворе. Он карабкался неуклюже, но решительно и уже поднялся на высоту пятнадцати футов от земли, когда под его весом обломился сухой сук и Матт в нелепой позе рухнул вниз. Он слегка поцарапался и от падения у него перехватило дыхание, но он все же доказал, что лазанье доступно и собакам. С этого момента Матт уже никогда не боялся высоты.

Никто из нас не представлял себе, как далеко он зайдет в своем новом увлечении, вплоть до одного весеннего дня следующего года, когда, завывая сиреной, мимо нашего дома промчалась пожарная машина. Я вскочил на велосипед и поспешил следом. Через полквартала от дома я обогнал своего товарища, Абея Каллимора, также ехавшего на велосипеде, и остановил его, чтобы узнать о причине переполоха. Абель был толстяк, он задыхался.

— Не знаю... точно, — пропыхтел он. — Я слышал... дикий зверь... на дереве.

К этому времени мы уже свернули на Седьмую авеню и увидели кучку людей, столпившихся вокруг пожарной машины, которая остановилась у длинного ряда пирамидальных тополей в квартале от нас. От пожарной машины шла лестница, ее

свободный конец скрывала ярко-зеленая листва. Когда мы подъехали ближе, газетный корреспондент с фотокамерой как раз вылез из своего автомобиля. Два домовладельца сурового вида стояли на тротуаре под тополями с дробовиками в руках. Я подошел к ним и, взглянув вверх, мельком увидел знакомую черную с белым шкурку.

Встревоженный позой двух стрелков, я поспешил объяснить им, что существо, которое сидит на дереве, всего лишь собака — моя собака.

Это сообщение было встречено враждебно-подозрительно.

— Ишь, хитрец паренек, — заметил один из мужчин.

Другой дал мне знак удалиться, прибавив строго:

— Беги, мальчик. Если бы ты не был таким маленьким, я бы сказал, что ты не в себе. Первый грубо захохотал. Я отошел в сторонку. Я понимал этих людей. Очень густая листва мешала посторонним опознать зверя, сидевшего па дереве, зверя, который к тому же производил странный шум, никак не похожий на возню собаки. Только Абель и я признали в этих звуках грустное тихое повизгиванье, которое Матт издает, когда бывает в затруднении.

Я размышлял, стоит ли заговорить с человеком, который командует пожарной машиной, когда из гущи ветвей, в которой только что исчез пожарник, вооруженный крепким мешком и револьвером, донесся крик изумления.

— Лопни мои глаза! — орал он, и голос его был полон сомнения. — Это же псина проклятая.

Матт и я почувствовали огромное облегчение, когда пожарник наконец достиг земли с псиной, перекинутой через плечо. Собака несколько не пострадала, если не считать ее самолюбия, которое было уязвлено, и, как только пожарник выпустил пса, тот мгновенно улизнул домой.

Слезать с деревьев всегда было для Матта трудным делом, а когда он начал лазать по приставным лестницам, опять столкнулся с той же проблемой и несколько раз попадал в рискованное положение.

Интерес к приставным лестницам был естественным продолжением экспериментов с залезанием на деревья. Я же поощрял его страсть, так как мне очень хотелось, чтобы все кругом знали меня как хозяина замечательной собаки-акробата. Мы начали со стремянок, это было легко. Потом настал черед приставных лестниц. Не прошло и недели, как пес научился легко и быстро влезать на крышу нашего дома. Но если угол наклона лестницы оказывался слишком крутым, его попытки спуститься головой вперед превращались в свободное скольжение, которое заканчивалось глухим ударом о землю. В конце концов он научился и спускаться по лестнице, цепляясь задними лапами сперва за перекладину повыше, лотом за перекладину пониже. Передними же он переступал с перекладины на перекладину. Но на ранней стадии своего лазанья по лестницам он мог карабкаться без ущерба для себя только вверх. Не довольствуясь экспериментами с лестницами нашего дома, Матт трудился над любой лестницей, которая попадалась ему на пути.

На нашей улице жил человек по фамилии Кузинский — по профессии пекарь, работавший в пекарне в ночную смену. Светлое время дня Кузинский отдавал своему хобби — работал над украшением своего двухэтажного каркасного дома. Обычно он перекрашивал весь дом не реже чем раз в год, и каждый год в другой цвет. У меня было подозрение, что ему нравилось работать на приставной лестнице почти так же, как Матту лазить по ней. Частенько можно было видеть, как Кузинский где-нибудь высоко, под самой крышей, водит своей кистью по стене дома. Как-то раз он объяснил нам свое пристрастие к этому делу:

— Почему я крашу? Почему, спрашиваете вы? Наша улица красивая. И мой дом тоже должен выглядеть красиво! Вот я и крашу!

И он красил.

Мне не всегда удавалось наблюдать неудачи Матта, но однажды я наблюдал такое, что невозможно забыть. После полудня, в субботу, Матт и я гуляли по берегу реки в поисках костей динозавров. На пути к дому мы шли мимо пекарни Кузинского, и я с

одобрением отметил, что дом снова изменил колер, на этот раз с зеленого на красновато-коричневый. Когда я двинулся дальше, то не обратил внимания на то, что Матт уже не идет за мной, так как я размышлял, можно ли найти кости динозавра на кладбище при англиканской церкви. Спешу пояснить, что мне пришла в голову мысль: может быть, могильщики натываются на такие останки при работе. С одним из могильщиков я был немного знаком, и как раз когда я представил себе, как вовлеку его в свои поиски, откуда-то позади меня прозвучал ужасный крик.

Я мгновенно повернулся и там, высоко на южной стене многоцветного дома Кузинского, увидел странное зрелище.

Кузинский находился на самом вершине лестницы. Он цеплялся руками за водосточный желоб. К его правой ноге было нелепо подвешено ведро с краской. Непосредственно под Кузинским находился Матт. Положение собаки было крайне невыгодным. Матт, вероятно, попытался развернуться на верхних ступеньках лестницы, но ему удалось просунуть между перекладинами только голову и переднюю половину туловища, теперь он беспомощно и безнадежно балансировал в воздухе, не в состоянии двинуться ни назад, ни вперед. Кузинский вопил от страха, а Матт старался не дышать.

Я поспешил им на помощь, взобрался на лестницу, и мне удалось развернуть Матта. Кузинский опустил ногу на верхнюю перекладину, и мы втроем спустились вниз.

Как юный хозяин собаки, я ожидал жестокой головомойки, но Кузинский удивил меня. По-видимому, его восхищение тем, что Матт умеет лазать по лестнице, отодвинуло испуг на второй план. А было видно, он сильно струсил.

— Стою, крашу, — объяснял мне Кузинский, — по сторонам не смотрю. Вдруг это чудовище просовывается между моих ног. Собака! О боже! На такой высоте! Собака! Я заорал, а что мне оставалось делать?

Действительно, что поделаешь. Меня только удивляет, как Кузинский не взвился сразу на крышу.

Мы ушли только после того, как я извинился за нас обоих, а в результате этого происшествия Кузинский стал нашим самым близким другом и никогда не уставал рассказывать историю о чудо-собаке.

В другой раз Матт обнаружил соблазнительную приставную лестницу, влез на нее и, не сумев развернуться, просто прыгнул в открытое окно спальни на втором этаже, а потом царапался в закрытую дверь до тех пор, пока хозяин дома не поднялся и не выпустил его. Хозяин этого дома был примечательной личностью. Без малого тридцать лет он проработал на Канадской государственной железной дороге, а теперь был самым флегматичным человеком из всех, которых я когда-либо встречал. Ничто не могло вывести его из равновесия.

Когда он вернулся в гостиную после того, как выпустил Матта через заднюю дверь, и его жена заинтересовалась, что за шум был там наверху, он ответил:

— Ничего особенного, дорогая. Просто в спальне заблудилась собака.

Я знаю, что это действительно случилось, так как жена железнодорожника рассказала маме об этом за чашкой чая, а мама, догадавшись, что виновником происшествия был не кто иной, как Матт, передала услышанное мне.

Случай с Леди-Кошатницей произошел уже после того, как Матт в совершенстве освоил искусство перемещаться по приставным лестницам как вверх, так и вниз.

Я никогда не слышал ее другого имени, если у нее действительно было таковое. Для всех нас на Ривер-Роуд — и взрослых и детей — она была только Леди-Кошатница. Она жила в ветхом каркасном доме на углу нашего квартала и держала кошек. В мире существует, наверное, немало таких женщин, как она. Это в основном разочаровавшиеся в жизни старые девы, которые в утешение души посвящают себя кошкам. В своей озлобленности женщины подобного сорта просто страшны. Именно такой была наша Леди. Она не знала иной любви, иного интереса, кроме обожания кошек, а когда начинала ссориться из-за них со своими соседями и с представителями органов здравоохранения, то в припадке ярости решительно отворачивалась от всего мира. Ни одному человеческому существу не разрешалось

входить в ее дом, и за десяток лет до нашего переезда на Ривер-Роуд даже молочник, человек привилегированный, которого она вынуждена была терпеть, не переступил порога ее дома. Она отказывалась впускать и чиновника, снимающего показания счетчиков, и в конце концов компания коммунальных услуг была вынуждена отключить в ее доме свет и воду.

Никто не имел мало-мальски точного представления о том, сколько же кошек она приютила. Мои товарищи и я любили подглядывать за этим домом и считать кошек, которых удавалось увидеть на подоконниках, с массой предосторожностей, так как Леди-Кошатница чертовски ловко владела громадной метлой и была остра на язык. В одну субботу я насчитал сорок восемь кошек, но мой приятель клялся, что как-то их было шестьдесят пять.

Боясь собак и соседей, хозяйка не выпускала кошек на двор, а нижние окна жилища никогда не открывались, ни летом, ни зимой. Попавший в комнаты этого дома чувствовал себя, вероятно, как в провинциальном зоопарке возле клетки со львом, ибо когда ветер дул со стороны дома Леди-Кошатницы и окна верхнего этажа были открыты, ни с чем не сравнимый густой кошачий запах преследовал меня целый квартал до самого нашего жилища.

Желая дать кошечкам возможность порезвиться, Леди-Кошатница использовала одну особенность архитектуры своего дома. Здание имело в плане форму буквы "Т": флигель с островерхой кровлей и фасадом на Ривер-Роуд играл роль горизонтальной черты буквы "Т", вертикальной же чертой служило двухэтажное строение с почти плоской крышей, имевшей легкое понижение в сторону пятнадцатифутовой глухой задней стены дома, выходявшей в садик. Два слуховых окна главного флигеля открывались на крыло с плоской крышей. В хорошую погоду окна эти бывали открыты, и, гуляя по крыше, кошки получали возможность наслаждаться чистым воздухом и лунным светом. Солнца они не знали, так как Леди-Кошатница не выпускала их днем, опасаясь, вероятно, что соседи получили бы тогда возможность с достаточной точностью подсчитать количество особей и вынудили бы представителей здравоохранения принять меры.

Не помню, кто из мальчишек предложил эту авантюру. Сначала я был против и согласился только после долгого подтрунивания и ядовитых насмешек относительно моей храбрости и искусства Матта.

Нас было пятеро. Мы выбрали достаточно темную ночь в конце летних каникул. Нам не составило труда пронести приставную лестницу по глухому переулку, перетащить ее через рухнувший забор в садик Леди-Кошатницы и прислонить к задней стене дома.

Матт тоже был не против. Кошачий запах просто шибал ему в нос, а он, как каждая уважающая себя собака, должно быть, провел немало времени, ломая себе голову над тем, как бы добраться до этой кошачьей оравы.

Матт взбежал по лестнице с бесшумной легкостью белки, но, когда он достиг крыши, когти его рассыпали по железу тревожную дробь. Не ожидая дальнейших событий, мы благоразумно исчезли в переулке.

Матт столкнулся с кошками почти мгновенно. Послышалась возня, раздался отчаянный визг и глухой стук, когда что-то шмякнулось на землю. Ночную тишину огласил страшный шум. По крыше, должно быть, прогуливалось десятка два кошек, и в темноте началась жуткая паника.

Леди-Кошатница жила в постоянном страхе как перед грабителями, так и просто перед вторжением в дом мужчин. Очевидно ей сразу же почудилось самое страшное. Она орала так громко, что вся толпа похищаемых сабинянок (*20) вряд ли смогла бы перекричать ее. Мне кажется, что в этих воплях звучало еще что-то трудноуловимое, как мне представляется теперь, проникнутое тоской.

Мы не ожидали такой могучей реакции и, потрясенные, помчались под защиту наших жилищ, бросив на произвол судьбы и Матта и лестницу. Но на полпути к дому меня начала мучать совесть. Я остановился и начал убеждать себя вернуться к месту

происшествия, но тут Мэтт радостно присоединился ко мне. В нем не чувствовалось и намека на поражение: он выглядел чрезвычайно довольным собой, несмотря на четыре глубокие рваные царапины во всю длину носа-картошки. В тот вечер на его долю выпал большой успех.

Да, это был фурор, с точки зрения любого нормального человека, кроме, разве что, бедной Леди-Кошатницы и, возможно, тех двух полисменов, которые вскоре прибыли на место происшествия.

Один из полисменов начал стучать в парадную дверь дома, в то время как другой поспешил обогнуть здание, в надежде перехватить убегающего грабителя. Он обнаружил лестницу, но ему пришлось пробиваться наверх сквозь настоящую лавину кошачьих тел, спешивших покинуть ненадежный корабль.

На следующий день в газете появилась краткая заметка об этом происшествии, но Мэтт не получил слов признательности от граждан за ту роль избавителя, которая ему досталась. Да если бы он и узнал об этом пренебрежении к своему имени, то это его вряд ли тронуло бы. Всю следующую неделю он и другие местные собаки чудесно проводили время, охотясь на кошек, которые сбежали с крыши, а может быть, и на тех, которые удрали, когда полиция в конце концов взломала парадную дверь дома Леди-Кошатницы.

Нас, инициаторов всего этого переполоха, рука правосудия не коснулась. Полиция пришла к заключению, что "неизвестное лицо или неизвестные лица" попытались вломиться в дом, но им помешали быстрые действия должностных лиц. Следствие скоро прекратили из-за отсутствия полезных свидетелей: все соседи Леди-Кошатницы клятвенно заверили полицейских, что они не видели ничего такого, что могло бы помочь полиции.

Как ни странно, но спустя всего неделю после знаменательного случая я получил в подарок новенькое дорогое ружье двадцать второго калибра от человека, жившего рядом с Леди-Кошатницей, которого я знал только в лицо.

"Концепция" и ложная концепция

Хотя наше недолгое пребывание на равнинах Саскачевана устраивало моего папу во многих отношениях, он тем не менее ощущал некий голод, который Запад не в силах был утолить.

До приезда в Саскатун папа всегда жил вблизи безбрежных вод Великих озер и плавал по ним с раннего детства. Не поймите это в переносном смысле, потому что, по его словам, он появился на свет на спокойной глади залива Куинт — в зеленом каноэ и навсегда остался верен своей страсти к воде.

В течение первого года жизни в Саскатуне ему удавалось подавлять массой новых впечатлений свое страстное желание поплавать, но в долгую зиму жизни в прериях следующего года он начал мечтать о воде. Когда вечером мы садились обедать, то с мамой и со мной находилось только его брэнное тепло, так как в мыслях он жевал солонину и галеты на одном из кораблей Нельсона. Он стал носить в кармане кусок каната, и посетители его кабинета в библиотеке, бывало, с любопытством наблюдали, как папа завязывал и развязывал разные морские узлы, рассуждая нудным голосом о проблемах распространения книг в городках прерий.

Зная моего папу и зная так же, что он не из тех, кто долго может довольствоваться воздушными замками, мы с мамой ни капельки не удивились, когда он объявил, что собирается купить судно и доказать таким образом, что истинный моряк способен добиться исполнения желаний даже на пораженных засухой западных равнинах.

Я был настроен скептически. Как раз прошлым летом мы совершили поездку в Реджайну, главный город провинции Саскачеван, где я провел несколько часов на берегах озера Васкана. Васкана было сотворено людьми, а не богом, и именно такими людьми, как мой отец. Озеро, кичившееся двумя яхт-клубами и флотилией из дюжины парусников, никак не могло похвастаться обилием воды. Я никогда не видел ничего более жалкого, чем зрелище тех маленьких посудин, уныло сидящих в

растрескавшемся от палящего солнца или на дне озера и разинувших навстречу летней жаре разошедшиеся швы своих бортов. Мне припомнилось озеро Васкана, когда папа сообщил нам свои планы, и, полагая, что он тоже должен помнить это озеро-призрак, я спросил его: не имеет ли он в виду плавание под парусом на суше — скажем, на колесах?

За это меня послали спать рано и без ужина, чем я был несколько уязвлен, так как просто без всякого умысла пытался помочь папе.

Он купил свое судно несколько недель спустя. Это было шестнадцатифутовое каноэ с парусом, которое по несчастной случайности занесло в безводное сердце Саскачевана. Поставленное на временную стоянку в нашем подвале, оно выглядело тогда маленьким и хрупким, но ему предстояло показать себя крепким малым, и даже сегодня, в 1957 году, оно еще полно жизни, бодрости и энергии и мы в нем каждое лето ходим под парусом.

Всю вторую половину зимы папа трудился над каноэ. С педантичностью и любовью он изготовил шверцы (*21), съемный фальшборт (*22), мачту, рулевое весло и пару байдарочных весел, потом одолжил у мамы швейную машинку и сшил парус из лучшей египетской хлопчатобумажной ткани, присланной ему из Монреаля.

Что же касается самого каноэ, то он драил его борта стальной ватой, скреб их стеклом, красил и перекрашивал до тех пор, пока они не стали зеркально-гладкими.

Затем он нанес завершающий слой краски, ярко-зеленый, и после соответствующей церемонии дал судну название: "Концепция". Он сказал, что называет судно так по одному острову в Филиппинском архипелаге (*23).

Спуск на воду состоялся в начале мая. Я помог папе снести каноэ на берег реки у моста с Двадцать пятой стрит, а по пути вокруг нас образовалась толпа зевак. Саскатун никогда не видел лодок, а "Концепция" действительно выглядела невестой, от которой нельзя было оторвать глаз.

Пока папа устанавливал мачту и готовил каноэ к первому плаванию, толпа непрерывно увеличивалась. Высоко над нашими головами фермы моста чернели бордюром из зрителей. Надо было видеть застывшие и очень серьезные лица зрителей, когда папа кивком головы дал знать, что он готов, и я столкнул "Концепцию" в ее родную стихию.

В ту раннюю весну река Саскачеван была еще полноводной. Мой папа знал все, что следовало знать о воде (так он полагал), и ему не приходило в голову, что могла быть кое-какая разница между заливом Куинт и рекой Саут-Саскачеван. Дул свежий бриз и покрывал рябью волны на коричневой поверхности воды, успешно скрывая предательские воронки и водовороты. Наблюдатели же на мосту знали предостаточно о нравах равнинных рек весной и в глубоком молчании наблюдали, как папа и "Концепция" выплывают на стремнину. Было в этом молчании что-то зловещее.

Спуск на воду происходил в нескольких сотнях футов от моста выше по течению, но к тому времени, когда у папы все оказалось как следует и он получил возможность поднять голову, чтобы осмотреться, мост необъяснимым образом изменил свое положение относительно судна. Он был теперь в нескольких сотнях ярдов позади и удалялся просто с поразительной скоростью. Папа развил бурную деятельность. Он метнулся к парусу и стал выбирать полотнище, стремясь выполнить поворот.

У паркета, откуда я глазел вместе с другими, раздался вздох, в котором слышались трепет и восхищение. Большинство наблюдателей еще никогда не видели парусного судна и всегда считали, что парус — старомодное и ужасно медленное средство передвижения. Тут глаза их раскрылись.

"Концепция" вела себя странно. Она не могла повернуть, так как течение было сильнее, чем бриз. Она решительно и легко неслась вниз по течению, делая около двенадцати узлов. При таком слабом ветре она не сделала бы под парусом и пяти узлов, мой папа знал это. Он начал уважать течение, вытащил весло и почти с дьявольским бешенством старался развернуть лодку носом против течения. Но к

тому времени, как это ему удалось, он и "Концепция" были просто быстро уменьшающейся точкой далеко па поверхности реки.

Некоторые из мужчин, стоявшие на мосту рядом со мной, тут же начали заключать пари относительно того, когда папа достигнет города Принс-Альберт, находящегося в нескольких сотнях миль ниже по течению, хотя было ясно, что вообще-то мой отец не хочет попасть в Принс-Альберт. Теперь он управлял каноэ с такой суровой решимостью и с таким мастерством, которые до сих пор ему, вероятно, никогда не приходилось проявлять. Папе очень хотелось вернуться в Саскатун.

"Концепцию" беспорядочно швыряло по реке, как щепку в пенном желобе водяной мельницы. Она лавировала и дрожала, и, несмотря на то, что упорно держалась носом против течения и двигалась подобно птице-буревестнику, тем не менее у нас па глазах она становилась все меньше и меньше...

Пока в конце концов не растворилась в сияющей дали.

Один из мужчин возле меня взглянул на ручные часы и сказал своему товарищу:

— Одиннадцать часов. Конечно, теперь он будет двигаться немного медленнее — задом наперед, — но думаю, что лодка ударится о мост в городе Принс-Альберт к ужину. Ставлю пятьдесят центов, что все так и будет.

Однако пари было бы проиграно, так как папа и "Концепция" не дошли до Принс-Альберта: им посчастливилось сесть на мель примерно в десяти милях от Саскатуна ниже по течению. Вскоре после полуночи они оба прибыли домой на телеге, которую тащили две флегматичные клячи.

Однако задержка в осуществлении планов моего папы была только временной.

— Не беда, — бодро сказал он на следующий день за завтраком. - Подождите, вот придет весенний паводок, и тогда мы посмотрим.

Но то, что мы увидели, когда паводок закончился, не вселяло радужных надежд. Водный бассейн Саут-Саскачевана вернулся к норме, а норма представляла собой унылую цепочку илистых отмелей с разбросанными там и сям лужами коричневой жижи, близкими к высыханию. Лишь в нескольких особенно многоводных местах лениво струилось что-то вроде ручейков.

Зрелище это обескуражило бы любого человека, кроме моего папы. Он отказывался признать себя побежденным и разработал планы, которым река просто должна была подчиниться. Таким уж он был человеком, мой папа.

Мне его планы пришлись по сердцу как нельзя больше. Мы заперли дом и переместили наш старый жилой автоприцеп на десяток миль южнее города — к резиденции городского клуба "Саскатун Голф энд Кантри Клуб". Тут, на лесистых берегах реки Саскачеван, мы расположились на летний отдых.

Это было место, где всякий мальчишка мог чудесно провести лето. В русле реки стояло предостаточно луж; в них можно было даже поплавать.

Там нашелся участок нетронутой прерии, где жили койоты и солидные джентльмены загоняли шары для гольфа в норы гоферов. А всего лишь в нескольких милях находилась индейская резервация.

Наконец я стал хозяином своего времени, так как начались летние каникулы, но папе приходилось ежедневно ездить на работу в город. Он легко мог бы добираться туда на своем автомобиле, но он запланировал проделывать этот путь по воде и не желал отказываться от своих намерений из-за несговорчивости природы.

В семь часов утра первого понедельника он и "Концепция" бодро и с полным доверием друг к другу направились в город. Но поздно вечером они возвратились всего лишь в роли пассажиров — один в кабине, другая на крыше автомобиля нашего друга. Папа был очень усталым и упорно молчал о приключениях того дня. Лишь много лет спустя он признался мне, что на самом деле проделал восемь из десяти миль до Саскатуна пешком, а "Концепцию" тянул по мелководью на буксире или переносил через песчаные банки на плече. Еще один каверзный эпизод ему уготовил песчаный бар (*24), который, на беду, оказался из зыбучего песка. Но на этом моменте обычно он подробно не останавливался.

В течение нескольких последующих дней он разумно, хотя и неохотно ездил в библиотеку на Эрдли, но затем где-то южнее прошел дождь и уровень воды в реке поднялся на несколько дюймов. Эрдли снова попал в немилость, а "Концепция" оказалась в почете. В последовавшие недели она и папа близко познакомились с множеством песчаных баров, зыбучих песков и с другими тайнами пересохших протоков. К изумлению всех наблюдателей, папа начал делать успехи и добирался до своего места службы по воде. Но, по правде говоря, он по-прежнему долго шагал до места, где уже можно было бы грести. Теперь он по крайней мере был избавлен от позорной необходимости тащить каноэ на себе на глазах у толпы, так как довольно глубокая протока в черте города позволила ему с достоинством Гайаваты (*25) грести последнюю милю пути до причала у гостиницы Бессборо-отель.

Обычно он не оставлял "Концепцию" до своего возвращения на берегу, а тащил ее с собой до здания библиотеки. Первые дни, когда среди утреннего транспортного потока в центре города появлялась быстро шагающая фигура с грациозно покачивающимся зеленым каноэ на плечах, это вызывало у прохожих различные замечания. Но через пару недель люди перестали пялить на него глаза, и никто, за исключением нескольких сверхконсервативных лошадей, запряженных в фургоны с мороженым, не достаивал его косым взглядом. Он и "Концепция" вписались в привычный пейзаж города.

Матт часто сопровождал папу и "Концепцию" вниз по течению. Он быстро научился удерживать равновесие и обычно стоял на носу, передними лапами на узком фордеке, застыв эдаким зевом водосточной трубы в виде химеры. С его стороны это было не пустое позирование, так как, очевидно, он взял на себя обязанность предупреждать папу о приближении каноэ к мелководу или к не видимому невооруженным глазом бару. Пользы от такого лоцмана было немного, несмотря на его самые лучшие намерения, ибо пес был сильно близорук. Он не мог также, как это говорится у речников, "читать воду". После истеричного лая, вызванного завихрением потока, которое Матт по ошибке принял за затонувшее бревно, он, бывало, спокойно пялился в пространство, когда "Концепция" вдруг садилась на мель. Обычно от внезапного толчка Матта, как из катапульты, выбрасывало за борт и он врезался мордой в мутную воду. Он не обижался на подобные пакости со стороны реки и возвращался к своим лоцманским обязанностям с еще большим рвением.

По такой реке папе еще более или менее удавалось медленно двигать "Концепцию" веслом, но всякая возможность ходить под парусом исключалась. А поскольку папа жаждал именно хождения под парусом, ему пришлось искать иные воды, и как-то в конце недели он объявил, что мы посетим озеро Маниту - крупное соленое озеро, которое лежит в сотне миль от Саскатуна.

Маниту — один из самых соленых водных бассейнов в мире, а "Концепция" не была сконструирована для того, чтобы плавать в водной среде, ненамного более жидкой, чем черная патока. Маниту было для судна противопоказано. Когда мы спустили "Концепцию" на воду, она только чуть-чуть обмакнула киль и сидела на поверхности озера, как утка на льдине.

Поведение "Концепции" раздосадовало папу, и он принялся навязывать ей свою волю посредством балласта из камней. Потребовалось невероятное количество булыжников, чтобы достичь нормального погружения, а когда папа и я в конце концов сели в каноэ, то обнаружили, что "Концепция" столь же маневренна, как бетонный гроб в желатине. Вода, в которой судно завязло, была настолько густой, что я просто слышал, как кристаллики соли трутся о его гладкие борта. А когда мы подняли парус, ветер оказал на каноэ такое же слабое воздействие, как если бы на его месте были возведенные фондом Карнеги (*26) стены публичной библиотеки Саскатуна.

Папа пришел в бешенство от неповоротливости "Концепции" и неразумно начал выбрасывать за борт балласт. Он перевалил через борт с полдюжины крупных булыжников, когда каноэ решило, что с него хватит. Один конец лодки весело выпрыгнул из воды, в то время как другой в нее погрузился; через долю секунды мы

ужо плавали на поверхности неподвижного озера, а иод нами корпус, полный камней, медленно тянул нашу "Концепцию" на дно.

Нам не грозила никакая опасность. Без добавочного груза человеческое тело физически не могло утонуть в озере Маниту. Наоборот, мы настолько выступали из воды, что нам стоило большого труда доплыть до близкого берега. А когда мы приступили к подъему "Концепции" — она лежала на глубине около десяти футов, — то необычные свойства Маниту оказались серьезной проблемой. Мы обнаружили, что нырнуть в него невозможно. Это было весьма жуткое испытание: мы не могли заставить себя погрузиться глубже, чем на один фут. В конце концов папе пришлось увеличить свой вес — подобно ныряльщику за жемчугом в южных морях — корзиной, полной камней. Держась за корзину одной рукой, он смог достичь затонувшего судна и закрепить трос за банку. Затем, на мой взгляд, довольно легкомысленно, папа отпустил корзину — и моментально взвился из глубины, как играющий лосось, на полкорпуса выскочив из воды, и шмякнулся па спину со звучным шлепком, который, должно быть, причинил ему почти такую же острую физическую боль, как поведение "Концепции" — моральную.

Но, в конечном счете, разочарования, преследовавшие все попытки моего папы походить под парусом, не шли ни в какое сравнение с мерой его упорства. В августе того памятного года мы прицепили наш дом-фургон к Эрдли, поместили "Концепцию" на его крышу и отправились в настойчивые поиски водоемов для парусного спорта. И мы их отыскивали.

Немного севернее, в краю сосен, за Принс-Альбертом, мы наткнулись на райский уголок под названием Эмма-Лейк. Это было настоящее озеро, полное настоящей воды, овеваемое дружелюбными ветрами.

Мы спускали "Концепцию" на воду с трепетом — ведь в прошлом было так много неудач. Затем мы сели в нее и подняли парус.

Стоял один из тех чудесных дней, которые бывают только па равнинах Запада — и больше нигде. Небо было кристально чисто и беспредельно, а жаркое солнце рождало на глади озера мириады ослепительных бликов. Стайки черных крачек рассекали крыльями западный бриз, прилетавший к нам из сосновых лесов. Он нежно надувал парус "Концепции", придавая ему прекрасную форму крыла. Каноз ожило.

Мы плавали под парусом весь день, пока солнце нехотя не опустилось за синюю дымку от далеких лесных пожаров и не скрылось наконец совсем, унеся с собой бриз. А мы еще продолжали плыть в нашем маленьком суденышке, быстрое и легкое скольжение которого было более чем достойной наградой за те невзгоды, которые нам пришлось перенести.

Плавание "Лысухи"

Мой папа был не единственным в Саскатуне, кому были знакомы несбывшиеся надежды и тоска морской души, прикованной к суше. В городе насчитывалось достаточно много людей, разлученных с водной стихией. Папа перезнакомился с большинством из них благодаря своей работе и особенно потому, что на полках его библиотеки находилось одно из самых лучших собраний книг по лодочному спорту. Некоторые из тех папиных сотрудников, которые могли спутать слово "борт" со словом "брод", были склонны относиться неодобрительно к ежегодной дорогостоящей заявке на приобретение книг с явным мореходным уклоном. Но между прочим, главным библиотекарем был все же папа, и никто другой.

Эрон Пул был одним из тех, кто высоко ценил пристрастие папы к таким книгам. Этот человек, маленького роста, худощавый, с орлиным профилем, лет тридцать тому назад эмигрировал из приморских провинций, и в течение двадцати девяти лет ему не хватало ощущения морской воды, журчащей под килем судна. То, что он приехал из внутреннего района провинции Нью-Брансуик и за годы жизни в приморье фактически никогда не выходил в море на чем-нибудь крупнее гребной шлюпки, не

имело никакого отношения к тем чувствам, которые испытывал Эрон. Как житель приморья, заброшенный в прерии, он верил, что в нем течет кровь знаменитых мореплавателей из портов Северной Атлантики, а за двадцать девять лет человек способен припомнить целый ряд вещей, которые должны были бы и могли с ним случиться. Эрон обладал настолько великолепной памятью, что мог часами говорить о том времени, когда он ходил из Люненберга (*27) на Большую Ньюфаундлендскую банку, сначала юнгой, затем бравым матросом, потом помощником капитана и наконец шкипером самой красивой рыболовной шхуны на всем побережье.

Стремление вернуться в море с течением времени становилось все сильнее, и наконец, в 1926 году, когда Эрону шел шестьдесят пятый год, он приблизил свою мечту и начал строить судно. Он уже выдал замуж своих дочерей, продал свое дело, отослал свою жену в Калифорнию и теперь принялся работать для себя, для души. Он планировал провести свое судно из Саскатуна до Нью-Брансуика — и собирался проплыть весь путь, до последнего дюйма. Эрон принадлежал к той упрямой породе людей, которые не признают никаких препятствий, даже географических, вроде пустыков в две тысячи миль суши, которые пролегли между ним и его целью.

Он сам спроектировал судно и затем превратил подвал своего дома на Пятой авеню в лодочную верфь. Почти сразу же после того, как был заложен киль, один из его друзей, руководствуясь самыми лучшими побуждениями, указал Эрону на то, что он никогда не сможет вытащить готовое судно из подвала, но Эрон не стал волноваться из-за проблем, которые относились к отдаленному будущему.

К тому времени, когда мы приехали в Саскатун, Эрон и его лодка уже не один год были постоянным объектом насмешек. Стоило упомянуть название лодки, и этого оказывалось достаточно, чтобы вызвать хихикание в пивных барах, даже у тех, кто успел посмеяться над этой самой шуткой сотни раз. То, что Эрон решил назвать свое детище "Лысуха", наперекор мнению толпы, было очень характерно.

— А что тут такого? — бывало, кричал он своим пронзительным и жалобным голосом. — Лысуха — очень красивая птица. Знает, когда надо нырнуть. Знает, когда плыть. Почти не умеет летать? А кому, черт побери, надо, чтобы лодка летала?

Речь Эрона была почти такой же грубой, как и его плотницкие работы, которые получались очень топорными. Он трудился над своим судном с беспредельным напряжением, но почти при полном отсутствии знаний и умения. Терпеливым он тоже не был, а терпение — очень важное достоинство в судостроителе. Как и можно было ожидать, те, кому позволялось присутствовать при постройке, дали лодке другое имя. Они называли ее "Принцесса на шпаклевке".

Название это было довольно метким. Лишь очень немногие доски обшивки плотно прилегали к соседним, разве что по воле случая. Говорили, что в годы постройки "Лысухи" лавка скобяных изделий Блэндинга, где Эрон делал закупки, получала большую часть прибыли от продажи замазки для шпаклевки щелей.

Когда мой папа и Эрон встретились, постройка "Лысухи" уже достигла того предела завершенности, который ей, по-видимому, вообще не суждено было превзойти. При длине в двадцать четыре фута она имела плоское днище, а обводы корпуса были такими же жесткими и нескладными, как у портовой шаланды; к тому же корпус судна имел перегиб еще до того, как оно покинуло строительное ложе. При постройке использовались железные болты, которые начали ржаветь еще до спуска лодки на воду. Щели и швы в ее корпусе могли проглатывать по галлону шпаклевки в день, причем на следующее утро шпаклевку уже не удавалось обнаружить.

Однако, несмотря на свои многочисленные недостатки, "Лысуха" была судном, и самым крупным из тех, которые Саскатун когда-либо видел. Эрон не мог обнаружить в нем никаких изъянов, и даже мой папа, который не был ослеплен творческой влюбленностью и знал сомнительную мореходность "Лысухи", отказывался замечать ее несовершенства, так как это судно стало частью и его мечтаний.

Для нас с мамой не было неожиданностью, когда в один мартовский день папа объявил, что будущим летом возьмет отпуск для того, чтобы помочь Эрону довести

"Лысуху" до Галифакса (*28).

Весь Саскатун проявил острый интерес к проекту. Яростные споры относительно шансов "Лысухи" на успешное плавание вспыхивали среди самых различных слоев горожан. Торговая палата приветствовала это смелое предприятие с оптимизмом, свойственным таким организациям, и предсказывала, что "этому примеру первопроходцев последуют большие флотилии грузовых барж, а матушка Саскачеван будет доставлять зерно, возвращенное ее детьми, на рынки всего мира". С другой стороны, служащие двух железных дорог издевались над "Лысухой", отказываясь признать ее конкурентоспособной угрозой их прибыльному занятию — перевозке зерна.

Но в целом город гордился тем, что Саскатуну выпала честь стать портом приписки мореходного судна. Были напечатаны карты, показывавшие путь судна и дополненные описаниями тех красот, которые предстанут перед глазами его экипажа во время плавания. Карты свидетельствовали, что это будет одно из самых необычных плаваний, когда-либо совершенных, не исключая кругосветного плавания капитана Кука.

Чтобы достигнуть своего места назначения, "Лысуха" должна была проследовать на север по реке Саут-Саскачеван до ее слияния с северным притоком, а затем пройти на восток в озеро Виннипег. Оттуда свернуть на юг, чтобы из внутреннего моря провинции Манитоба войти с севера в воды Ред-Ривер и попасть по ней на территорию Соединенных Штатов. Продолжая следовать на юг по течению реки Миннесота до Сент-Пола, "Лысуха" очутится в верховье Миссисипи и по этой великой реке пройдет до Мексиканского залива. Остальная часть плавания будет проходить (когда обогнут полуостров Флорида) все прямо и прямо на север вдоль побережья Атлантического океана до залива Святого Лаврентия (*29).

Время отплытия было назначено на восемь часов утра в субботу в середине июня, а местом отплытия был выбран илистый берег по соседству с выходом в реку главной канализационной трубы города. Об этом сообщалось в местной газете крупным шрифтом во всю ширину страницы: "МОУЭТ И ПУЛ ОТПЛЫВАЮТ С УТРЕННИМ ПРИЛИВОМ". Однако сам спуск судна пришлось отложить на один день, когда сбылось мрачное пророчество о том, что Эрону не так-то просто будет извлечь свое судно из подвала. Пришлось нанимать бульдозер, и Эрон с бесшабашной небрежностью истинного искателя приключений приказал бульдозеристу срезать всю восточную стену своего дома, для того чтобы высвободить "Лысуху". Толпа, собравшаяся посмотреть на спуск судна на воду, сначала была разочаровалась отсрочкой, но отправилась в тот вечер домой вполне удовлетворенной предварительным развлечением и предвкушая новые.

Папа и Эрон имели основание быть благодарными отсутствию зрителей в тот момент, когда лодку наконец сняли с прицепа и опустили в Саскачеван. Лодка абсолютно не претендовала на зачисление ее в надводные суда и сразу же погрузилась на илистое дно, где лежала, издавая бульканье, как старый буйвол в любимой луже.

Горе-судостроители с большим трудом вытащили лодку на берег и затем всю ночь трудились при керосиновых фонарях. К рассвету они снова сделали "Лысуху" водонепроницаемой, заткнув щели в бортах девятью фунтами шпаклевки и клиньями из кедрового дерева. Ее спустили на воду перед завтраком; на этот раз она осталась на плаву.

В то воскресное утро церкви фактически пустовали, а огромная нарядная толпа усеяла берега реки с наветренной стороны. Илистая отмель была ареной бурной деятельности. Папа и Эрон суетились, деловито выкрикивая странные приказы на морском жаргоне и все больше сердясь друг на друга, когда распоряжения понимались неправильно. "Лысуха" мирно ждала, но в толпе зевак находились люди, которые чувствовали, что судно едва ли готово для великого дерзания. Его палуба была отстроена только частично. Мачта еще не была установлена. Рулевые крючья и петли еще не были доставлены, и руль нелепо болтался за кормой на крюках из

толстой проволоки. Но зато выглядела "Лысуха" очень красочно. Стремясь побыстрее подготовить ее к спуску, Эрон не дождался прибытия партии специальной эмали для судов, а покрыл лодку всеми остатками красок, которые ему удалось наскрести со дна банок, лежавших кучей в его мастерской. Результат был впечатляющим, правда слишком ошарашивающим.

И Эрон и папа всю ночь принимали от поклонников поздравления и знаки сердечного расположения. К утру оба оказались не в состоянии решить техническую проблему погрузки. Гора провианта и судового оборудования, которая скопилась на илистой отмели, требовала для своей перевозки целой флотилии из "Лысух". Капитан и его помощник все время препирались и этим поддерживали веселое настроение толпы. Назначенный час приблизился, а момент отплытия, казалось, еще больше отдалился.

Терпение зрителей время от времени вознаграждалось развлечениями: например, когда Эрон не удержал пятидесятифунтовую головку сыра — подарок местной сыроварни — и она плюхнулась в поток сточной воды. Присутствующие пришли в восторг. Эрон заметался по отмели, истошным голосом требуя, чтобы помощник нырнул и спас сыр, но помощник решительно взбунтовался, и положение спасли умелые действия двух мальчишек с удочками, которые зацепили коварный сыр и осторожно подтянули его к берегу. Но они не решились дотронуться до сыра руками, — впрочем, по причине близкой канализации, трогать его никому по хотелось. Н еще долго после того, как "Лысуха" уплыла, круг сыра оставался на илистой отмели, брошенный и никому не нужный. Во время этой суеты Матт важничал. Он был записан судовым псом, и возбуждение, царившее на месте отплытия, ему очень нравилось. Когда добровольные помощники наконец оттолкнули "Лысуху" от берега, Матт горделиво балансировал на фордеке, и потому-то ему первому из палубного груза пришлось оказаться в воде, когда перегруженное судно резко накренилось на правый борт и стряхнуло с себя все лишнее.

"Лысуха" еще раз вернулась к илистой отмели. Матт спрятался за растущей грудой брошенных припасов, для которых на борту не оказалось места. Ему было не по себе не столько от запаха сточных вод, сколько от бессердечного смеха толпы.

Наконец, перед самым полднем, они отчалили, и "Лысуха" произвела потрясающее впечатление, когда нырнула под своды моста Нью-Бридж, сопровождаемая флотилией из тридцати шести буханок хлеба, мокрых и разбухших от воды. Буханки эти провалились сквозь дно картонного ящика, поднятого Эроном с мокрого днища лодки и неосторожно поставленного для просушки на покатуку палубу кормы.

Около мили я сопровождал их на велосипеде, двигаясь по прибрежной тропинке, затем помахал им вслед и возвратился в город, где вместе с остальными жителями Саскатуна стал ждать сообщений о продвижении "Лысухи". Наша газета превзошла саму себя, так как, желая должным образом освещать происходящее, она завербовала в специальные корреспонденты всех паромщиков по реке. Один паром отстоял от другого примерно на десять миль. Это были квадратные баржи, снабженные деревянными подводными киями, которые можно было разворачивать под некоторым углом к течению, так чтобы давление воды на эти лопасти заставляло паромы двигаться поперек реки, туда и обратно, а стальные тросы, протянутые с берега на берег над самой поверхностью воды, направляли и удерживали паромы на курсе. Паромщики были, как правило, фермеры с очень скудными сведениями о более многоводных реках, чем их река, а поэтому представитель газеты, который посетил их, сам родом из приморского города, дал каждому подробные указания о том, как следует докладывать о торговом судоходстве.

Когда в течение целых пяти дней после того, как "Лысуха" покинула нас, от паромщиков не поступило ни одного доклада, мы начали слегка волноваться. Затем в пятницу ночью человек с ближайшего к городу парома (примерно в пятнадцати милях) позвонил в газету в состоянии сильного возбуждения, чтобы сообщить, что какой-то объект, неразличимый из-за темноты, налетел на него как раз перед

полуночью, ткнулся в паромный трос и снова исчез под звуки банджо, вой собаки и потоки ужасного моряцкого сквернословия.

Болельщики догадались, что таинственным объектом была "Лысуха", но репортер, которого на рассвете отправили на указанный участок реки, не смог обнаружить никаких следов этого судна. Он проехал дальше вниз по течению и наконец встретил семью украинцев, живших над рекой. Фермер не знал английского, а жена его говорила по-английски очень плохо, но она сделала все, что могла, теми средствами, какими располагала.

Она призналась, что в то утро определенно видела что-то, — тут она замолкла и перекрестилась. То, что она видела, выглядело как огромный гроб слишком яркого цвета, который, по-видимому, не был рассчитан на обыкновенное человеческое тело. Когда она увидела этот предмет в первый раз, его тянули через широкую илистую отмель-тут она вновь перекрестилась — лошадь и собака. Их сопровождали две голые пританцовывавшие фигуры, которые могли бы быть и человеческими, но больше походили на бисов. "На водяных чертей", - добавила она после некоторого размышления. Она не видела, что случилось с гробом потом. Того, что она видела, ей было вполне достаточно, и она поспешила назад в свой домик, чтобы помолиться перед семейной иконой.

Репортер спустился к реке и там в мягком иле обнаружил следы, оставленные процессией: две цепочки следов босых ног, глубокую борозду, оставленную килем лодки, цепочки собачьих и лошадиных следов. Следы извивались по бару на протяжении двух миль и затем исчезали у кромки воды, годной для плавания. Исчезали все следы — и следы лошади тоже. Репортер возвратился в Саскатун со своим рассказом, но, когда он докладывал нам об увиденном, выражение его глаз было странным.

О том, что же все-таки произошло в течение тех пяти дней, когда "Лысуха" исчезла из поля зрения, бортовой журнал моего папы сообщает очень мало. Журнал содержит только очень краткие, а порой загадочные записи вроде следующих:

Воскр. 12.40. Снова погружаемся. Черт... Воскр. 22.00. Шпаклевка вся кончилась. Пробуем ил. Не годится... Ср. 16.00. Э. стрелял в утку на обед, промахнулся, попал в корову... Черт! Четв. 23.30. Руль исчез запад. Черт возьми! Пятн. 12.00. Благодарение богу за лошадь.

Но тем не менее вот что они нам рассказали по возвращении домой.

Папа и Эрон увидели Саскатун в последний раз, пребывая в дружелюбном и бодром настроении духа. Это настроение сохранялось на протяжении трех миль, когда "Лысуха" продвигалась достаточно хорошо, так как до того, как они пошли ко дну, им пришлось приставать к берегу только четыре раза. Во время каждой из стоянок было необходимо разгружать "Лысуху" и переворачивать ее, чтобы вылить воду. Эрон каждый раз уверял, что в дальнейшем этого не потребуется.

— Швы скоро забухнут, — говорил он папе. — Подожди, пока она некоторое время побудет на плаву.

По мере того как время шло, дружелюбное настроение таяло.

— Она, конечно, забухнет, — горько заметил папа, когда они разгружали "Лысуху" в двенадцатый раз. — Но до этого она всосет в себя всю эту чертову реку — вот что она делает.

Ко времени, когда они расположились на ночлег, позади осталось расстояние в шесть миль, а "Лысуха" потеряла то малое количество шпаклевки, которое еще оставалось в ее корпусе. В ту ночь ее команда часто просыпалась.

В понедельник не составило никакого труда не пускать воду в лодку, так как воды не было — только непрерывный песчаный бар. Это был для путешественников сухопутный день: "Лысуху" пришлось тащить целые две мили, и они едва справились с этой задачей к закату. Три последующих дня были похожи один на другой. От песка у Матта начала стираться кожа между пальцами. Поскольку Эрон и папа бесчисленное количество раз скользили и падали в речную грязь, когда старались

продвинуть "Лысуху" хоть немного дальше, то они в конце концов совсем отказались от одежды и вернулись в природное состояние.

Они делали все новые и новые открытия в отношении своего судна и его оснащения, и почти все эти открытия были обескураживающими. Так, было обнаружено, что в гигантской груде припасов, брошенных в Саскатуне, осталось горючее для кухонной плитки, патроны к дробовому ружью, но не к винтовке двадцать второго калибра (увы, бедная невинная корова!), топор и, что самое грустное, три бутылки ямайского рома. Они обнаружили, что большая часть их продуктов несъедобна из-за длительного пребывания в сточной воде, а пропитанные водой одеяла — тоже в антисанитарном состоянии. Все этикетки на банках с консервами смыло, и выяснилось, что в двух ящиках со сверкающими, но безымянными банками, в которых они предполагали найти свинину с бобами, на самом деле были собачьи консервы для Матта.

Меня не удивляет, что бортовой журнал сообщал о тех днях так мало. Меня удивляет лишь то, что "Лысуха" вообще продолжала свое путешествие... Но... она продолжала его. И в четверг вечером ее команда была вознаграждена: наконец-то удалось добраться до относительно судоходных вод. К тому времени уже начало смеркаться, но ни помощник капитана, ни шкипер (они оба стали угрюмыми и необщительными) не желал первым предложить сделать привал, а Матт не участвовал в решении этого вопроса.

Они столкнули "Лысуху" с последнего песчаного бара и поплыли вниз по реке навстречу тьме. В полночь они наткнулись на трос от парома и потеряли руль.

Эта потеря не была настолько серьезной, как им показалось сперва, так как еще до рассвета они снова сели на мель — и им снова пришлось мученически тащиться через илистые банки, причем буксирные тросы впивались в их голые плечи, а "Лысуха" упрямо скребла килем по дну.

Мореплаватели сделали короткую остановку, чтобы приготовить жалкий завтрак, когда мой папа, случайно взглянув на высокий берег, увидел лошадь. Его осенила мысль, и он вскочил на ноги, громко крича от радости. Он перестал кричать только после того, как, отмахав пять миль по знойной прерии, чтобы найти хозяина лошади и договориться с ним об ее временном найме, усталый вернулся на берег реки к "Лысухе". Эрон встретил его с неуместной веселостью и важным сообщением.

— Ангус, я нашел это! — закричал он и поднял вверх одну из драгоценных бутылок, которые считались потерянными.

Это был поворотный момент в их путешествии.

К полудню славная лошадь протащила "Лысуху" через двухмильные отмели до чистой воды. Эрон позволил лошади пройти по воде еще немного, чтобы "Лысуха" всплыла. Он собирался остановить животное и отвязать буксирный трос, когда папу озарила еще одна гениальная мысль.

— Зачем останавливать ее сейчас? — спросил папа.

Эрон посмотрел на своего помощника с возросшей любовью и передал бутылку.

— Ей-богу, Ангус, — сказал он, — для библиотекаря у тебя вполне приличные мозги.

Так "Лысуха" двинулась дальше с двигателем в одну лошадиную силу, а поскольку глубина реки редко бывала больше чем три фута, то странная обязанность не доставляла лошади больших хлопот. Когда же она попадала в глубокую яму, то просто плыла до тех пор, пока снова не ступала на дно. Если вода мелела, уступая место очередному песчаному бару, пассажиры "Лысухи" спрыгивали на берег и помогали лошади тащить лодку.

Использование плавающей лошади явилось блестящим образчиком импровизации. Одно этого было бы вполне достаточно, чтобы доставить путешественников до озера Виннипег, где они определенно утонули бы, не случись на их пути наводнения.

Когда в субботу после полудня начался дождь, папа и Эрон подвели "Лысуху" к берегу, вытащили на отмель, накрыли большим куском просмоленной парусины и заползли в образовавшийся шатер, чтобы переждать ливень. Лошадь отпустили попасть на высоком берегу, в то время как двое мужчин и собака уютно отдыхали в

своем укрытии, уплетая консервы для собак, сдобренные солидными порциями красного рома.

Дождь усилился. Началось одно из устрашающих явлений, характерных для засушливых канадских прерий. В облаках как будто прорвало плотину. Менее чем за три часа на затвердевшую от солнца почву прерий в районе Саскатуна выпало три дюйма осадков, а это было больше, чем все осадки за предыдущие три месяца. Почва не могла впитать всю дождевую влагу, и узкие глубокие ущелья, ведущие в долину реки Саскачеван, начали сердито реветь ливневыми потоками. Уровень воды в реке быстро поднимался, река пожелтела и впаала в бешенство.

Первый приступ наводнения докатился до "Лысухи" примерно в пять часов вечера. Команда не успела выкарабкаться из укрытия, лодка оказалась на середине потока и неслась вниз по реке с ужасающей скоростью. Лишенная руля, при наличии только одного оставшегося весла команда "Лысухи" была беспомощной. (Несколькими днями раньше Эрон использовал второе весло, чтобы подвесить над костром ведро с водой для чая, а затем отошел в сторонку посидеть, поразмыслить и о весле, чае и костре, конечно, забыл.) Дождь все еще лил. Ошеломленные даже коротким созерцанием разбушевавшейся реки, мужчины благоразумно укрылись под своим брезентовым пологом и стали по очереди прикладываться к бутылке с ромом.

К семи часам ливень перешел в монотонный мелкий дождь, но уровень воды все еще поднимался.

В Саскатуне те, кто с нетерпением ожидали вестей относительно "Лысухи", были наконец вознаграждены. Меры, принятые газетой, начали приносить плоды. От паромщиков по всему течению реки стали поступать сообщения, причем одно сообщение следовало за другим с таким коротким промежутком времени, что они становились просто непрерывными. Телефонный коммутатор в редакции газеты засыпала доклады вроде следующего:

Только для "Стар". Плывающее судно "Лысуха", вышедшее с грузом из Саскатуна, видели у Индиан-Кроссинг в 7.43 вечера на пути в Галифакс, то есть если оно не ударится о бар у Биг-Айленд, прежде чем минует ручей Койот-Крик.

"Лысуха" без приключений миновала и островки Биг-Айленд и Койот-Крик, и в 7.50 вечера наблюдатель в Барнс-Форд доложил, что она как раз проплыла мимо, в компании двух утонувших коров, которые, предположительно, тоже направлялись в Галифакс. В 8.02 она миновала Индиан-Кроссинг... В 8.16 она бортом задела паром возле Синкхол... В 8.22 о ней сообщили из Сент-Луиса (в провинции Саскачеван, а не в штате Миссури)... и далее продолжалось в таком же роде. Паромщики пытались переговорить с командой несущегося судна, но никто им не отвечал и даже не удостоивал сообщением своего номера. Судно продвигалось так быстро, что работник со скотоводческой фермы, который заметил его вблизи озера Дак-Лейк, хотя и скакал на лошади во весь опор, все же не мог угнаться за ним.

В рабочем зале газеты репортеры отмечали каждое новое местонахождение на крупномасштабной карте реки, и кто-то высчитал с помощью логарифмической линейки, что если бы "Лысуха" смогла сохранить этот темп, то уже через шесть дней она завершила бы свое плавание до Галифакса.

К девяти часам того же вечера темнота облачной и безлунной ночи настолько скрыла реку, что можно было не ожидать новых донесений от бодрствовавших паромщиков. Однако мы предполагали, что в воскресенье утром наблюдатели снова нападут на след. На рассвете из Принс-Альберта даже выехала группа людей, чтобы посмотреть, как "Лысуха" пройдет место слияния двух притоков реки. Они проехали зря. Наводнение кончилось, река вернулась в свое обычное вялое состояние, но никакой "Лысухи" не появилось. В ту непроглядную ночь она бесследно исчезла.

Напряженно и томительно целое воскресенье мы ждали известий, но их не было. Наконец зять Эрона обратился за помощью в Королевскую Канадскую конную полицию, и этот знаменитый род войск приказал одному из патрульных самолетов произвести поиск. В то же самое воскресенье, до наступления темноты, самолет не обнаружил ничего, но на рассвете следующего дня он поднялся снова.

В одиннадцать часов утра в понедельник в Саскатуне приняли следующую радиограмму:

"Лысуха" находится в пяти милях северо-западнее Фентона и в двух милях от Ривербэнка. На суше, в центре обширного пастбища, густо окруженная коровами гольштинской породы. У команды, по-видимому, все в порядке. Один человек играет на банджо, другой загорает, а собака гоняется за коровами.

Это был замечательный доклад, отличающийся высокой степенью точности в сочетании с краткостью, чем справедливо славится вышеупомянутый род войск. Однако, как указал мой папа позднее, доклад не отразил всего положения вещей.

Матт, Эрон и папа провели всю субботнюю ночь под шатром из парусины. Они не вылезли даже после того, как дождь прекратился. Папа утверждал, что он поступил так только из желания умереть мужественно, а сохранить остатки мужества он мог, только не видя ужасного кипения вздувшейся реки. Эрон же сказал, что остался под брезентом, ибо обнаружил вторую бутылку рома. Матт, как всегда, смолчал.

Когда наступило воскресное утро, папа начал надеяться, что еще есть шанс уцелеть, и, отогнув край брезента, высунул нос, чтобы осмотреться. То, что он увидел, ошеломило его. "Лысухе", очевидно, удалось покрыть все расстояние до озера Виннипег менее чем за десять часов. Озадаченный мозг не смог найти другого объяснения беспредельному пространству коричневой воды, которая простиралась вокруг них и терялась далеко за горизонтом.

Только во второй половине дня, когда паводок пошел на убыль и по сторонам начали появляться макушки тополей, эта иллюзия частично рассеялась. Она рассеялась полностью к утру понедельника, когда путешественники проснулись на судне, возлежащем на большом зеленом лугу в окружении стада любопытных коров.

Теперь для команды "Лысухи" настали самые счастливые часы их путешествия. Воды не было ни в самой лодке, ни под ней. Не было даже ни песка, ни ила. Солнышко грело. Эрон нашел третью из пропавших бутылок, а папа приобрел по соседству у фермера свиной бок домашнего копчения и пять буханок душистого хлеба. Матт развлекался, гоняясь за коровами. Это было прекрасное местечко для того, чтобы заброшенные штормом мореплаватели могли стать на якорь.

Идиллия была нарушена появлением патрульного самолета и несколько часов спустя сведена на нет прибытием зятя Эрона, пассажиром на большом красном грузовике. Открыли экстренное совещание; плавание было объявлено законченным, и, невзирая на грубые протестующие выкрики Эрона, "Лысуха" позорно возвратилась в Саскатун на грузовике.

Оказавшись целым и невредимым в своем собственном доме, папа честно признался, что рад этому и что, по правде говоря, он даже не надеялся увидеть нас снова. Остальную часть лета он был верен "Концепции", и мы провели много счастливых уик-эндов на озере Лотус-Лейк, плавая под парусом между пляжем перед англиканской церковью и пивным баром Мил-фордс-Бир-Парлор.

Но к истории с "Лысухой" существует забавный постскрипtum.

Осенью следующего года папа получил из Галифакса письмо. В конверте не было ничего, кроме любительского снимка забавного маленького судна (несомненно "Лысухи"), пришвартованного рядом со знаменитым люненбергским судном "Блюноуз". На обороте фотокарточки была загадочная надпись, неуклюже нацарапанная красными чернилами: "Отступник!"

Это было бы папе крайне неприятно, если б несколько раньше его друг, Дон Чисхолм, помощник управляющего одной из железных дорог в Саскатуне, не показал ему некую транспортную накладную, любопытнейший документ, касательно отправки одного вагона-платформы "с грузом, из Саскатуна в Галифакс". А название, которое дал вагону-платформе для этой перевозки какой-то железнодорожник-юморист, было крупно написано внизу накладной. Оно гласило: "Для перевозки лысух".

Путевые зарисовки

Моуэты были семейством неугомонных — папа-то уж точно был неугомонным. Мама мирно соглашалась остаться навсегда почти в любом месте, которое вскоре оказывалось для нас временным пристанищем; папу же всегда манили далекие горизонты.

В период жизни в Саскатуне мы совершали дальние поездки — от Черчилла на Гудзоновом заливе до Ванкувера на берегу Тихого океана. Это были нелегкие поездки для нашего семейства.

Библиотекаряю, как правило, платят слишком мало. Однако уроки, которые я извлек из злоключений тех путешествий, сослужили мне хорошую службу в моих собственных странствиях, — ведь писателей тоже оплачивают не слишком щедро.

Перелистывая наши путевые дневники, я каждый раз поражаюсь, какое большое место занимает в них Матт, — например, во время поездки на Тихий океан. Возвращаясь к ней теперь, я могу припомнить ряд маленьких историй, если хотите, зарисовок, в каждой из них в центре внимания оказывался всегда Матт, а остальное — нечто бесформенное и расплывчатое.

Мы начали это путешествие июньским днем 1934 года, после того как я написал в школе свое последнее экзаменационное сочинение. У меня все еще хранится снимок, сделанный в тот момент, когда мы двинулись по Ривер-Роуд, и, когда я гляжу на этот снимок, меня всегда потрясает, как мы нагрузили нашего Эрдли. Ни одна из ваших нынешних кичливых красавиц из хрома и стекла не проехала бы с таким грузом и одной мили. Наш Эрдли был способен на эти подвиги только потому, что он был итогом пяти тысяч лет стремления человека создать совершенный экипаж. Нет никакого сомнения, что модель "А" стоит на вершине эволюции колеса. И мне очень горько — возможно, как и всем людям на свете, — что за этим величественным апогеем последовало быстрое и ужасающее вырождение автомобильной породы — превращение автомобилей в механические кошмары расслабленного человеческого мозга, которые в наши дни нещадно давят людей на всех шоссе дорог мира.

Размеры груза, который Эрдли нес на своих плечах, когда он бодро тронулся в путь, чтобы доставить нас через далекие горы к морю, просто не укладываются в сознании. К запасному колесу была привязана большая палатка-зонт. Высоко над нами на хлипких опорах лежала "Концепция". К передним крыльям были приторочены три деревянные раскладушки. На правой подножке (бесценном изобретении, уже давно принесенном в жертву чрезмерной полноте современного автомобиля) стояли два деревянных ящика с книгами - большая часть их была о море. На другой подножке находились два дорожных чемодана, канистра с пятью галлонами бензина и второе запасное колесо. Кроме того, погружены были еще мачты, паруса и шверцы для каноэ; папины дождевик и зюйдвестка, секстант, судовой компас с нактоузом (*30) мамин хозяйственные принадлежности, включая кастрюли и сковородки, и огромный джутовый мешок с лоскутками материи для изготовления плетеных ковриков, и, не в последнюю очередь, брезентовый мешок, содержащий мои силки для гоферов, ружье двадцать второго калибра и другие не менее необходимые вещи.

Когда Эрдли, выгнув спину от перегрузки, подъезжал к окраине города мимо городского озера, на котором утки уже выводили птенцов, было бы уместно описать (в манере Стейнбека (*31)) то, чего нам не хватало.

Матт любил ездить в автомобиле, но это был крайне беспокойный пассажир. Ему была присуща свойственная мальчишкам и собакам уверенность в том, что когда они смотрят направо, то пропускают что-то еще более интересное слева, и наоборот. Кроме того, он никогда не мог решить, предпочитает ли он сидеть на переднем сиденье и смотреть вперед, или на откидном — и смотреть назад. Матт выехал на переднем сиденье с мамой и папой, а мне досталось откидное. Не проехали мы и пяти миль, как мама и папа уже перессорились: оба хотели сидеть с краю, и стоило любому временно лишиться этого места, как начинались рычание, бормотание и

пихание, пока он или она не добивались своего. К концу первого часа путешествия мама потеряла терпение, и Матта выставили на откидное сиденье.

От езды на откидном сиденье с ним стало твориться что-то странное, и у меня сложилась теория, что от усиленного вдыхания плотного воздушного потока, которое вызвало кислородное опьянение, у Матта произошло нарушение обмена веществ. В глазах у него появился странный блеск, и, хотя в нормальной обстановке он не был слюнявой собакой, теперь он истекал слюной. Он то и дело клал передние лапы маме на плечи и пускал слюни на нее, пока она не взрывалась и не откидывала его резким толчком в подбородок. После этого он обиженно ворчал и принаравливался пускать слюни на меня.

Но его любимая позиция, когда он действительно перенасыщался кислородом, сводилась к тому, что он понемногу высовывался за пределы одного из задних крыльев автомобиля так далеко, что в кузове оставались только его задние лапы и хвост. Он рискованно балансировал, сунув нос в самый воздушный поток, а его длинные уши трепались на ветру.

Дороги в прерии были ужасно пыльные, и нос и глаза у Матта скоро так забивало пылью, что он почти ничего не видел и не мог учуять даже запаха дохлой коровы с расстояния в двадцать шагов. Против этого он, казалось, не возражал, но, подобно неудачнику, которому в жизни уже все безразлично, он порой высовывался за борт так далеко, что терял равновесие. Тогда я вцеплялся в его хвост и только таким образом предотвращал несчастье. И все же один раз, когда моя хватка немножко ослабла, он на какой-то миг повис в воздухе, а затем грохнулся на дорогу.

Когда это случилось, мы подумали, что потеряли его навеки. К тому времени, как папа остановил машину, Матт лежал, распластавшись, посреди дороги в ста ярдах позади нас и жалобно скулил. Папа представил себе самое худшее и решил тут же избавить бедное животное от мучений. Он выпрыгнул из автомобиля и помчался в кузницу при дороге; через несколько минут он вернулся, размахивая старым револьвером кузнеца. Но он опоздал. За время его отсутствия Матт обнаружил глазевших на него из-за плетня двух телок и моментально вскочил, чтобы с лаем погоняться за ними. Хотя во время этого несчастного случая собака не получила серьезных ранений, одно небольшое последствие его падения позволило мне занять в семейной хронике определенное место, так как только я заметил и потом много раз рассказывал, как Матт от страха, так сказать, напустил огромную лужу...

Мы, трое путешественников, пользовались мотоциклетными очками для защиты от пыли. Однажды вечером папе пришло в голову, что это похоже на потакание любимчикам — Матт должен иметь очки. В это время мы как раз въезжали в селение Элбоу, типичную для прерий деревню с немощеной главной улицей, широкой, как целый участок средней руки фермы в Онтарио. Два ряда домиков издали смотрели друг на друга фасадами, обшитыми досками. Когда мы прибыли, единственным открытым заведением в Элбоу оказался аптекарский магазин.

Папа, Матт и я вошли в магазин все вместе, и, когда из задней комнаты вышел пожилой продавец, папа попросил у него шоферские очки.

Старик долго искал и наконец принес нам три пары очков. Хотя они были сконструированы на заре автомобильной эры, их можно было носить, и папа стал примерять очки Матту.

Случайно во время этой процедуры, оторвав глаза от пса, я поймал взгляд продавца. Он был ошеломлен. Его бритое лицо вытянулось, как мокрая замша, а пожелтевшие от табака остатки зубов, казалось, готовы были выпасть из опустившейся нижней челюсти.

Папа не заметил всего этого, но его ждала еще более внушительная сцена, когда он поднялся, протягивая вторую пару очков.

— Эти подойдут. Сколько я вам должен? — спросил он и, внезапно вспомнив, что перед отъездом из Саскатуна забыл упаковать свой бритвенный прибор, добавил: — Да, еще нужны кисточка для бритья, мыло и безопасная бритва.

Старичок укрылся за прилавок: по-видимому, он готов был разрыдаться. Костлявой рукой он несколько секунд хватал воздух не в силах вымолвить ни слова.

— О, боже! — простонал он — и в голосе его была искренняя мольба. - Не пытайтесь меня уверить, что эта собака еще и б р е е т с я!

Из-за необычной формы головы Матта пришлось срочно изменить способ крепления очков, но они псу очень шли и нравились. Когда очки не требовались, мы передвигали их ему на лоб, но через несколько дней он научился делать это сам, а когда было нужно, снова надвигал их на глаза. Если не считать того впечатления, которое они производили на лишенных воображения прохожих, очки Матта имели невероятный успех. Однако они не защищали его нос, и как-то на скорости сорок миль в час он столкнулся с пчелой. Левую половину носа-картошки страшно раздуло. Это не создавало ему большого неудобства, так как он устроился у другого борта машины. Но удача покинула его, и вскоре он столкнулся с другой пчелой (может быть, впрочем, на этот раз это была оса). Общий результат этих двух укусов оказался весьма причудливым. С очками, надвинутыми на глаза, Матт был теперь похож на гибрид рыбы-молота и глубоководного ныряльщика.

Нашу вторую ночь по дороге на запад мы провели в Свифт-Ривер в южной части Саскачевана. Свифт-Ривер находился почти в самом центре этой пыльной провинции и выглядел тощим и голодным. Нам было очень жарко; покрытые пылью, усталые, мы въехали в его северное предместье и стали искать городской кемпинг для туристов. В те времена еще не было никаких мотелей и приходилось выбирать между собственной палаткой и очень тесной комнаткой в раскаленной душегубке, которая, явно в насмешку, называлась "отель".

Однако Свифт-Ривер гордился своим туристским кемпингом, расположенным в некоем жалком подобии парка, неподалеку от искусственного озера.

Мы принялись устанавливать патентованную палатку, справиться с которой часто бывало нелегко. Вскоре мимо прошел полицейский и посмотрел на нас так подозрительно, словно не сомневался, что мы — нежелательные элементы, маскирующиеся иод уважаемых туристов. Его очень рассердило, когда мы к тому же еще попросили помочь нам установить палатку.

Когда наконец в тот вечер мы все забрались под одеяла, нервы у нас были взвинчены до предела. Настроение не улучшилось от того, что ночной отдых прерывался тучами moskitov с соседнего озера, а также печальными стонами нары тощих оленей-вапити, которые жили по соседству в загоне для диких животных.

Мы металась и бормотали сквозь сон в жаркой и душной палатке и на рассвете вставать не собирались. Мы все еще были в постели, в полусне, когда раздавшийся рядом голоса, вопреки нашему желанию, вернули нас к действительности нового дня. Голоса были женские, возмущенные. Сначала я был еще в слишком обалделом состоянии от утомления, чтобы ухватить суть разговора, но пришел в себя, когда услышал внезапное сердитое ворчание папы и шепот мамы, пытавшейся успокоить его. Все было достаточно интересно, и стоило проснуться окончательно. Я сел на постели и прислушался к голосам.

Диалог был примерно следующий.

Голос снаружи: "Позор — вот что это! Обычное нарушение общественного порядка! Не могу себе представить, о чем думают ответственные лица, если допускают такое". Бормотание папы, который, по-видимому, знал, о чем идет речь: "Старые ведьмы! Кого, черт побери, они из себя воображают?"

Мама, успокаивающе: "Послушай, Ангус!"

Снова голос снаружи: "Просто ядовитый запах... Вы думаете, что это действительно собака?"

От этого мой папа вздрогнул, а я вспомнил, что Матт отказался от сомнительных удобств палатки и, когда начало светать, прошагал по мне к выходу. Папино раздражение стало мне понятно. Никто чужой не смел говорить о Матте в таких выражениях. А выражения становились все более резкими.

Тут папино терпение лопнуло. Его вопль потряс палатку.

"Я владелец этой собаки! — закричал он. — Что вы собираетесь с ней сделать?"

Он уже начал метаться по палатке в поисках одежды, когда один из голосов ответил так, что это окончательно вывело его из себя.

И в тот же миг папа выскочил из палатки, в одной пижамной куртке, такой разгневанный, что не мог говорить связно. Может быть, слов его разобрать было невозможно, но тона голоса оказалось достаточно, чтобы две высказавшиеся дамы быстро побежали к своему автомобилю. Они скрылись с наших глаз под скрежет зубчатых передач, оставив нас наедине с несчастным оленем — и с собакой.

Но это был не Матт. Это была незнакомая собака, которая плавала в озерке уже вверх животом футах в двадцати от берега. Она, по-видимому, сдохла очень и очень давно.

Мама торжествовала.

— Вот видишь? — сказала она папе. — Ты всегда, не зная броду, лезешь в воду.

Она была абсолютно права, так как, если бы папа посмотрел, где мы ставим палатку, мы были бы избавлены от неприятного получасового разговора, который последовал, когда сердитый полицейский вернулся и потребовал, чтобы мы вытащили нашу собаку из озерка и немедленно ее закопали. Он был скорее жесток, чем сердит, и не желал прислушаться к нашим попыткам объяснить. Возможно, нам было бы легче убедить его, что все это недоразумение, если бы Матт был с нами, но пес умчался на рассвете исследовать качество содержимого баков для пищевых отходов в Свифт-Ривер и возвратился, только когда Эрдли стоял уже загруженный и готовый к отъезду. Матт так и не понял, почему папа проявлял к нему весь день холодность.

Остальная часть нашего пути по прерии протекала без особых волнений, что было очень кстати, так как наступило время ужасающего утомления нервов, раздраженных многими днями жары, бесконечным облаком пыли и желтым безлюдьем засушливой равнины. Тополевые рощицы попадались редко и на большом расстоянии друг от друга, и даже бархатистые листья деревьев шелестели сухо и безжизненно. Болотистые озерки испарились, и их сухие впадины лоснились на иссушающей жаре. Там и сям в придорожной канаве все же попадались лужицы илистой жидкости — смертельные ловушки для бесчисленных мелких выводков уток. В вонючей жиже гнезвился ботулизм, и утки тысячами гибли от этой болезни, но их тела не разлагались, а высыхали, как мумии.

Это был неприятный отрезок пути; мы безжалостно гнали Эрдли, невзирая на его постоянно кипевший радиатор и с трудом работающий двигатель. Наконец одним прекрасным утром наступила перемена. Небо, которое так долго было окутано пылью, стало чистым и ласковым. Впереди мы увидели первые голубые очертания далеких гор, как бы висящих между небом и землей.

В тот вечер мы рано сделали привал и все были в приподнятом настроении духа, так как вырвались из объятий засухи и пустыни. Когда маленький примус проснулся, зашипел и мама начала готовить ужин, Матт и я отправились разведать эту новую и полную жизни страну. Впереди нас взлетали сороки, и их длинные хвосты сверкали в лучах заходящего солнца. Щеврицы (*32) взлетали выше облаков и пели свои звонкие короткие песенки. С зеленого пастбища позади опрятного белого домика поднялись с кудахтаньем луговые тетерева. Мы вернулись к палатке через рощицу тополей, листья которых трепетали и шептались, как и положено живой листве.

За следующий день мы пересекли большую часть провинции Альберта и к вечеру уже углубились в предгорья. Матту этот день запомнился надолго. Он никогда не подозревал, что где-то может быть такое множество коров. Стада так поразили его своими размерами, что он потерял всякий интерес к преследованию рогатых. Он был настолько подавлен численным превосходством коров, что остался в автомобиле, даже когда мы остановились, чтобы позавтракать. Вечером мы разбили наш лагерь

возле маленькой лавки, где торговали бензином и газированной водой. Вот здесь Матт попытался восстановить уважение к себе, погнавшись за весьма низкорослой, совсем одинокой маленькой коровенкой, которая жила позади гаража. Чаша его испытаний переполнилась, когда маленькая коровенка оказалась козлом - первым козлом в жизни Матта. Козел преследовал его до самой палатки, да еще попытался ворваться за ним внутрь.

Утром мы углубились в горы и выбрали северный путь, который в то время был труден даже для модели "А". Дороги узкие, крутые и покрытые гравием, без каких бы то ни было ограждений. Время от времени мы заглядывали за обочину дороги в глубокое узкое ущелье, куда с гулом летели из-под колес Эрдли мелкие камешки.

Казалось, в нас происходил странный процесс: мы уменьшались в росте, по мере того как горы становились выше и грандиознее. Я чувствовал, что мы всего лишь четыре микроорганизма, какие-то бесконечно малые точки. Горы пугали меня, потому что я знал: они последние представители Устрашающей Природы — безмолвные великаны, облик которых еще не успели изменить-люди-термиты, обезобразившие шрамами половину поверхности земного шара.

Сначала Матт тоже чувствовал себя приниженным. Свое почтение к горам он проявлял особым образом — отказывался использовать уступы для своих насущных потребностей, а так как не было ничего, на что можно было бы поднять ногу, кроме гор, то некоторое время он страдал, но терпел. К счастью, это благоговение со временем прошло. Его, по-видимому, сменило желание лазать: ведь желание добираться до высоких мест всегда гнезилось у Матта в крови — оно повлекло его сперва на изгороди, затем вверх по приставным лестницам и наконец на деревья. Теперь пес видел, что может достичь облаков, а Матт был не из тех собак, которые упускают подобные возможности.

Два дня выпали из графика нашего путешествия: мы потеряли Матта. Он по собственному почину отправился штурмовать пики Трех Сестер. Достиг ли он своей цели или нет, мы так и не узнали, но, когда он вернулся в наш растревоженный лагерь, подушечки его лап были стерты почти до мяса, а вид был столь победоносный, как у скалолаза, которому удалось постоять на вершине и увидеть мир лежащим у своих ног.

Это страстное увлечение собаки альпинизмом было чертовски неудобно для остальных членов нашей компании, так как Матт незаметно исчезал каждый раз, когда мы останавливались, и появлялся высоко на поверхности какой-нибудь отвесной скалы, упорно прокладывая себе путь вверх, глухой к нашим призывам немедленно вернуться.

Однажды мы остановились попить родниковой водицы около грозного утеса, и, конечно же, Матт не устоял перед искушением. Мы не замечали, что он убежал, пока рядом с нами не остановился большой американский лимузин, из которого вышли четыре красивые дамы и два упитанных джентльмена. Все они были увешаны кинокамерами и биноклями. Часть прибывших начала рассматривать утес в бинокли, а остальные нацелили кинокамеры. Жужжание камер возбудило мое любопытство.

— В чем дело? — спросил я одну из дам.

— Тише, сынок, — ответила она громким шепотом, — там наверху настоящий живой горный козел! — И тут она тоже подняла камеру и нажала на кнопку.

Я долго высматривал горного козла. На склоне утеса, примерно в трехстах футах над нами, я мог достаточно отчетливо рассмотреть Матта, но не козла. Оставалось предположить, что Матт преследует козла, и мне было очень обидно, что я слеп, по сравнению с этими незнакомцами, у которых такое острое зрение.

После десяти минут лихорадочной кино съемки американцы погрузились в лимузин и укатили, поздравляя друг друга с большой удачей.

Я уже сообразил, в чем дело. В тот вечер все наши разговоры вертелись вокруг уникального экземпляра разношерстного горного козла с длинными черными ушами, и боюсь, что мы хохотали как сумасшедшие. Но что ни говори, а ни один настоящий горный козел не смог бы показать более совершенной техники альпинизма, чем Матт.

Временно покинув горы, мы спустились в долину Оканаген-Вэлли, где мы надеялись увидеть легендарное чудовище, называемое Ого-Пого, которое обитает в озере Оканаген. Чудовище не пожелало показаться нам, но мы утешились роскошными фруктами, которыми славится эта долина, — фруктами, о которых мы могли только мечтать в годы жизни в прерии.

Оказалось, что Матт еще не утратил способности поражать нас. Он полностью разделил наше пристрастие: три дня не ел вообще ничего, кроме фруктов.

Ему нравились персики, мускусная дыня и вишни, но вишням он отдавал несомненное предпочтение. Сначала его смущали косточки, но вскоре он отработал довольно противную технику выплевывания их вместе с тонкой стружкой слюны через щель между передними зубами. В результате нам пришлось настаивать на том, чтобы, когда ел вишни, он целился в сторону от нас и автомобиля.

Мне никогда не забыть неодобрительных взглядов, адресованных Матту одним пассажиром на маленьком пароме, на котором мы переправлялись через реку Оканаген. Вероятно, это неодобрение было заслуженным. Матт представлял собой безусловно оригинальное зрелище, когда сидел на откидном сиденье автомобиля, с шоферскими очками высоко на лбу, и ел вишни из большой корзинки. После каждой ягоды он поднимал морду, высовывал ее за борт и небрежно выплевывал косточку в зеленые воды реки.

Белки, шотландцы и некоторые другие

После того как я попал под влияние моего двоюродного дедушки Фрэнка, я стал просто наказанием для моих родителей. Когда мне было пять лет, Фрэнк положил мне руку на плечо, и я по сей день еще не избавился полностью от ощущения этого телепатического прикосновения.

Дедушка Фрэнк был натуралист и коллекционер старой школы и был уверен, что всему тому, что дает природа, от орлиного яйца до костей динозавра, найдется место в комнате обычного дома. Он также утверждал, что узнать животных можно, только если жить вместе с ними. Он убедил меня в том, что если нет возможности жить среди диких зверей в лесах и полях, то лучше всего приносить их домой, чтобы они жили с тобой. Я начал следовать его совету, и во время своей первой экспедиции молодого, но подающего надежды ученого я нашел и принес домой коровий череп и двух черных змей и поместил все это под своей кроватью.

Мама сказала, что змеи — неподходящие товарищи для пятилетнего, но Фрэнк, который пользовался в семье достаточным авторитетом, встал на мою сторону, и змеи прожили у нас несколько недель, пока о них не узнал хозяин дома.

Змеи эти были лишь первыми экземплярами в непрерывной веренице животных, в мехах, перьях или снабженных плавниками, которых я навязывал своим родителям. Только благодаря своей бесконечной доверчивости родителям удавалось как-то мириться с большинством моих гостей в нашем доме. Родители не пытались бороться с моей склонностью к практической зоологии. Мама, я думаю, надеялась, что из меня вырастет второй Торо (*33), а может быть, она просто предпочитала, чтоб я сразу объявлял о своих любимцах, а не скрывал их до неприятного и неизбежного момента, когда их обнаружат.

Однако такие моменты все-таки имели место. Было время, когда я держал в книжном шкафу гремучих змей, — но этот эпизод закончился достаточно безобидно. Затем как-то, когда мне было шесть лет, я гостил неделю у бабушки со стороны папы. Однажды днем я отправился с другим мальчиком ловить рыбу, и мы поймали с полдюжины сомиков, или полосатых зубаток, как некоторые их называют. Я принес рыбок домой, чтобы иметь возможность пожить с ними рядом.

Бабушка Моуэт, чрезвычайно высокомерная, вызывающая почтительный трепет пожилая дама, была не склонна прощать детские проделки. Я поместил сомиков в таз для умывания без всякого намерения над кем-нибудь подшутить. У меня просто не было выбора, так как в доме не имелось лоханок для стирки, а спускное отверстие

в ванне затыкалось настолько неплотно, что, принимая ванну, приходилось держать кран открытым.

Когда сомиков обнаружили, я не врал, а признался во всем и со слезами раскаялся: без раскаяния было не обойтись. Бабушка открыла мое преступление сама, поздно вечером, все остальные домочадцы уже крепко спали.

Она помирилась со мной, так как у нее было чувствительное сердце, но я сомневаюсь, чтобы она когда-либо полностью простила моих родителей.

Все годы до переезда в Саскатун в наших арендованных домиках и квартирах проживали не только мы трое, но и великое множество зверей. В Трентоне у меня была черепаха Блэн-динга — редкая сухопутная черепаха, которой я очень гордился: однажды она показала свое превосходство над всеми другими черепахами тем, что заговорила. Поверьте мне, она заговорила, — правда, только один раз и при необычных обстоятельствах. Тем не менее она действительно заговорила.

У нас в гостях были друзья моих родителей. Они благосклонно попросили меня показать им мою черепаху. Я с гордостью вытащил ее из ящика с песком, где она обычно жила, и пустил на обеденный стол. Мне стало досадно, когда черепаха отказалась высунуть из панциря хотя бы лапу. В раздражении я стал тыкать ее карандашом.

Черепаха медленно высунула голову, ее морщинистая мордочка грустно уставилась на нас, и затем необычайно ясно, но невообразимо унылым тоном она произнесла единственное слово.

— Йок! — сказала она отчетливо и затем без дальнейших объяснений снесла на стол яйцо.

Я держал этот кожистый объект, похожий на конфету "горошек" с начинкой из желе, на печке целых семь месяцев, но из него ничего не вылупилось. Полагаю, что моя черепаха была девственницей.

Вскоре после этого мы покинули Трентон и переехали в Уиндзор. До национального парка Пойнт-Пели было только тридцать миль, и мы, бывало, уезжали туда на уик-энд, так что я мог вести исследования по естествознанию на природе. Однажды я выследил на высокой сосне нечто напоминавшее воронье гнездо и взобрался туда, чтобы рассмотреть его. Оказалось, что это гнездо черной белки с тремя детенышами. Естественно, я принес одного из них домой за пазухой, под рубашкой. Без всякого злого умысла я нарушил наставление дедушки Фрэнка, и следующие несколько дней я жил, постоянно облепленный мухами.

Маленькая белка легко свыклась с неволей. Мы назвали бельчонка Джиттерс, и папа сколотил для него клетку, которую повесили в кухне над раковиной. В клетке сделали дверцу, ее зверек мог сам открывать и закрывать, и он носился по всему дому, а позднее и по соседним участкам. Джиттерс оказался прелестным маленьким существом, и его любимой забавой был бокс. Он зачастую сидел на спинке стула и боксировал с нами, ударяя передними лапками по нашим указательным пальцам.

Джиттерсу нравились люди, а вот кошек он ненавидел и вел против них беспощадную войну. Наша собственная кошка, которую звали Мисс Стелла (в честь тогдашней хозяйки дома), стала неизлечимой неврастеничкой в результате мучений, причиненных ей белкой, и в конце концов навсегда покинула наш дом. Кошки соседей тоже жестоко страдали от бельчонка.

Джиттерсу доставляло удовольствие разыскать ничего не подозревающую кошку, греющуюся на солнышке под деревом или у стены дома, бесшумно вскарабкаться высоко над своей жертвой и затем броситься вниз, подобно ястребу-перепелятнику. Поскольку эти прыжки подчас совершались с высоты в двадцать или тридцать футов, то удар оказывался настолько сильным, что у бедной кошки перехватывало дыхание. К тому моменту, когда она приходила в себя, Джиттерс успевал занять выгодную позицию и принимался оттуда дразнить своего врага.

Джиттерс прожил у нас около года, и в конце концов именно пристрастие к преследованию кошек погубило его. Он погиб ужасно. Однажды днем он прыгнул с высоты третьего этажа и приземлился на то, что считал спящей кошкой, а на самом

деле на мех лисицы, разложенный для проветривания на бетонной балюстраде, и разбился о камень.

К тому времени, когда мы переехали в Саскатун, родители уже примирились с моим интересом к естествознанию, но однажды ночью, вскоре после прибытия в этот город, даже они перепугались.

В тот день мама устроила званый обед для нескольких соседей, с которыми мы недавно познакомилась. Когда обед был готов, она позвала меня, и я по черной лестнице спустился к гостям немножко рассеянный, так как мои мысли были полны неким важным открытием.

Незадолго до того я начал заниматься анатомированием и в тот день нашел мертвого гофера, который оказался идеальным объектом для эксперимента. Когда мама меня позвала, я как раз закончил подготовительную работу. Я извлек большую часть внутренних органов и положил их в тазик с раствором формальдегида. Задача опознания всех органов очень меня интересовала, и я был настолько поглощен этим, что принес тазик с собой к обеденному столу.

Это был обед при свечах, и никто не заметил моего тазика до того, как съели суп. Покончив с супом раньше всех, я решил заполнить перерыв дальнейшим исследованием и так погрузился в это занятие, что не обратил внимание на то, как разговоры за столом постепенно замерли, пока меня не вернул к действительности голос папы.

— Фарли, что там у тебя, в конце концов?— спросил он резко.

Я охотно ответил, так как именно в этот момент сделал серьезное открытие и горел желанием поделиться им.

— Папа, — закричал я, — ты никогда не угадаешь! У меня тут внутренности гофера. Это самка, а она была беременна!

В тот вечер среди гостей был некто Гектор Мак-Криммон. Он не только переварил это происшествие, но стал одним из наших лучших друзей. Тридцать лет холостяцкой жизни в Канаде, после того как он покинул Кейтнесс в Северной Шотландии, не изменили ни его акцента, ни его религиозных представлений о том, что подобает и чего не подобает человеку. Двадцать лет его жилищем была комната в одном из отелей Саскатуна, и если когда-либо какой-нибудь человек намертво срастался с привычным образом жизни, то этим человеком безусловно был Гектор.

Тем не менее мы настояли на том, чтобы Гектор провел с нами на лоне природы свой уик-энд, когда на летние месяцы мы переместили наш жилой автоприцеп за город к резиденции клуба "Саскатун Кантри Клуб".

Он бы сразу же отклонил это приглашение, если б мог не обидеть нас отказом. Он так не любил жить вне своего дома. Жизнь в отеле, может быть, была скучной и уединенной, но протекала в комфорте, а Гектор принадлежал к любителям комфорта. Он уклонялся от уикэнда за городом остроумно и упорно, но ему не удалось справиться с нами, и в середине августа он оказался обреченным на трехдневный визит. По-видимому, он прибыл с чувством христианского смирения, так как мало верил пылким заверениям папы, что мы купаемся в роскоши.

Мы разбили лагерь на берегу реки в густой тополевой рощице. Прицеп стоял на маленькой поляне. Перед ним находилась кухня под открытым небом, а в некотором отдалении позади, ближе к деревьям, стояла палатка-зонт — мой уголок, где я жил и спал. Родители решили, что Гектор займет мою свободную койку в прицепе, но когда Гектор узнал об этом, то пришел в ужас.

— Я не согласен! — бурно протестовал он. — Почему вы заставляете меня спать в одном помещении с мужем и женой? Постыдитесь! Послушай, Ангус, раз у вас нет места, где бы я мог приклонить голову, то я вернусь ночевать в Саскатун.

Не знаю, какую часть этого взрыва действительно следовало приписать его религиозной щепетильности, какую — хитрой попытке в последнюю минуту избежать пребывания на лоне природы. Но если он надеялся сбежать, то его затея была обречена на провал.

— Ерунда, — ответил папа сердечно. — Ты можешь спать на свободной раскладушке в палатке Фарли. Так будет достаточно благоприятно даже для такого закоренелого пуританина (*34), как ты, но, — здесь в папином голосе проскользнули нотки неуверенности, — там может быть не так спокойно, как в прицепе.

— Гектор понимал, что потерпел поражение, но ему хотелось, чтобы последнее слово было за ним.

— Спокойно! — проговорил он мрачно. — Мне будет спокойно, когда я окажусь дома. Слова были пророческими.

После ужина старшие остались у костра, попивая горячий пунш и отбиваясь от москитов. Я сразу отправился в палатку, так как у меня было много дел.

В то лето я энергично следовал советам двоюродного дедушки Фрэнка, и в результате палатка стала чем-то большим, чем просто спальней. Она превратилась в место, где я мог жить действительно в тесном общении с природой, так как я делил это жилище с дюжиной бурундуков, полуручной ушастой совой, тремя лесными пушистохвостыми гоферами, маленькой лаской и с чертовой дюжиной ужей. У каждого вида было отдельное помещение. Змеи жили в картонной коробке под моей кроватью, ласка — в большой консервной банке; бурундуки — в ящике из-под апельсинов, обтянутом марлевой сеткой от мух; лесные гоферы — в деревянной кадке; а сова могла свободно перемещаться на всю длину бечевки, привязанной к шести палатки. Самодельные клетки были не совсем такими, как хотелось бы, и каждый раз, входя в палатку, я предвидел, что кто-нибудь из моих товарищей окажется на воле. Однако именно в этот вечер после обеда папа отозвал меня в сторонку и серьезно предупредил, что этой ночью не должно быть никаких побегов.

Проверив надежность всех жилищ, я улегся спать. Я проснулся несколько часов спустя, когда в палатку вошел Гектор. Он разделся в темноте, считая, очевидно, что раздеваться при свете электрического фонарика было бы неприлично.

Следом за ним в палатку влетело несколько москитов, и, хотя меня они не беспокоили, так как я укрылся с головой, Гектору от них досталось. Он долго ворчал, ворочался и хлопал москитов. Где-то далеко за полночь меня разбудил удар грома над самой головой. Одновременно с этим треском, от которого задрожала земля, шевельнулся дверной полог, и к нам ворвался Матт. Он панически боялся грозы и, когда она разразилась, покинул свое обычное место под прицепом и прибежал ко мне в поисках защиты и утешения.

При вспышке молнии мне удалось на фоне хлопающей парусины разглядеть силуэт Гектора. Он сидел на постели и, вытянув длинную ногу, подобно копыю масаев (*35), указывал ею на что-то между двумя кроватями.

— Эй! — крикнул он. — Что это было?

— Ничего, мистер Мак-Криммон, — ответил я. — Только Матт. Прибежал спрятаться от дождя.

— Черт побери этого Матта! — завопил Гектор. — Это сам дьявол!

В этот момент Матт, который заполз под мою раскладушку, конвульсивно подпрыгнул, чуть не перевернув кровать. Быстрые мелкие шажки по моему одеялу сообщили мне, что бурундуки уже на свободе. Гектор же махал руками, дрыгал ногами и так сотрясал стенки палатки, что я боялся, как бы она не рухнула.

— Все в порядке, это только бурундуки! — пытался я успокоить его.

Он не удостоил меня ответом, нашел фонарик, и внезапно желтый луч света залил палатку. Я сразу понял, что ошибся. Его побеспокоили не Матт и не бурундуки. Это была моя сова, которая в воинственном настроении устроилась у Гектора на подушке, держа в когтях еще трепещущее тельце лесного гофера. Во взгляде совы было что-то такое, что не сулило ничего хорошего тому, кто попытается отнять у нее законную добычу.

Гектор не собирался вмешиваться. Одним поразительно проворным движением он метнулся на другой конец кровати. На миг он сжался в комок, не зная, что же делать дальше, а затем решился и спустил ноги на пол палатки.

Пол был затянут парусиной, но она была не новая и пропускала воду. Через нее уже просочилось вполне достаточное количество дождевой воды, чтобы размочить дно картонной коробки со змеями. Змеи были, вероятно, встревожены не менее чем мы, и, когда Гектор наступил на одну из них, бедное животное конвульсивно обвилось вокруг его лодыжки.

Голосовая реакция Гектора на этот новый раздражитель была настолько пронзительной, что разбудила моих родителей в прицепе. Сквозь шум ливня и раскаты грома донесся голос папы. Он кричал:

— Проснись! Просни-ись, Гек-то-о-ор! Тебе снится страшный сон!

И как несколько недель спустя Гектор признался нашему общему другу в гостинице Альберт-отель, "это было не очень далеко от истины. Вы понимаете, что я имею в виду!"

Та ушастая сова оказалась первой из моих сов. За ней последовало еще много других, но самыми памятными были большие ушастые совы, которые вошли в нашу семью в следующем году.

Учитель биологии в моей школе был страстным фотографом-натуралистом, и у него была сокровенная мечта: сделать серию снимков большой ушастой совы. Он поручил мне разыскать ее гнездо. Это задание пришлось мне по душе, и, когда следующей весной растаял снег, я начал поиски вместе с Брусом Биллингсом, мальчиком моего возраста и тоже влюбленным во всякую живность.

В конце каждой недели Брус и я укладывали наши ранцы-рюкзаки и шагали по тополевым рощам в поисках сов. Вечером мы сооружали из веток шалаш, разводили костер: готовили ужин — яичницу с грудинкой и чай. Когда темнело, мы ложились на молодую траву и слушали песни прерий. Издалека доносилось тявканье койота, на которое эхом откликались другие, и эти звуки постепенно замирали вдали. С озерков несло кваканье лягушек, а ветер приносил пронзительные голоса куликов, совершающих ночной перелет. Иногда слышались трубные крики канадских журавлей, пролетавших так высоко над нами, что на фоне диска луны они казались не крупнее мошек.

Но вообще-то наши уши были настроены на волну других голосов. Мы прислушивались, не раздастся ли хрипкое "ху-ху-ху-у" большой ушастой совы, и, когда наконец одна из них подавала голос, мы клали на землю ветки, отмечая направление звука.

С первыми проблесками рассвета мы просыпались мокрые от росы и жаждали согреться у костра. Позавтракав, мы втроем шли по направлению, которое указывали нам прутики, причем Матт мчался вперед, словно разведчик, а мы начинали обследовать в указанном направлении каждую тополевою рощицу.

Поиски всегда бывали долгими, но скучными — никогда. Каждая рощица имела своих обитателей, и если это были не те, кого мы искали, то и сами по себе они были очаровательны. По краям рощиц на нас бесстрашно цокали лесные гоферы, так как они, по-видимому, чувствуют расположение к человеку и не бегут от него, как это делают на равнинах их собратья шафрановой окраски. В пределах каждой рощи мы обычно находили хотя бы одно крупное гнездо, расположенное высоко на тополе. Часто это было жилище ворон, и пронзительная

брань его обитателей долго сопровождала нас. Иногда виднелось огромное, с крышей, гнездо парочки сорок. Порой оказывалось, что брошенное воронье гнездо занято ушастыми совками. Их озорные, похожие на кошачьи головки нервно следили за нами, когда мы проходили мимо. Иногда гнездо бывало занято ястребом-тетеревятником, самым нарядным из семейства соколиных, или парой болынекрылых ястребов, канюков Свенсона, или краснохвостых канюков.

На лужайках между рощами прямо из-под наших ног из короткой молодой травы взлетали луговые жаворонки и вечерние воробьи. Их гнездышки оставались скрытыми до тех пор, пока их не обнаруживал фыркающий нос Матта. Матт никогда не разорял птичьих гнезд. Он только отыскивал их для нас, а затем стоял рядом, в то время как мы шарили и заглядывали внутрь, а иногда брали одно из яиц.

Самый волнующий момент наступал, когда мы наконец останавливались под большим неряшливым гнездом на высоком тополе и, всмотревшись, убеждались, что нашли жилище наикрупнейшей из сов. Волнение от этой редкой удачи можно, пожалуй, сравнить только с чувством человека, залезающего на дерево к гнезду огромной птицы, когда из осторожности прикрываешь глаза, но время от времени вынужден украдкой взглядывать на грозного стража. Только один раз, защищаясь, сова действительно ударила меня, хотя и в тот раз удар был скользкий, легкий (возможно, птица просто не рассчитала). Но стремительное пикирование птицы, которая отвернула в сторону, пролетев мимо моей головы на расстоянии не больше ширины ладони, размах крыльев в пять футов — все это было мне, мальчишке, так же страшно, как страшно нападение льва взрослому мужчине.

Обнаружив гнездо и убедившись, что оно обитаемо, мы сообщали эту новость нашему другу-учителю и в последующие дни помогали ему сооружать засидку. Эти засидки представляли собой ненадежные сооружения из веток и парусины, привязанные и приколотенные гвоздями на макушках соседних с гнездом деревьев. Редко когда совы дружелюбно принимали появление соседей. Однажды сова атаковала переднюю стенку только что построенного укрытия и своими дюймовыми когтями в клочья разорвала прочную парусину. Но постепенно укрытие становилось частью пейзажа, и птицы больше не обращали внимания ни на наше "гнездо", ни на сидящих в нем. Долгие, жаркие часы я просиживал, укрывшись от сов и наблюдая их жизнь. Я редко пользовался фотоаппаратом, который все же брал с собой, так как был слишком очарован самими птицами. Сперва казалось, что эти желтоглазые и дикие птицы — жестокие животные, вымазанные кровью добычи, принесенной ими в свое гнездо. Но со временем я начал видеть их по-другому — как живых существ, аппетит, страхи, а возможно, и радости которых не очень-то отличались от моих ощущений.

Они нравились мне все больше и больше.

Когда пришло время покинуть последнее из трех гнезд, которые мы фотографировали той весной, я решил, что еще не пора закончить наше знакомство с этими интересными птицами, сунул одного совенка в рюкзак и отнес домой.

Совенок еще не умел летать, это был только что оперившийся птенец. Тем не менее он имел достойную осанку, и мы решили назвать его Уол — именем глубокомысленного и вечно создающего путаницу старого приятеля всем известного Кристофера Робина (*36).

Позднее тем же летом я наткнулся на еще одну молодую ушастую сову. Я нашел узницу в бочке из-под масла, куда ее засунула компания ребят, собиравшаяся разрезать сову на кусочки. Испачканная и истощенная, птица представляла собой жалкое и даже отвратительное зрелище, когда я впервые ее увидел. Мне пришлось расстаться с моим замечательным охотничьим ножом, и я оказался владельцем второй совы.

Мы назвали его Уипс — Плакса, так как он так и не поднялся выше жизненного опыта, приобретенного в бочке, и все время нашего знакомства не переставал стенать.

Уипс и Уол вели себя настолько по-разному,

насколько это возможно для двух индивидумов одной породы. Уол был существом самонадеянным, властным, уверенным в своем превосходстве. Уипс же был пуглив, склонен к уединению и убежден в том, что все против него. Птицы отличались и внешне, так как Уол принадлежал к полярному подвиду и его юношеский плюмаж был почти чисто-белым, лишь слегка тронутым черными крапинками. Уипс же был желто-черно-коричневый, а перья его всегда выглядели потертыми и потрепанными на концах.

Эта пара принадлежала к числу самых удивительных живых существ, которых я когда-либо знал. Они доставили мне много радостей, но превратили жизнь Матта в сущий ад.

Совы под ногами

Когда совята поселились в нашем семействе, им было менее чем по шесть недель, но они уже обещали стать крупными птицами. Мои родители никогда не видели взрослой большой ушастой совы и не имели ни малейшего представления о том, насколько величественными они станут со временем, а я об этом тактично умолчал. Тем не менее мама не утвердила мой план держать двух самых новых и самых юных членов нашей семьи в моей спальне, хотя я предупредил ее, что птицы могут пропасть и в случае если их будут держать вне дома, над ними нависнет угроза нападения со стороны собак и кошек.

Мама задумчиво посмотрела на когти, которые поджимали бедные, недавно оперившиеся птенчики — когти уже длиной в три четверти дюйма, — и высказала свое решительное убеждение в том, что при ссоре с этими совами кошкам и собакам придется несладко. А что касается роковой возможности этим малюткам пропасть — мама всегда была неисправимой оптимисткой.

В конце концов, как всегда, папа уладил проблему размещения сов: он помог мне построить на заднем дворе большой вольер с проволочной сеткой. Этим вольером пользовались только несколько месяцев, так как скоро он стал ненужным.

Прежде всего, совы не собирались удирать из своего нового дома.

Каждый день я выносил их порезвиться на газон, и они не пытались улетать в родные места.

Их явно не прельщала необеспеченность вольной жизни. Раз или два я случайно оставлял птенцов на дворе одних, и, решив, что их бросили, совы решительно и самостоятельно входили в дом. Сетки на дверях не были для них преградой, так как медная сетка просто словно папиросная бумага расплзлась от цепкого прикосновения их могучих когтей. Сквозь прорванную сетку обе совы вваливались на кухню, тяжело дыша, с укором поглядывая через плечо на широкий внешний мир, где ждала их нежеланная свобода.

Естественно, что клетка на заднем дворе стала не столько средством удержать сов с нами, как средством удержать их на некотором расстоянии от нас.

Мои два птенчика были такие разные. Уол, главенствующий в этой парочке, невозмутимо самонадеянный материалист, не сомневался в том, что никто в целом мире ему не страшен. Уипса же, нервную, непоследовательную в поступках птицу с неустойчивыми настроениями, мучили смутные страхи. Уипс был настоящий неврастеник, и, хотя его собрат научился правильному поведению в доме за несколько недель, с Уипсом никогда нельзя было быть уверенным в сохранности и чистоте мебели и ковров.

Когда им было три месяца и они почти достигли размеров взрослых птиц (хотя ключья детского пуха все еще висели на их перьях), Уол подтвердил первоначальное мнение мамы относительно его способности обороняться. В возрасте трех месяцев в нем было около двух футов роста, а размах крыльев приближался к четырем футам. Когти, острые как иглы, отросли длиной в дюйм и в сочетании с крючковатым клювом служили Уолу грозным оружием.

Как-то летним вечером он был раздражен ссорой, случившейся у него с Маттом. Когда стемнело, наш Уол отказался спуститься с высокой ветки тополя, чтобы отправиться спать в надежную безопасность клетки. Мы никак не могли уговорить его спуститься и в конце концов оставили на дереве, а сами легли спать.

Зная кое-что о жестокости охотящихся ночью кошек Саскатуна, я беспокоился за него и спал, чутко прислушиваясь одним ухом к тому, что творится снаружи.

Начинало светать, когда я уловил приглушенные звуки возни на заднем дворе. Я выпрыгнул из постели, схватил ружье и выскочил на улицу через парадную дверь.

К моему ужасу, Уола не было видно. Тополя стояли пустые. Предполагая худшее, скользя по росистой траве босыми ногами, я помчался за угол.

Уол неподвижно сидел, сгорбившись на ступеньках крыльца черного хода, выражая всей своей осанкой сонное удовлетворение. Картина едва ли могла быть более

мирной.

Только когда я приблизился вплотную и начал выговаривать ему за тот риск, которому он подверг себя, я увидел кошку.

Уол сидел на ней. Его перья были распушены, как это бывает у спящих птиц, так что от кошки видны были только голова и хвост. Тем не менее этого было достаточно, чтобы понять, что кошке уже ничем нельзя помочь.

Уол протестовал, когда я отдираю его от несчастной жертвы.

Он наслаждался теплом своей подставки для ног. Так как кот сдох всего лишь несколько мгновений тому назад. Я поспешил отнести останки к ограде сада и там быстро закопал их, так как узнал в них большого рыжего кота, жившего на той же улице через два дома от нас. Его хозяин, крупный мужчина с громким и резким голосом, недолюбливал мальчишек.

Рыжий кот был первым, но не последним из семейства кошачьих, кто ошибался относительно возможностей Уола. Со временем тайное кладбище в дальнем конце сада переполнилось останками кошек, которые принимали Уола за какую-то разновидность курицы, а следовательно — за вполне доступное мясо.

Собаки тоже не представляли собой проблемы для моих сов. Довольно неохотно, поскольку он явно завидовал пернатой парочке, Мэтт стал защищать их от других представителей своего племени. Несколько раз он спасал Уипса от зубастой пасти, а Уолу его защита и вовсе не требовалась. Как-то под вечер одна немецкая овчарка, самая самоуверенная из всех задир — она жила недалеко от нашего дома, — обнаружила Уола на земле и бросилась к нему с кровожадными намерениями. Это была удивительно односторонняя битва.

Уол потерял пригоршню перьев, а собаке потребовался ветеринар, и много недель после этого пес переходил на другую сторону улицы, чтобы не пройти слишком близко от нашего дома — и от Уола.

Несмотря на его грозные бойцовые качества, Уол редко бывал нападающим. Другие животные, которые, подобно человеку, развили в себе противоестественную кровожадность, сопутствующую цивилизации, нашли бы сдержанность Уола совершенно непостижимой, так как он пользовался своим могучим оружием только для самозащиты или для того, чтобы наполнить свой желудок, но никогда не нападал ради удовольствия убить. За его сдержанностью не стояла никакая моральная или этическая философия — один только неоспоримый факт: убийство ради убийства не доставляло ему никакой радости. Однако возможно, что, если бы он и его потомки прожили достаточно долго в человеческом обществе, они стали бы такими же кровожадными и такими же жестокими, какими мы считаем всех других плотоядных, кроме нас.

Кормление сов не составляло проблемы. Уипс ел все, что клали перед ним, очевидно согласно своему убеждению, что каждая его еда — последняя. Будущее всегда рисовалось ему в мрачных тонах — такая уж у него была пессимистическая натура. Уол же, наоборот, был более требовательным. Яйца вкрутую, бифштекс по-гамбургски, холодный ростбиф и домашнее печенье с инжиром были его любимой пищей.

Иногда этот оптимист снисходил до того, чтобы растерзать и съесть гофера, пойманного силком соседского мальчишки где-нибудь в прерии за городом; вообще же он не находил удовольствия в поедании диких животных — за одним примечательным исключением.

Ученые, которым все положено знать лучше других, говорят, что скунс не имеет естественных врагов. Это одно из тех недоказанных утверждений, которые создают ученым дурную репутацию.

Скунсы имеют в природе одного врага, прожорливого и непримиримого, — большую ушастую сову.

Едва ли можно найти пример такой упорной наследственной вражды между животными, как вражда между большими ушастыми совами и скунсами. Вражда эта продолжается уже целую вечность.

Я не знаю, с чего она началась, но знаю достаточно много о том упорстве, с которым она все еще ведется.

Самая слабая струйка запаха сунса, принесенная поздним вечерним бризом, превращала обычно спокойного и кроткого Уола в крылатую фурию. К несчастью, наш дом стоял на берегу реки Саскачеван, а по берегу тянулась полоса подлеска, которая создавала идеальную дорожку для фланирующих сунсов. Нередко какой-нибудь сунс-индивидуалист покидал берег реки и бесстрашно совершал свою прогулку по тротуару перед самым нашим домом.

Впервые это случилось в конце лета в первый год жизни Уола. Сунс, уверенный в своей неуязвимости и щеголеватый, как все представители его рода, ступил на тротуар, как раз когда стало смеркаться. Дети, игравшие под тополями, убежали от приближающейся опасности — ужасающей, долго сохраняющейся вони, так же поступила и пожилая женщина, которая гуляла со своим китайским мопсом.

Напыжившись от необоснованного самодовольства, сунс продолжал прогулку, пока не оказался под ветвями дерева перед домом Моуэтов.

Наши окна были открыты, и мы как раз кончали обедать. Дул очень слабый бриз, но как раз в этот момент его дуновение принесло в столовую первое предупреждение — резкий запах сунса. Уол приготовился к выходу на сцену.

Он влетел через открытое окно, плавно снизился и уселся на пол, а у моих ног оказался сунс, по телу которого пробежали предсмертные судороги.

Ху-у-ху-у-ху-у-ху-у-ху-у — сказал Уол гордо, что в переводе на человеческий язык, должно быть, означало: "Вы не возражаете, если я присоединюсь к вашей трапезе? Я принес собственную еду".

Совы не отличаются чувством юмора, и Уол, возможно, не составлял исключения, но он во всяком случае обладал почти сатанинским пристрастием к шуткам, жертвой которых обычно становился бедный Матт. Он крал у Матта кости и прятал их в развилке ствола дерева достаточно высоко от земли, чтобы Матт не мог до них добраться. Иногда он присоединялся к Матту во время обеда, с помощью всяких ухищрений заставлял голодную и несчастную собаку отойти от миски и удерживал пса в отдалении, пока эта игра не надоедала ему. На самом же деле Уол никогда не ел пищу, приготовленную для Матта. Это было бы ниже его достоинства.

Однако его любимой шуткой было цапать Матта за хвост.

В палящий и томительный послеполуденный летний зной Матт обычно старался подремать в небольшой норе. Он выкопал ее себе под изгородью палисадника нашего дома. Однако прежде чем забраться в это убежище, пес тщательно обследовал все вокруг, пока не обнаруживал Уола и не убеждался в том, что сова либо спит, либо хотя бы сидит в глубоком раздумье.

Лишь тогда Матт отправлялся в свое место отдыха и решался закрыть глаза.

Несмотря на сотни горьких доказательств этой истины, Матт так и не понял, что Уол фактически не спит. Иногда веки действительно прикрывали большие желтые глаза совы, и казалось, что птица, как изваяние, действительно ничего не чувствует, однако, пребывая во сне, сова сохраняла точное представление обо всем происходящем вокруг. Зрение птицы было феноменально острым и полностью опровергало старую, весьма распространенную теорию, что при дневном свете совы ничего не видят. Не раз я наблюдал, как он стряхивал с себя то ли глубокий транс, то ли дрему и, повернув голову набок, бросал зоркий взгляд в знойное полуденное небо, сидя на своем насесте сгорбившись, но в полной боевой готовности. Следуя направлению его пристального взгляда, мне редко удавалось обнаружить невооруженным глазом что-нибудь угрожающее в белесом небе; но когда я приносил бинокль, то с помощью прибора находил парящего ястреба или орла так высоко над нами, что даже в бинокль он был не крупнее пылинки.

Что ни говори, но тщательная разведка, которую Матт производил, прежде чем улечься в своем убежище, бывала обычно бесполезной и даже более того: просто подсказывала Уолу, что намеченная им жертва вскоре будет уязвимой.

Как вы понимаете, Уол отличался большим терпением.

Иногда он выжидал целые полчаса, после того как Матт удалялся отдохнуть, прежде чем начать подкрадываться. Он именно подкрадывался к Матту, а не подлетал, казалось сознательно отказываясь от тех преимуществ, которые дает ему способность летать.

Бесконечно медленно, с серьезной торжественностью присутствующего на похоронах, он дюйм за дюймом пересекал лужайку.

Если Матт шевелился во сне, Уол застывал и не двигался по нескольку минут, устремив пристальный, немигающий взор на свою конечную цель - длинный шелковистый хвост Матта.

Иногда для того чтобы добраться до цели, ему требовался целый час. Но наконец он приближался на нужное расстояние и тогда с задумчивой медлительностью поднимал одну лапу и держал ее прямо над гордым плюмажем Матта, как будто для того, чтобы продлить наслаждение. Затем внезапно растопыренные когти опускались и смыкались...

Матт с визгом просыпался. Вскочив на ноги, он начинал носиться, готовый наказать своего мучителя, и не находил его нигде. Только с ветки тополя высоко над головой Матта доносилось громкое оскорбительное "ху-у-ху-у-ху-у-ху-у", которое, по-моему, выражает у совы что-то близкое к смеху.

Любое животное, принятое в члены нашей многочисленной семьи, неизбежно вскоре переставало считать себя существом, не похожим на человека; так было и с красавцем Уолом. Очень рано он заметил, что мы либо не можем, либо не желаем летать, и тактично принял наземный образ жизни, к которому, увы, был недостаточно приспособлен.

Когда я ходил в маленький угловой магазин через три дома от нас, Уол обычно сопровождал меня пешком. Люди, которые не знали его (а таких в Саскатуне было немного), застывали от удивления, увидев его во время такой прогулки: Уол двигался тяжелой, раскачивающейся походкой закоренелого алкоголика. К тому же он никому не уступал дороги. Если прохожий, шедший вверх по улице, встречал Уола, идущего вниз по улице, то прохожий либо уступал дорогу, либо происходило столкновение.

Эти столкновения были не очень-то безобидными.

В моей памяти еще жив случай, когда летним утром новый почтальон, погруженный в изучение незнакомых адресов, значащихся на целой пачке писем, налетел на Уола. Человек был настолько занят своими собственными проблемами, что даже не глянул вниз на препятствие, появившееся на его пути, а инстинктивно попытался оттолкнуть его в сторону ног. Для Уола это было равносильно нападению. Он призвал все свое чувство собственного достоинства, которое было у него непомерным, пронзительно зашипел и своими мощными крыльями ударил обидчика по голени (не очень-то мягкая форма расплаты). Прозвучал громкий удар. От внезапной боли почтальон взвыл, посмотрел под ноги, заорал еще громче, на этот раз на высокой пронзительной ноте, и пустился бежать вон из нашего района.

Мне пришлось собирать рассыпавшиеся письма и догонять его с соответствующими извинениями.

Когда осенью начались занятия в школе, я хлебнул с моими совами немало горя, особенно с Уолом. Моя школа находилась на противоположном берегу реки, в добрых трех милях от дома, и я попадал туда на велосипеде через мост с Двадцать пятой стрит.

Когда в сентябре я начал ходить на занятия, совы возмутились, так как их, моих постоянных товарищей в течение всего лета, теперь оставляли одних. Они неохотно приняли этот новый распорядок дня, и в течение первой недели семестра я опаздывал в школу три раза подряд, так как мне приходилось доставлять мою упрямую пару "преследователей" назад домой.

На четвертое утро я пришел в отчаяние и попытался запереть их в большом вольере на улице: им они уже давно перестали пользоваться. От такого обращения Уол пришел в бешенство и со злости когтями вцепился в сетку. Я поспешно удалился, но еще не доехал до середины моста, как какой-то пешеход в ужасе вскрикнул,

взвизгнули тормоза автомобиля, и я понял, что случилось что-то из ряда вон выходящее. Я едва успел сам нажать на тормоза, как на меня сильно дунуло, раздалось гортанное и победное "ху-у-ху-у" и две пары когтей прочно вцепились в мое плечо. Утомленный таким непривычным занятием, как полет, Уол тяжело дышал, но торжествовал.

Было уже слишком поздно, чтобы везти его назад, поэтому я покорно продолжил свой путь в школу.

Я оставил его на дворе сидящим на руле моего велосипеда, ненадежно привязанным к машине шпагатом.

В то утро третьим уроком был французский язык.

Учительница, иссохшее существо женского пола, которая, возможно, считала своей духовной родиной Париж, но на самом деле никогда не бывала нигде дальше Виннипега, всегда вела себя как-то неестественно, страдала отсутствием чувства юмора и к тому же была порядочным тираном. Никто из нас не любил ее.

Однако мне действительно стало жалко учительницу, когда однажды мы были поглощены спряжением неправильного глагола, а Уол задумчиво влетел в окно второго этажа и совсем некстати опустился на крышку ее кафедры. Воскликание, которым она приветствовала его, было безусловно англосаксонским, без малейшего намека на французский язык.

После этого происшествия у меня состоялось свидание с директором школы, но, так как он был человек разумный, я избежал физического наказания, заверив его в том, что моя сова в будущем будет оставаться дома.

Я достиг этого только ценой предоставления нашим совам свободы передвижения по всему дому. За десять минут до ухода в школу я приглашал Уипса и Уола на кухню, где им разрешалось доесть ошметки бекона, оставшиеся после нашего завтрака. Очевидно, Уол считал это вполне достаточной взяткой, так как больше не пытался сопровождать меня в школу.

А Уипс, Уипс всегда подчинялся Уолу и тоже больше не доставлял мне неприятностей.

Но маме было мало радости от этих половинчатых мер.

Хотя почти все жители Саскатуна знали о наших совах и привыкли к ним, в двух случаях Уол и Уипс все же невольно причинили некоторые неприятности представителям человеческого рода.

Один случай произошел в деревушке, расположенной в прерии севернее Саскатуна. Был август, и родители решили, что мы проведем уик-энд на озере Эмма-Лейк — курортном местечке значительно севернее нашего города.

Мы погрузили на борт Эрдли свое лагерное имущество, а также шестерых членов семьи — маму, папу, меня, Матта, обеих сов и отправились в путь.

Покатавшись на автомобиле во время предыдущих поездок, совы сумели добиться некоторых преимуществ по части мест для сидения. Их любимым насестом стала спинка заднего откидного сиденья, где птиц в полную силу обдувало встречным потоком воздуха. Это нравилось им, так как производило то же опьяняющее ощущение, которое испытывают все мальчишки, когда высовывают руку в окно автомобиля и ветер жмет на ладонь, как на крыло самолета. Мои совы использовали эту возможность полностью. Как только автомобиль начинал двигаться, они расправляли свои большие крылья, как при полете. Если они затем наклоняли ведущие кромки крыла вниз, поток воздуха заставлял их приседать. Но когда они разворачивали ведущие кромки вверх, их сразу отрывало от сиденья, и, только ухватившись за него когтями, они не взлетали, подобно воздушным змеям.

Для того чтобы обе совы могли одновременно приподниматься и приседать, не хватало места, поэтому они делали это попеременно. В то время как одна опускалась, другая приподнималась, — и все в ритмичной последовательности. Опьяненные потоком воздуха, они часто начинали петь, и мой папа, захваченный их настроением, обычно сопровождал их упоенным уханьем звуками сигнального рожка Эрдли.

Матт тоже ехал на откидном сиденье, и глаза у него были, как обычно, защищены от неизбежной пыли прерий мотоциклетными очками. Таким образом, в живописную картину, какую представлял собой Эрдли в пути, вписывалась виньетка из Матта, флегматично восседающего между двумя подвижными совами и смотрящего прямо перед собой в огромные очки с какой-то мрачной покорностью.

В то время я никогда не задумывался над тем впечатлением, какое эта картина, по-видимому, производила на возниц фургонов, мимо которых мы проезжали, и на обгонявших нас водителей автомобилей.

Но позднее некоторые покаянные размышления по этому поводу не раз приходили мне в голову.

В день, когда мы двинулись на север, небо было затянуто грозными тучами и мы не проехали и пятидесяти или шестидесяти миль, как по лобовому стеклу забарабанил мелкий дождичек. Этот дождичек скоро усилился, и мы остановились, чтобы поднять брезентовый верх над передним сиденьем. К тому времени, когда мы закрепили его, дождь перешел в ливень, и, когда мы снова тронулись в путь, естественно, что по находившимся на заднем сиденье путешественникам буря стала хлестать водяными струями. Матт благоразумно сжался в нише для откидного сиденья, где он был менее подвержен неистовству ветра и воды, но совы отказались покинуть свой насест, открытый разбушевавшейся стихии.

Казалось, что ливень доставляет им наслаждение, хотя перья их вскоре прилипли к телу, а пропитанные водой большие крылья бессильно повисли.

Особенно страдал от этого потопа Эрдли. Он начал кашлять и давать тревожные перебои, как раз когда мы въехали в одну из стандартных деревушек с двумя элеваторами, одним магазином и одним-единственным гаражом. Такие деревушки появляются на западных равнинах, подобно грибам поганкам после обильных дождей. Гараж в этой деревне представлял собой обшарпанную хибару из сборных щитов с одной старомодной бензоколонкой. В фасаде зиял черный проем входа, и, полагая, что он ведет в мастерскую, папа свернул и по вязкой грязи улицы Эрдли въехал внутрь этого строения.

Гараж был темный и мрачный. Высоко под стропилами тускло горела маленькая электрическая лампочка, при ее слабом рассеянном свете мы с трудом различили хаотический беспорядок из деталей от старого трактора и кучу разного другого ржавого лома, который почти целиком захламил это помещение. Так как хозяина было не видно, мы уже собирались вылезти из автомобиля и пойти искать его, когда мое внимание привлекло движение около правого заднего крыла Эрдли.

Там в полумраке сидел на корточках человек, по-видимому размышляя над старой автомобильной камерой. В руке он держал тяжелую монтировку и, казалось, не замечал нашего присутствия.

Мы призвали на помощь все свое терпение, дождались, когда он кончил возиться с камерой и начал очень медленно распрямлять спину, его голова наконец оказалась на одном уровне с нашими.

Примерно в трех футах от откидного сиденья появилось его лицо. Я вижу это лицо, как сейчас. Оно было синюшно-бледное, в глубоких морщинах, чем-то раздраженное и перемазанное смазкой, засохшей на щетине недельной давности.

Выражение ворчливой враждебности у него на лице начало меняться, когда взгляд его сосредоточился на нашем автомобиле с его удивительными пассажирами. Человек смертельно побледнел, а челюсть его начала двигаться, как у жвачного животного, хотя жевал он только пустой воздух.

Именно в этот момент Уол решил отряхнуться. Он широко раскрыл крылья, слегка подпрыгнул и забрызгал все вокруг себя. Отряхивание преобразило его, увеличив видимые размеры раза в три, так как от этих движений мокрые перья расправились. Перемена была разительной, а когда Уол завершил процедуру, громко щелкнув большим клювом, прикрыв свои желтые глаза пленками и выразив гортанным криком свое удовлетворение, — эффект оказался ошеломляющим.

Лицо хозяина гаража подтверждало это — он был потрясен.

Темп движения челюсти увеличился, а на лице отразился крайний испуг и безнадежная растерянность.

Возможно, Матту также вздумалось узнать, куда же мы попали, так как в этот самый момент он высунул свою голову в очках из-за борта автомобиля и близоруко уставился в глаза хозяина гаража.

Это было уже слишком. Старик глухо застонал, машинально швырнул монтировку через плечо и бросился бежать. Его не остановил грохот вдребезги разбитого стекла в единственном окне собственного гаража, да беглеца в тот момент уже и не было в гараже. Он мчался по грязной улице, воздевая к небу тощие руки и не обращая внимания на ветер и дождь, которые хлестали его по лицу.

— О боже! — кричал он. — О боже правый! Я никогда не делал этого, клянусь, не делал!

Эти восклицания шокировали маму. Она считала, что выкрикивать такое глупо и кощунственно. Но откуда ей было знать, что незнакомец имел в виду? Позднее я часто размышлял о том, какого рода тайное преступление совершил этот человек, ведь в заброшенной и жалкой маленькой деревушке, должно быть, было маловато поводов грешить.

Прошло больше года — Уол стал полноправным членом нашего семейства. И он снова посягнул на душевное равновесие человека. К этому времени он уже превратился в домашнюю сову и пользовался нашим домом на равных правах с нами. Было бесполезно не пускать его в дом: он знал, что стоит ему постучать своим крючковатым клювом по оконному стеклу, как мы поспешим впустить его, прежде чем он разобьет это стекло. В теплое время года мы даже пошли на то, чтобы одно из окон в гостиной всегда было открыто, и через этот портал он приходил и уходил — как ему заблагорассудится.

Летом второго года жизни Уола город Саскатун оживило прибытие молодого викария, который только что окончил духовную семинарию на Востоке. Это был молодой человек строгих правил. Первейшей обязанностью он счел нанести визит каждому члену своей церковной общины, о коей он был обязан заботиться.

Однажды теплым и ароматным летним днем он подошел к нашему дому. Новый викарий позвонил, и мама с удовольствием приветствовала красивого молодого человека. У него был высокий лоб, каким так часто украшает себя духовное лицо на театральной сцене, а волосы надо лбом черные, курчавые. Мама пригласила его в гостиную, побеседовать и выпить спокойно чашку чая.

Викарий осторожно уселся на нашем диване, вещи массивной и старинной, которая стояла перед камином спинкой к открытому окну. Окно находилось футы в шести позади дивана. Изящно держа в руке чашечку чая, молодой священник занимал маму разговором, который, к сожалению, в основном касался моего недостойного отсутствия в воскресной школе.

В послеполуденные часы Уол обычно принимал муравьию ванну. Это странное занятие, которому он иногда предавался, заключалось в том, что он разваливал муравейник и затем пропускал смесь из пыли и рассерженных муравьев сквозь свои перья. Сильное ощущение, но-видимому, доставляло ему наслаждение, хотя цель такой процедуры казалась нам непостижимой.

Птица закончила свое купание около четырех часов дня и, находясь в дружелюбном настроении, решила заявиться домой и сообщить обо всем маме.

По сей день мама клянется, что не успела вовремя заметить сову, чтобы предупредить о ней гостя. Я же думаю: она конечно увидела Уола, но оцепенела настолько, что не могла открыть рта.

Во взрослом возрасте Уол стал сентиментальной птицей, он имел привычку тихо опускаться кому-нибудь на плечо, балансировать на нем, нежно пощипывать ближайшее человеческое ухо своим большим клювом и при этом сильно, но ласково дышать очередному приятелю в лицо. Каждый, кто был знаком с Уолом, знал эту его привычку, и некоторые считали ее отвратительной, так как Уол считался плотоядным и от него ужасающе разило тухлым мясом.

Совы летают бесшумно, без предупреждающего шуршания крыльев. Появление Уола на подоконнике было таким же беззвучным, как полет комочка пуха семян чертополоха. Он на мгновение задержался в окне, а затем, высмотрев пару соблазнительных плеч на диване, перемахнул туда.

Объект его внимания свечой взвился в воздух и начал как безумный метаться по комнате. Это было со стороны разумного существа непродуманно, так как Уол потерял равновесие и чисто рефлекторно крепче сжал свои когти.

Тут викарий показал, что он не просто молодой человек атлетического сложения, но и голосом не обижен. Он голосил, а прыжки его стали просто безумными.

Уол, который дорожил своей жизнью и был чрезвычайно взволнован таким приемом, еще более усилил хватку, а потом — я понимаю, что это случилось с ним только от удивления и негодования, — он в первый и последний раз в своей сознательной жизни забыл, что приучен к чистоплотности в доме.

Я не припомню ни одной катастрофы среди многих, обрушившихся на наше семейство на протяжении долгих лет, которая вызвала бы такое смятение, как эта. Мама, опора нашей городской церкви, страдала больше нас всех, но ни папа, ни я не остались к ней равнодушными. Мне приходится надеяться, что служители церкви заметили, как щедро были наполнены конверты денежных пожертвований семейства Моуэтов в последующие воскресенья.

Я надеюсь также, что старосты церкви из элементарной порядочности возместили своему новому викарию расходы на химическую чистку.

Истории, рассказанные мною выше, про мою семью, про Уола и Уипса, освещают лишь острые моменты нашего общения. В целом же отношения были дружественными и приятными.

Даже моя мама, у которой было меньше, чем у кого-либо из нас, причин для мирного сосуществования, гордилась Уолом, и в те три года, которые он прожил с нами, прощала ему почти все. Хотя наши совы часто путались под ногами как в прямом, так и в переносном смысле, мы вряд ли добровольно согласились бы потерять их.

Но как это и суждено большинству диких существ, оторванных от привычной среды, конец у этих двух сов был трагичным. Когда в 1935 году мы окончательно покидали Запад, взять их с собой было невозможно. Нам пришлось договориться с одним знакомым, у которого была ферма милях в двухстах от Саскатуна. Он обещал заботиться о наших старых друзьях. О том, чтобы отпустить их на волю, у нас не могло быть и речи: на свободе они стали бы беспомощными, как новорожденные совыята.

В течение почти целого года мы получали добрые вести о наших птицах; но потом бедный неудачник Уипс как-то умудрился удушиться в проволочной сетке своей клетки. Всего несколько недель спустя Уол разорвал эту сетку и исчез.

Я был бы рад, если бы он исчез навсегда.

Покидая Запад, я пометил обеих сов алюминиевыми колечками, выданными Центром кольцевания США. Однажды я получил письмо из Центра с сообщением, что большая ушастая сова, окольцованная мною в Саскатуне весной 1935 года, убита выстрелом из ружья в том же городе в апреле 1939 года.

Был указан адрес человека, который убил сову и вернул колечко в Вашингтон. Это был адрес того дома, в котором мы в свое время жили с Уолом и Уипсом.

Так в конце концов Уол возвратился к родному дому, который был ему столь знаком и дорог.

Потребовалось почти три года, чтобы найти туда дорогу, по упрямец добился своего.

Я знаю, что он чувствовал, когда опустился на знакомый старый тополь, затем, довольный собой, слетел на подоконник и повелительно постучал в окно своим большим сильным клювом...

Надеюсь, что смерть наступила мгновенно.

Неприятности со скуссами

В наших местах почти каждая собака обычно сталкивается со скунсом. Одних собак этот опыт кое-чему учит. Самые сообразительные решают: в дальнейшем разумнее уступать скунсам, и даже дворняжки, которым все опасности нипочем, стараются после первой же встречи быть осмотрительнее.

Матт не был глуп. Беспомощным он тоже не был. Поэтому так трудно объяснить его неспособность понимать то, что общаться со скунсами не стоит. Как мне известно, только большая ушастая сова привыкла нападать на скунсов, но она почти лишена обоняния, обычно не живет в домах и, кроме того, ест скунсов, которых убивает. У Матта все было наоборот: он обладал тонким чутьем, обычно жил в доме с другими, более нежными, существами и терпеть не мог сырого мяса.

Нет никакого разумного объяснения безрассудно смелому отношению Матта к скунсам.

Дело в том, что с того времени, когда псу исполнилось два года, я не припомню момента, когда его не сопровождал бы характерный запах — иногда очень сильный, иногда более слабый, но всегда распознаваемый.

Примечательно, что судьба отложила первую встречу Матта со скунсом до третьего года жизни пса.

Это случилось в июле. Чтобы скрыться от жуткой жары лета в прерии, мы перетасили наш жилой автоприцеп севернее, в лесистую часть Саскачевана, в небольшое курортное местечко на озере Лотус-Лейк. Принадлежность мамы к англиканской церкви в Саскатуне обеспечила нам особую привилегию: мы получили разрешение поставить наш прицеп на пустынном пляже, который принадлежал этой церкви и обычно предназначался для духовенства и их семей.

Это было приятнейшее место. Прицеп стоял у самой воды небольшой бухты, находящейся в частном владении. В нашем личном пользовании была пристань, оборудованная трамплином для ныряния. Особо местность привлекала уединенностью, и мы пользовались этим, чтобы плавать без купальных костюмов. Мы соблюдали определенную осторожность, так как не хотели шокировать наших хозяев, но были решительно не склонны находиться в воде одетыми, за исключением случаев самой крайней необходимости.

Однако скоро такая необходимость возникла. На пляже появилось много молодежи: молодые священники и молодые дочери пожилых священников.

Они все любили покататься в каноэ при луне, и наша уединенная бухта, по-видимому, неудержимо влекла их в свои воды. Ночью каноэ может двигаться скрытно, и большую часть нашего наслаждения ночным купанием омрачала необходимость быть все время начеку.

Моих родителей это раздражало больше, чем Матта, больше, чем меня. Матту в любом случае ничего не надо было прятать, а мне было тогда только двенадцать лет. Мои родители начали отказываться от удовольствия поплавать вечером без одежды, но Матт и я были гораздо смелее.

Матт отлично плавал и очень любил нырять. Он предпочитал входить в воду, прыгнув с трамплина, и было забавно смотреть, как он медленно раскачивается на конце доски, выбирая момент для прыжка.

Как-то вечером мы оба вышли из прицепа, и Матт помчался вперед.

К тому времени, когда я достиг берега, Матт уже добежал до середины трамплина, и было слишком поздно что-нибудь предпринять, чтобы остановить его; мне оставалось лишь наблюдать.

Трамплин был уже занят. На самом краю лежал скунс и задумчиво смотрел в пронизанную лунным светом воду, на сверкающие стайки мелких окуней. Хотя Матт не имел еще никакого опыта общения со скунсами, он проявил все же ничем не оправданную тупость — первый признак некоей странной слабости, с которой мы так хорошо познакомились позднее. Он не попытался ознакомиться со скунсом. Он просто опустил голову, отвел назад свои длинные уши и ринулся вперед.

Оборонительная струя скунса поразила Матта с расстояния не более трех футов и так отклонила его в сторону, что он вылетел с трамплина и плюхнулся в воду на

порядочном расстоянии от мостков. Он, вероятно, пролетел над каноэ, так как когда вынырнул, визжа от боли и обиды, слепо молотя лапами по воде, то оказался рядом с лодкой со стороны озера.

До этого момента я не замечал каноэ, но затем ни я, ни другие жители этого пляжа не остались надолго в неведении о том, что случилось с этим каноэ. Попытки Матта вскарабкаться на борт довершили испуг и смущение парочки молодых влюбленных. Мужчина, будущий священник, обнаружил благородство, соразмерное его призванию и голосовым данным. Но юная дама была дочерью приходского священника — она и вела себя соответственно. Ее выражения были далеко не церковными, и, хотя я провел в Саскатуне много времени среди невоздержанных на язык мальчишек, которые и вели себя не так, как положено, виртуозность речи этой девицы произвела на меня большое впечатление.

Наше раздражение против Матта и его безрассудного поведения сменилось чувством благодарности, так как все остальное время пребывания на озере Лотус-Лейк нас больше не беспокоили юные влюбленные иод луной, а наша бухточка среди местных обитателей приобрела далеко не лестное прозвище.

Спокойствию нашему тоже пришел конец: после этого первого знакомства Матт и скусны стали почти неразлучны. В разгар зимы была небольшая передышка, но в первые весенние дни, с пробуждением скуснов от спячки, начались наши муки.

Это не зависело от того, в какой местности мы находились. Как-то мы встретили весну там, где в течение тридцати лет не видели ни одного скусна. Но в эту весну скусны появились в таком количестве, что местные жители только дивились и, понизив голос, говорили о небесном знаменнии.

Пристрастие Матта к скуснам пошатнуло его популярность среди местных жителей, некоторые из которых, возможно, втайне желали, чтобы Матт исчез раз и навсегда. Помощник владельца похоронного бюро на кладбище Хэппи-Хоум был первым среди них. Столкновение его с Маттом имело место июньским днем 1939 года.

Хэппи-Хоум расположено в центре Торонто и отделено от окружающей дикой природы многими милями асфальтовой пустыни. Однако на этом кладбище много зелени, и, по крайней мере весной, оно звенит голосами птиц. У кладбища удачное название ^(*37), так как со своими деревьями и ручьями оно выглядит оазисом в серой унылости большого города. Там мог обрести свое счастье почти каждый. Конечно, для нас, Матта и меня, это была счастливая находка, наше единственное убежище в тот ужасный год, который мы прожили в Торонто. Мы провели много часов в Хэппи-Хоум, разыскивая птиц или просто гуляя среди ив. Мы лелеяли мечту, что в один прекрасный день повстречаем другого изгнанника вроде нас — фазана или кролика.

Июньский день, о котором идет речь, задыхался от такой жары, которую может породить только истекающий зноем большой город. Матт и я бежали в Хэппи-Хоум, где бродили часами между пышущих жаром надгробий и фантазировали, что под каждым из них может быть скрыта нора гофера. Об охоте на гоферов мы думали часто и всегда жалели об их отсутствии, и если мысленно и населяли Хэппи-Хоум мелкими грызунами, то это никак не означало неуважения к кладбищу — единственному нашему убежищу в знойные дни.

Как-то раз я услышал пение желтой славки в кронах деревьев позади искусственного пруда и пошел на этот голос, а Матт, которого никогда не привлекало пение птиц, убежал, поводя носом в надежде обнаружить что-нибудь более интересное. Вдруг он напал па след и с громким лаем пустился в погоню. Я обернулся вовремя, чтобы увидеть, как его белый зад скрылся из виду среди деревьев.

"Кролик, наконец-то!"-подумал я и, желая не пропустить чего-нибудь важного, побежал вслед за Маттом.

Когда я появился на ровной площадке за прудом, Матт был уже на несколько сотен футов впереди. Его странный кособокий галоп походил на сильный крен на правый борт, как у небольшого парусного судна со слишком легким килем, выполняющего

поворот при устойчивом бризе. Фактически Матт шел против ветра, причем стремительно и прямо.

Дул легкий, но вполне достаточный ветерок. Он пронесся мимо Матта, достиг меня, и я резко остановился. Я понял, в чем дело, и мне стало горько. Я так хотел, чтобы это был кролик.

Теперь я знал, какая сцена ждет меня впереди, когда увидел в отдалении мрачную группу людей, похожих на пингинов. Вид похоронной процессии пробудил у меня сильные опасения. Я громко свистнул Матту, но он был глух к моему призыву. Разгоряченный отголоском своего давнего помешательства, он решительно бежал вперед.

Он уже быстро приближался к похоронной процессии сзади, а люди в трауре его не замечали. Однако мой свист, вероятно, услышал помощник владельца похоронного бюро, так как этот высокий молодой человек медленно обернулся. Меня клерк не заметил, так как я уже укрылся за ивами и предоставил несчастного его незавидной судьбе. Мужчина увидел Матта, приближающуюся обезумевшую собаку.

Тут появился скунс: маленький, возможно родившийся только в эту весну зверек; он, должно быть, заблудился в незнакомой местности. Неуверенно двигаясь между надгробными плитами, он пытался определить, который из врагов наиболее опасен — Матт или высокий человек в цилиндре, — и сделал ошибочный вывод, свернул не туда. Я сомневаюсь, чтобы помощник владельца похоронного бюро или Матт видели, куда скунс спрятался, но Матт во всяком случае чуял, что зверек где-то близко. Помощник же не знал этого. Он побежал навстречу Матту, очевидно чтобы перехватить собаку. Губы его сердито шевелились, он был зол.

Все трое сошлись в одном месте — под сеньюobelиска из розового мрамора.

Произошел весьма неприятный инцидент, правда, не без некоторой компенсации, так как он убедил моих родителей, что центр большого города - не подходящее для нас местожительство. Печальный случай сразу же привел папу к решению переехать в деревню примерно в сорока милях от города.

Мне, недавно расставшемуся с просторами Запада, эта деревня казалась странным маленьким селением. В ней царил нездоровая атмосфера корсетов, потрескивающего китового уса и заносчивой воображаемой светскости, которая присуща многим жителям деревушек в восточной части Канады. Мне было не по себе среди здешних мальчиков и девочек моего возраста, меня озадачивала их трезвая и решительная враждебность. Я не понимал настороженности наших соседей и не мог найти средства развеять нависшую над нами атмосферу подозрительности.

Возможно, что большей долей этого холодного приема мы были обязаны нашему новому дому. До нас он принадлежал скульптору, человеку, недостаточно талантливому в своем искусстве, но скрывавшему эту слабость вызывающей сверхмодной манерой творчества. Дом у него был завален плодами его опытов, и мы подозреваем, что он продал свое жилище именно потому, что видел в этом единственную возможность избавиться от детищ своего комплекса неполноценности. Большинство его творений составляли бесконечно однообразные повторения нагого женского торса, а многие другие были совершенно загадочны. Мне вспоминается, например, одна скульптура, вырезанная из дерева, которая больше всего походила на велосипедное колесо, помятое паровозом. Она называлась "Дырки в душе". По какой-то причине скульптура раздражала Матта, и, когда мы выставили ее на задний двор, он мог стоять и пялиться на нее по целому часу, слегка оскалив зубы, с гримасой явного отвращения.

Однако печать отверженности на этом доме объяснялась не манерностью исчезнувшего скульптора. Он был художником, а этого было достаточно для того, чтобы почти в любом уголке аграрного Онтарио он и его жилище считались бы подозрительными. В мире найдется мало таких мест, в которых жители были бы так агрессивны настроены против любого проявления причастности к культуре, как в

деревнях Центрального Онтарио. Там люди обладают в этом отношении стойкостью, которая восхитила бы самого святого Игнатия Лойолу (*38).

Мы винили этот дом в холодности оказанного нам приема. Однако, несмотря на его мрачное прошлое, нам он понравился. Его входная дверь спокойно взирала на степенную окраину человеческой общины; а дверь черного хода открывалась на вольные просторы сельской местности. Раскинувшиеся по соседству поля были пристанищем не только для Матта и меня, но и для многих других существ, среди которых не последнее место занимало семейство скунсов.

Мы видели их почти ежедневно и с особым чувством покорности ждали неизбежных столкновений, но, как ни странно, не знаю почему, столкновений не происходило. Осмелюсь высказать догадку, что Матт тоже чувствовал гнет нашей изолированности от общества, и у него просто не было настроения ссориться даже со скунсами. Скунсы тоже не проявляли воинственности, и все же мы оставались в состоянии неуверенности и опасения до тех пор, пока первые сильные морозы не возвестили нас о том, что скунсы залегли на зимнюю спячку.

В том доме, в подвале с земляным полом, хранились запасенные на зиму овощи и консервы, а также бочка яблок из графства Принс-Эдвард. С улицы в погреб вел ход, снабженный парой массивных дверей, которые были всегда на запоре, а щели в них законопачены на случай морозов. Папа и я потратили целое воскресенье, тщательно затыкая многочисленные дырки в фундаменте, и, когда мы закончили свою работу, даже мышь не могла бы здесь ни войти, ни выйти.

В это время у нас жила служанка по имени Ханна, мы привезли ее с Запада. Она принадлежала к тем женщинам плотного сложения, выращенным на сытных хлебах, которыми славятся прерии, но большим умом не обладала. Тем не менее у нее было живое, пожалуй, слишком живое воображение. Ей было свойственно фантазировать, и когда она обнаружила, что уровень яблок в бочке понижается с необычной быстротой, то воображение ее заработало и она выдвинула обвинение против Матта. Она нарисовала себе потрясающую картину: долгими зимними ночами Матт, втиснувшись в бочку, прилежно пожирает яблоки. Нам было даже досадно, что такое не могло произойти.

Когда причастность Матта к исчезновению яблок исключили, Ханна некоторое время, впрочем не долго, терялась в догадках. Она была человек упорный и однажды за завтраком поразила нас необычным объяснением быстрого уменьшения запаса яблок.

Передавая папе тарелку овсяной каши, она решила сделать сообщение.

— Это привидения-то были, что слопали половину от яблок, — сказала она.

Папа деликатно расшифровал корявую фразу, а затем, слегка пожав плечами, опустил глаза в тарелку. Я был вылеплен из более сурового материала.

— Что за привидения? — спросил я. Ханна посмотрела на меня со спокойной снисходительностью.

— Яблочные привидения, — терпеливо объяснила она ребенку. — Они съели большую часть тех яблок, которые вы получили из дома принца Генри, а огрызки разбросали.

После этого нам пришлось провести тщательное расследование, и Ханна успокоилась, хотя одновременно и разочаровалась, когда мне удалось убедить ее, что никаких привидений в подвале нет, но там обитает скунс.

Это кроткое животное, очевидно, жило обычной вольной жизнью до того момента, когда его неожиданно заперли на зиму в нашем погребе. Мех его не имел резкого запаха. Когда луч моего фонарика осветил его, скунс сидел под ларем с консервами. Он не проявил никакого возмущения, а только заморгал глазами и опустил голову, как будто просил прощения. Ни испуга, ни агрессивности. Он, наверно, уже давно понял, что мы не желаем ему зла.

Несколько дней мы в достаточной степени неразумно искали пути и средства его выдворения из дома.

Оценив присутствие скунса, Матт разработал собственный план и так старался привести его в исполнение, что почти процарапал дыру в двери погреба. Мы не доверились его рассудительности.

Вскоре мы разумно заключили перемирие. У нас имелось намного больше яблок, чем требовалось, а поскольку этот скунс был, очевидно, дружелюбно настроен, мы решили жить и дать жить другому.

Все сложилось очень удачно. Скунс остался в подвале, ел столько яблок, сколько ему хотелось, и никому не мешал. Мы привыкли спокойно относиться к его присутствию, и уже не было ничего необычного в том, что когда один из нас рылся в ларе с картошкой, в нескольких футах от него скунс хрустел яблоком.

Эта гармония отношений, вероятно, продолжалась бы до весны, когда скунс мог бы добровольно уйти, не появившись статья, написанная одним человеком, которого никто из нас в глаза не видел. Имени его я не припомню, но знаю, что он проживает в одном из южных штатов США. Человек этот принадлежит к тому роду всезнаек, которые пишут статьи и книги о птицах и зверях с такой уверенностью, что читатель невольно начинает верить в их осведомленность насчет мыслей и поведения животных. Незадолго до рождества этот человек напечатал статью о скунсах в одном из самых известных охотничьих журналов.

Я прочел его статью, и она произвела на меня глубокое впечатление. Автор разработал надежный способ отгонять скунсов от человека и был настолько любезен, что поделился своим секретом со всем миром. Его метод основывался на использовании шланга для поливки сада. Он открыл, что струя воды, нацеленная на точку в нескольких дюймах позади скунса таким образом, чтобы после падения на землю вода взлетала под небольшим углом вверх, обязательно обратит в бегство любого скунса. Проникая в процесс мышления скунса, автор объяснял, почему изобретенный метод такой действенный. "Скунс, — писал он, — полагая, что водяная струя исходит от естественного источника, поспешно убегает от этого неудобства, не пытаясь вступить в бой с противником".

Рождественские каникулы должны были начаться только через неделю, мне было скучно, и я затосковал от бесконечно растянувшихся последних дней занятий в школе. Мы сидели с Ханной дома одни, так как родители находились в Оквилле, куда они отправились нанести обязательный трехдневный визит родным моего папы. Мне надоело читать журнал, и я спустился вниз, в погреб.

В свою защиту могу привести только то обстоятельство, что в моих действиях не было преднамеренности. Моим первым побуждением было открыть настежь двери из погреба на улицу, и уже только после этого я вошел в подвал и надел шланг для поливки на кран над лоханью для стирки. Когда шланг ожил, я вошел в овощехранилище и, обнаружив скунса, ударил струей в твердый грунт точно позади животного, как учил всезнайка из журнала. Ошеломленный скунс заметался из стороны в сторону и попытался укрыться за старомодной печью для воздушного отопления. Я преследовал его водяной струей, медленно подгоняя к выходу из погреба, к открытым дверям. Скунс двигался в этом направлении неохотно, даже, как это предсказал мой автор, не пытаясь отплатить мне. Победа была уже близка, когда я посмотрел вверх в сторону выхода, чтобы убедиться, что на пути скунса нет никаких препятствий, — и тут на фоне квадрата холодного голубого неба я увидел морду Матта.

Я понял, что пес собирается броситься на зверька, и остолбенел, представив себе разом все последствия. Действуя инстинктивно, я поднял шланг, чтобы направить струю в Матта, но забыл, что на пути скунс. Поднятая струя ударила скунса в бок и опрокинула навзничь. Я попал и в Матта, но было уже слишком поздно, чтобы эффективно повлиять на дальнейшее.

Меня душили слезы гнева и сострадания, но я уже ничего не мог поделать. В то время как Матт и скунс носились по подвалу, я старался преследовать их, беспорядочно размахивая шлангом. Иногда струя воды, рикошетом отскочив от скунса, вынуждала меня самого, спотыкаясь, отступать к дверям погреба. От злости я

снова и снова ввязывался в стычку. Мы носились взад и вперед по овощехранилищу, забирались за печку, под лестницу погреба. Воздух становился густым от брызг и пыли, и единственная электрическая лампочка посылала тусклый свет, словно сквозь плотный желтый туман. Матт сдался первым и бежал через дверь на улицу. Скунс, измученный и до предела утомленный в борьбе за свое существование, выскочил из подвала сразу же вслед за собакой. Я остался один, а шланг все еще в неистовстве подскакивал у меня в руках.

В напряженной тишине, откуда-то издали, сверху, я услышал зычный голос Ханны. — Мать божья, — кричала она. — Мать божья, я ухожу, ухожу отсюда!

Но в этот раз Ханна не ушла, правда, лишь потому, что мы находились далеко от Саскачевана, а она не знала, в какой стороне ее родной дом. В сложившейся ситуации выхода не было ни для кого из нас троих.

Долгое время в нашем доме царил уныние. Несмотря на очень морозную погоду, печь пришлось отключить, так как она всасывала из подвала бьющие в нос ароматы и они свободно циркулировали по всем жилым помещениям. Даже при окнах и дверях, распахнутых навстречу зимним ветрам, подвал оставался вместилищем зловония.

Маслянистая защитная струя скунса, смешанная с водой, пропитала земляной пол так глубоко, что едва ли даже к сегодняшнему дню там мог полностью улетучиться отвратительный запах.

Что касается наших соседей, далеких от желания сблизиться с нами в трудный час, то они отделились от нас еще больше, и только их общее мнение дошло до нас.

— Чего же еще можно ожидать, — сказала одна из соседок с чопорным самодовольством, — от людей, которые живут в таком доме, как этот? — Было ясно, что в ее голове все смешалось: скунсы, культура моих родителей и репутация приобретенного нами дома.

Мои родители не наказали меня на месте преступления, но настояли на том, чтобы я отправился в школу на следующий же день после этого происшествия. Я молил о пощаде, но безуспешно. Пришлось идти в школу. Я удалился медленно, с опущенной головой.

День выдался холодный, а в школе было слишком жарко. Первый урок еще не окончился, а в радиусе пяти футов от меня все парты опустели. Я остался сидеть один — униженный комочек страданий, — пока наконец учительница - ее звали мисс Ледерботтом — не подозвала меня и не вручила мне записку с кратким указанием: "Иди домой".

Унижение от пережитого было очень сильным, но оно не может идти в сравнение с душевной мукой, причиненной мне несколько лет спустя Маттом и его пристрастием к скунсам.

Мои дедушка и бабушка со стороны мамы владели коттеджем и озером в отдаленной гористой местности Квебека, и туда члены семьи привыкли съезжаться в летние месяцы. В целом это было место, которое оставило у меня приятные воспоминания, так как было свободно от суеты и неудобств большинства летних курортов. Там не было подвесных моторов на лодках, несущихся со скоростью пятьдесят миль в час неизвестно куда, которыми управляют, как правило, толстые и неуклюжие мужчины. Там не было скопления дрянных маленьких коттеджей, прилипших вплотную один к Другому вдоль всего берега, — сельского подобия городских трущоб. Вместо этого стоял один скромный бревенчатый дом, плюс одно еще более скромное помещение - сочетание сарая для лодок и хижины для спанья; и кругом ничего, кроме древних холмов, одетых темной щетиной леса, лес смотрелся в воды озера, черпая в нем успокоение.

Для Матта и меня после ужасов Торонто и почти равноценных ужасов деревни в Онтарио это было благословенным уголком. Здесь я впервые полюбил.

Она была дочерью состоятельного доктора, владельца коттеджа на соседнем озере. Девочка не осталась равнодушной ко мне, проявляла склонность к поэзии, которой в ту пору я был особенно увлечен. Я писал меланхолические стихи, а она терпеливо

слушала, когда я их декламировал. Помню, ее сильно растрогал отрывок о судьбе покинутого всеми влюбленного.

Одно из этих стихотворений звучало следующим образом:

Безжизненный, недвижимый, тусклый взор Устало в синий устремлен простор. Лишь муха то и дело выдает Жизнь впалых век, свершая к ним полет ^(*39).

Я считал, что сказано лихо, и моя юная дама была того же мнения. Наша дружба могла бы породить великие свершения, если бы в течение последующей недели ей не был грубо положен конец.

Каждую субботу в соседней деревне Казабазау (вы найдете это название на любой солидной географической карте) устраивали танцы, и я договорился как-то сводить туда мою подружку. Внезапная летняя гроза, разразившаяся в пятницу вечером, как раз накануне танцев, не огорчила меня; я продолжал возлежать в постели, погруженный в мечты. Однако эта гроза сыграла в моей жизни роковую роль.

Первый бурный порыв ветра вырвал с корнями и повалил величественную старую сосну, простоявшую две сотни лет недалеко от нашего дома. Своим падением старый исполин лишил крова семейку скунсов, которые выкопали нору в корнях дерева. Скунсы бросились искать другое убежище и нашли его под полом хижины, там, где для вентиляции была прорыта щель. К несчастью, Матт, который все еще панически боялся грозы, уже давно занял этот укромный уголок, и для всех новоприбывших там едва ли оставалось достаточно места.

Когда старое дерево рухнуло, мои родители, бабушка и дедушка сидели у камина. Бабушка, всегда воспринимавшая акты "божественного промысла" как личное оскорбление, вышла из себя. Она шагала из угла в угол; проходя мимо окна, бросала взгляд на поверженного великана, и из ее уст вылетали гневные слова.

— Я отказываюсь, — кричала она, — я категорически отказываюсь сажать другое дерево! Какой смысл стараться, когда их снова повалит ветер?

Дедушка, умудренный опытом, пропускал ее слова мимо ушей, но мои родители, как всегда, пытались осознать услышанное и поспорить; но тут все четверо услышали новые звуки, которые должны были стать поводом для нового разногласия. Из-под пола донесся очень странный, приглушенный шум: топанье, пофыркивание, глухое рычание и какое-то таинственное бормотание. Бабушка, которая редко, как она утверждала, чего-нибудь не понимала, на этот раз была озадачена. Она топнула ногой и крикнула:

— В чем дело?

Половицы были пригнаны неплотно. Черный пол отсутствовал, и бабушкино обоняние помогло ей найти ответ. С черствым безразличием, которое я до сих пор считаю непростительным, мои дорогие четверо взрослых быстро освободили дом, чтобы обрести укрытие в хижине-спальне у озера. Меня они предоставили своей собственной судьбе.

Вскоре после этого я проснулся один в доме. Возня под ногами становилась все интенсивнее, и от воних перехватывало дыхание. Схватив стеганое пуховое одеяло и уткнувшись в него носом, я мотнулся вон из дома и заскользил по крутой тропинке к берегу озера. Над головой рокотал гром, дождь лил как из ведра. Вспышка молнии осветила мой путь, и в двух-трех шагах перед собой я увидел испуганную мордочку скунса, очевидно улепетывавшего от шума сражения, из-под дома.

Я не мог остановиться. Мои босые ноги скребли крутую, глинистую тропинку, пытаюсь зацепиться, но все было напрасно. И я и скунс катились по хорошо смазанной катальной горке и остановились только внизу — почти неразъединимый клубок из двух тел, закрученных в одеяло.

Родные не пустили меня в хижину-спальню.

Бабушка не отперла мне дверь.

— Эта проклятая собака — твоя. Иди и спи с ней, — сказала она, и в тоне старухи прозвучала непривычная язвительность.

Остаток ночи я проспал под перевернутой лодкой.

Как только забрезжило воскресное утро, я уже стоял в озере и натирался куском карболового мыла. В тот ужасный день я перепробовал все возможные очистительные средства: томатный сок, керосин, скипидар и пемзу, и, хотя ни одно из этих средств не привело к желательному эффекту, к вечеру мне показалось, что я избавился от запаха скунса. По крайней мере, я сам его больше не улавливал. С этой необоснованной уверенностью в отсутствии запаха я отправился сопровождать свою даму на танцы.

Нам надо было пройти вместе всего несколько сотен ярдов; дул свежий вечерний бриз, так что с помощью ветра, который дул с ее стороны, я избежал немедленного разоблачения. Но что-то ее, видимо, тревожило.

— Поспешим, — неожиданно сказала она. — Мне кажется, что где-то поблизости скунс.

В голосе ее звучали панические нотки, и это удивило меня, так как она всегда казалась такой бесстрашной.

Танцы происходили в сарае, и пришло много народу. Керосиновые лампы не только освещали помещение, но и повышали температуру воздуха, которая и без того была невыносимой, как па пышущем вулкане. Еще до окончания первого танца я мог надеяться, что мне удастся остаться необнаруженным. Я избрал тактику не пропускать ни одного танца и двигаться очень быстро в самой толкучке танцующих — не рисковать, чтобы подозрение пало именно на меня. Я почувствовал огромное облегчение, когда после получаса непрерывного танца моя девушка взяла меня за руку и сдавленным шепотом стала умолять немедленно отвести ее домой. Она продолжала вглядываться в других танцующих, и лицо ее выражало панический ужас.

Как только мы вышли, я понял, что обязан признать свою вину. Моя дама всегда обладала чувством юмора, и я был уверен, что это происшествие ее только позабавит. Мы остановились на тропинке у ее коттеджа, и я рассказал ей все.

Она судорожно глотнула воздух, отвернулась — и вдруг бросилась бежать от меня так, как если бы за ней гнались все черти ада. И с того часа я больше никогда ее не видел.

Я встретил как-то ее старшего брата в местном универмаге и упросил его сказать мне, почему его сестра больше не хочет меня видеть.

Он весело рассмеялся.

— А ты не знаешь? — спросил он, и это был очень глупый вопрос, так как откуда же мне было знать? — О, это поразительно! Все из-за запаха скунса, — заговорил он, когда наконец смог подавить приступ своей неуместной веселости. — У Джейн на него аллергия... ее начинает сильно тошнить и рвать от него... где угодно... и эти приступы, как правило, длятся целый месяц.

На плаву и на берегу

Первое, что папа сделал после возвращения на жительство в провинцию Онтарио, это осуществил свою десятилетнюю мечту: он купил судно, и не каноэ, а настоящее судно — судно, которым мог гордиться любой моряк.

Оно пришло из Монреаля, представляло собой судно с симметричной линией носа и кормы, принадлежащее к типу, впервые спроектированному в Норвегии для плавания в Северной Атлантике и зарегистрированному как "спасательное судно". Оно было черного цвета, крупное и такое прочное, с такими красивыми формами, как "ширококостные, с крупным бюстом, пышущие здоровьем женщины Запада", о которых папа любил помечтать вслух.

Судно было оснащено под кеч ^(*40). Его паруса ярко-красного цвета изготовили в Люненберге. Все было надежным и мореходным.

Мой папа привел судно из Монреаля в одиночку, и среди яхт Торонто, яхт лакированных, из красного дерева, на которых вместо вымпела иногда развевался кусок тиккерной ленты ^(*41), судно выделялось, словно корова породы Абердин-Ангус

(*42) в стаде ланей. Пижоны в шерстяных фланелевых костюмах кремового цвета и яхтсменских фуражках были склонны позубоскалить насчет папиного судна, а когда они прочитали его название, раздался громкий смех.

— "Скотч-Боннет"! (*43) — кричали они. — Что за название для судна? Почему вы не назвали его "Рей-Мар", или "Билл-Джин", или "Соуси-Сью VIII", как это делаем мы? Когда они увидели наши "яхтсменки"— шотландские шапочки, импортированные прямо из Кейтнесс, — то поняли, что мы люди совершенно не их круга, и с тех пор игнорировали нас полностью.

"Скотч-Боннет" эта болтовня не трогала. Судно знало, откуда взято его имя, и гордилось им. Черная гранитная скала, которая выступает из вод озера Онтарио южнее графства Принс-Эдвард, называется Скотч-Боннет-Рок; она в свое время тревожила умы настоящих мореходов, служивших на шхунах, перевозивших зерно; им принадлежали Великие озера еще задолго до того, как пар обрек эти суда на забвение.

"Скотч-Боннет" было и есть судно, вызывающее глубокое чувство восторга у своего экипажа, и даже Матт не остался слеп к его привлекательности. Он пришел на парусник не новичком в морском деле, так как уже ходил под парусом, на "Концепции". Однако его первое плавание на борту "Скотч-Боннет" могло бы у собаки, менее мужественной, чем Матт, навсегда отбить охоту выходить в море.

В первую неделю сентября папа объявил, что вместе со мной и Маттом пройдет по озеру до залива Куинт. Мы подъехали на автомобиле к якорной стоянке под защитой волнореза гавани Торонто, и, когда прибыли, нас приветствовал штормовой ветер.

Были вывешены знаки штормового предупреждения, и волны, разогнавшись на сорока милях открытой воды, громыхали о бетонные ограждения берега.

В маленьком ялике нам еле удавалось держаться на плаву, когда мы выгребали к месту стоянки нашего судна, но Матту, по-видимому, все это доставляло удовольствие, и он был полон энтузиазма, когда наконец прыгнул на прочную палубу "Скотч-Боннет".

Только мы успели поставить бизань, перед тем как сняться с бочек, к нам направился полицейский катер. Это было крупное судно с мощным двигателем, но, как все ему подобные, рассчитанное на стоячие мельничные пруды. Я с благоговейным страхом наблюдал, как его швыряло и кренило на волнах все-таки защищенной от ветра гавани, и был почти готов учесть предостережения, которые прокричали нам в мегафон, когда катер приблизился.

— Эй вы, там, на палубе! — прогремел начальственный голос. — Сегодня выход в озеро закрыт. Подняты штормовые сигналы!

Папа знает, как надо разговаривать с полисменами. Он просто улыбнулся и ответил по-гэльски (*44). Полисмены попались смелые, они сделали несколько попыток добраться до папы, но в конце концов зачерпнули бортом большую волну. Опасность пойти ко дну была настолько близка, что блюстители порядка решили предоставить нас, иностранцев, избранной нами судьбе.

Папа увидел выражение моего лица.

— Держись! — крикнул он, перекрывая рев ветра. — Такое судно, как "Скотч-Боннет", дважды пересекло Атлантику. Это всего лишь легкий бриз для redningsskoite (*45). Теперь приготовься сняться с бочек, когда я поставлю кливер.

Я изготовился, но без особой радости. Несколько мгновений спустя "Боннет" уже шло, и рассекаемая его форштевнем вода шумела, как горный каскад.

Мы вышли в открытое озеро только под бизанью и кливером. При таком ветре парусности этой было более чем достаточно. Не успели мы миновать острова Торонто-Айленд, как увидели впереди странное зрелище. Сначала казалось, что к нам из штормового сумрака с трудом приближается пьяный лес. Мы изумленно глазели на это явление, пока папа не понял, в чем дело.

— Гляди, — завопил он радостно, — это парусные гонки через озеро из Рочестера!.. Яхтсмены... салаги... они идут в укрытие с голыми мачтами.

Когда мы приблизились к яхтам, то смогли убедиться, что они действительно без парусов. Ни на одном из двух десятков судов не было поднято и клочка парусины, даже на больших восьмиметровых яхтах. На них было жутко смотреть, они так глубоко зарывались носом, что зеленая вода прокатывалась по всей длине их палуб, а их кокпиты (*46) походили на частные плавательные бассейны.

Вообще-то папа не был человеком мстительным, но тут он не смог не покичиться своим превосходством.

— Держи румпель! — крикнул он и начал поднимать наш большой красный грот (*47). Мы пронеслись сквозь потрепанную флотилию, подобно "Летучему голландцу", и при этом во все горло орали песню "Молодцы шотландцы из доброго старого Данди".

То был опьяняющий миг, но, когда мы пошли дальше и лавировали, держа курс вдоль берега на восток, я вспомнил, что уже с полчаса не видел Матта; я спустился в каюту и нашел его на моей койке впереди грот-мачты, где качка ощущалась сильнее всего.

Пес растянулся во всю длину, причем голова его лежала на подушке, а лапы безжизненно свесились с койки. У него был такой вид, как будто он верил и даже надеялся, что уже мертв. Не обращая внимания на мое появление, он только закатил глаза так сильно, что вид налитых кровью глазных яблок внезапно напомнил мне о состоянии моего собственного желудка, и я поспешил вернуться на палубу.

Папе я сказал, что Матт умирает.

— Выкарабкается, — усмехнулся папа.

Конечно, так оно и случилось. На рассвете следующего дня Матт снова был на ногах и не отставал от нас; но позже, когда вывешивались штормовые сигналы, он уже не проявлял того энтузиазма к плаванию, как в первый день нашего выхода в озеро.

Матта больше всего устраивало "плавание", когда мы стояли на якоре в той или другой из многочисленных бухточек у высоких берегов графства Принс-Эдвард. Тогда он мог наслаждаться лучшей из двух стихий. Мы обычно швартовали ялик вплотную к борту "Скотч-Боннет", и, когда бы Матту ни вздумалось растянуться на земле, ему надо было только прыгнуть в ялик, перевалиться через его борт и плыть к берегу. Мы, конечно, предпочитали стоять в уединенных и довольно диких бухточках, что позволяло Матту вдоволь наслаждаться одной из своих любимых забав — ловлей раков.

Ловля раков — водный вид спорта. Для этого Матт заходил с берега в озеро, пока вода не доходила ему по плечи. Тогда он опускал голову в воду и, широко открыв глаза, выискивал плоские камни, под которыми любят прятаться раки. Он орудовал носом, чтобы переворачивать камни, а в прозрачной воде ему было отчетливо видно, как намеченная жертва поспешно удирает в поисках нового пристанища. Принадлежа к семейству омаров, рак имеет грозные клешни, но клешни были совершенно бесполезны против Матта, который откусывал их передними зубами и сразу же лишал рака его оружия. Когда раки оказывались беззащитными, он брал их в пасть, поднимал голову из воды и с явным наслаждением пережевывал.

Во время ловли раков Матт представлял собой действительно забавное зрелище, от которого мне было не оторваться. Впрочем, я знал одного фермера с залива Куинт, который мог стоять и наблюдать добрый час за этой ловлей, в то время как за его спиной впряженные в плуг лошади беспокойно били копытами по нетронутой пашне.

Если раков оказывалось маловато или бухточка была болотистая, то Матт охотился на лягушек. Он делал это только ради развлечения, так как никогда не ел пойманных лягушек. Лягушку на суше он не ловил, такая ему была не нужна. Фокус состоял в том, чтобы загнать ее в воду и под воду и там постараться обнаружить ее, когда она застынет на дне. Тогда голова Матта врезалась в воду со скоростью и точностью, которой обладает только главный его конкурент — большая голубая цапля. Обычно он выныривал с лягушкой, бережно зажатой зубами. Он относил ее на сушу, отпускал на землю, а затем опять загонял в воду — на второй раунд.

Если ему надоедало пребывание на суше или если у него были неприятности с каким-нибудь фермером в результате давней склонности гонять коров, ему надо

было только броситься в воду бухточки и доплыть до ялика. Такая жизнь была ему как раз по нутру.

Устраивала она и меня, но я предпочитал "Скотч-Боннет" под парусами, идущее в отличную погоду между островами по протокам залива Куинт. В то время у меня уже было разрешение на кольцевание птиц, а мириады островков и песчаных отмелей, разбросанных вокруг графства Принс-Эдвард, изобиловали колониями чаек и крачек. "Скотч-Боннет" в конце концов доставило меня почти на все эти гнездовья, и в течение двух летних плаваний я окольцевал более тысячи оперившихся птенцов.

Самым запомнившимся плаванием для кольцевания было то, которое мы совершили к тезке нашего "Скотч-Боннет".

Скала Скотч-Боннет-Рок лежит в девяти милях от берега графства Принс-Эдвард, и автоматический маяк, который стоит на ней, не обслуживается смотрителем. Этот скалистый островок посещают только один-два раза за сезон, когда необходимо пополнить газовые баллоны. Освобожденные от вмешательства человека, огромные стаи чаек и больших бакланов избрали теперь эту скалу своим домом, местом для выведения птенцов.

Мы прибыли на сей островок со стороны, обращенной к озеру, в бурный июньский день, когда ровный бриз наполнял наши паруса, а сверкающее солнце освещало вздымающиеся волны. Из-за большого волнения и усиливающегося бриза папа был вынужден ходить под парусами контркурсами и лавировать, в то время как я греб к скале на ялике. Матт попросился со мной, так как мы уже довольно долго не подходили к берегу и он страдал от отсутствия деревьев.

Грести было тяжелым трудом. Крутые короткие волны швыряли маленький ялик, он взлетал и падал, и я часто не видел ни островка, ни нашего судна. Но зато я мог видеть больших бакланов, черных и тяжелых, наблюдать их медленный полет с районов промысла рыбы к своим гнездам, спрятанным на этом островке.

Я пристал с подветренной стороны и втащил ялик выше линии волн. Повсюду вокруг меня чайки взлетали с сердитыми криками возмущения, а так как ветер дул поперек острова и прямо мне в лицо, я мог убедиться, что это место населено густо. Матт бросился искать дерево, но деревьев, увы, не было, и после некоторого замешательства он в конце концов воспользовался маяком, несомненно слишком грандиозным столбом, по мнению собаки, которой приспичило.

Кольцевание молодых бакланов — не занятие для людей со слабыми желудками. Птенцы бакланов остаются голыми, пока не достигнут половины роста взрослой птицы, и их длинные шеи и некрасивые животы не делают их обаятельными. Гнезда представляют собой примитивные сооружения, замусоренные рыбными отбросами и перепачканные пометом. Когда к молодым бакланам приближается кто-то подозрительный, они встречают незваного гостя укоризненными взглядами, а затем, подпустив на близкое расстояние, внезапно делают конвульсивное движение и отпрыгивают на него свои обеды, частично уже переваренные.

Зная об этой отвратительной привычке, я подходил к своим жертвам с осторожностью. Матт же не обладал предварительным опытом.

Покончив с неотложными делами около маяка, он побежал ко мне напрямик через гнездовье. Сперва он огибал молодых бакланов, но любопытство взяло верх, и он приблизился к одному, в знак дружбы выставив свой нос-картошку. Баклан мигом сделал соответствующее моменту движение и угодил Матту прямо в морду.

Вопль возмущения оторвал меня от работы, и я поднялся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Матт не разбирая дороги мчится через центр птичьей колонии, вдоль всего пути представляя собой соблазнительную мишень для каждого молодого баклана.

Увидев меня, пес повернул в моем направлении, но даже дружба и братская любовь имеют свои пределы, и я поспешно вскарабкался на выступ скалы, куда он не мог добраться. Под этим выступом Матт на миг остановился, в отчаянии бросил на меня укоризненный взгляд и затем, повернувшись к берегу озера, не раздумывая бросился в воду.

Я с большим трудом спустил ялик, но к тому времени, когда прибрежные буруны остались позади, Матт бесследно исчез. Когда маленькая лодка оказывалась на гребне волны, я обшаривал воды взглядом. Наконец мелькнула черная голова, и я сообразил, что пес плывет к берегу озера в девяти милях от островка.

Матт тут же исчез из моего поля зрения, но некоторые из его прежних врагов с островка теперь пришли ему на помощь. Стая чаек с криками носилась над ним и ныряла вниз, создавая таким образом ориентир, которым я мог воспользоваться.

Папа видел, как я покинул островок, и понял, что что-то неладно. Он круто повернул и устремился ко мне. Я помахал в сторону чаек, и папа сразу же сообразил, что Матту не встретиться с яликом.

Матта пришлось втаскивать на борт судна, но он не проявил ни малейших признаков благодарности за свое спасение. Заплыв отмыл его тело, но воспоминание о перенесенном унижении осталось. Он заполз в уютное местечко под банкой в кокпите, оставался там весь остаток дня и вышел с опаской, только когда мы в тот вечер вошли в док на канале Марри. Даже тогда он не поспешил на берег, как ему хотелось, а долго стоял на палубе, подозрительно разглядывая зеленые луга и соблазнительные деревья.

Матт считал длительные переходы мучительными. Мы никогда не могли убедить его, что с нашей стороны не будет никаких возражений, если он использует вместо телеграфных столбов мачты судна. Но во время плавания он наотрез отказывался удовлетворять требования природы, либо потому, что воспринимал "Скотч-Боннет" человеческим жилищем — а он был хорошо воспитанным псом и знал, как следует вести себя, — либо движение судна делало для него затруднительной, если не невозможной, стойку на трех лапах.

В соответствии со сказанным, когда мы приближались после продолжительного плавания к нашему берегу, Матт начинал проявлять страстное желание достигнуть берега поскорее. Он чуял сушу задолго до того, как мы могли различать ее, и, когда он начинал суетиться, скулить и с тоской смотреть на горизонт, мы знали, что берег близок.

Однажды летом мы всей семьей поплыли по озеру от Ниагары с конечной целью доплыть до Кингстона и из-за маловетрия находились в плавании почти тридцать шесть часов. Когда Кингстон наконец появился на горизонте, Матт едва мог сдерживать себя.

Кингстон был построен в раннюю пору Верхней Канады ^(*48) и сохраняет многое от степенного викторианства ^(*49) его лучшей поры. Стройные ряды домов из серого камня до некоторой степени отражают твердокаменную серость его жителей.

Мы вошли в гавань и не успели пришвартоваться, как Матт, одним прыжком покрыв внушительное расстояние между "Скотч-Боннет" и пирсом, исчез. В непосредственной близости деревьев не было, поэтому он помчался по старой улице, мощенной булыжником, в самый город.

Наши швартовы принял человек в потрепанной одежде, и после того как мы были ошвартованы, он по собственному почину явился на борт, заявив, что он "старый моряк", — заветные слова, которые всегда производят впечатление на моего папу.

Мы дали "старому моряку" выпить, и немного погодя он спросил:

— Кажется, у вас есть собака?

Мы признались, что таковая имеется.

— Тогда лучше держите ее на прочной привязи на борту, — посоветовал старик. — Слышал я о разных страшных вещах, о молодых студентах — медиках там, в университете. Они очень жестоко расправляются с собаками.

— Что они им делают? — спросил я в своем неведении.

Старик сплунул и налил себе еще стаканчик.

— Они делают ужасные вещи. — Это было все, что он мог сказать мне.

Я спросил, где они достают собак, и он ответил, что большая часть их поступает из городского загона.

— Я должен был получить эту работу — ловить собак, — объяснил он удрученным голосом, — но я либерал (*50), а это занятие подходит только для консерваторов (*51). Хотя было бы нелишним и для меня: десять долларов за собаку и пять за кошку — вот сколько платят студенты.

Папа бросил несколько обеспокоенный взгляд на пристань, но там не было никаких признаков Матта.

— А что, — спросил папа старика как-то опасно, — разве в Кингстоне существует какой-нибудь закон против собак, бегающих без привязи?

Старик фыркнул.

— Закон! Конечно, есть закон. Однако человеку, собаколову, не требуется никакого чьего-либо закона. Он берет собак прямо с заднего двора, вместе с цепью, и все.

Ворча себе под нос, старик покинул нас, но не успел он дойти до конца пирса, как мы обогнали его. Мы спешили.

Я пошел по дороге, ведущей от пристани в город, папа решил идти на восток по кромке воды, а мама двинулась в западном направлении. Никто из людей, которых я расспрашивал, не видел ничего, соответствующего приметам Матта, а я не мог найти никаких следов его самого.

Когда час спустя я возвратился на пристань, то оказалось, что папе и маме повезло не больше, чем мне.

Папа начал паниковать. Одна мысль о Матте в сетях местного собачника, а возможно, уже на столе для анатомирования вызвала у него вздутие и боль в надпочечниках.

— Ты берешь напрокат велосипед в правлении лодочной гавани и едешь на поиски, — приказал он мне. — Я еду к загону.

К тому времени, когда папа добрался до загона для бездомных собак, он взвинтил себя до неистовой ярости; но собаколова не оказалось на месте. Вместо него в старом кресле сидел развалившийся худой, жующий резинку парень, занятый чтением программы скачек. Он совершенно равнодушно выслушал папино требование немедленно отпустить Матта.

В конце концов парень лениво махнул в сторону проволочного загона позади дома.

— Если ваша собака там, можете за два доллара забрать ее, мистер, — промямлил он и добавил: — Как вы думаете. Красное Яблоко имеет шанс на скачках в Кингс-Плейт? Еле сдерживая себя и не отвечая, папа поспешил к загону только для того, чтобы обнаружить там зловещее отсутствие собак — ни одной во всем загоне. Он возвратился к парню и голосом, который заставил этого лентяя подняться с кресла, потребовал самого собаколова.

Парень повел себя нахально.

— Тогда попытайтесь вести себя, как собака, мистер, — посоветовал он. — Бегите к университету. Собачник обязательно сцапает вас где-нибудь по пути.

Если бы этот парень знал, что в тот миг он был на волосок от смерти, он предпочел бы программе скачек Библию. Его шкуру спасло только то, что папе было некогда отвлекаться.

Папа поймал такси и поехал прямо в ратушу. Сначала он попытался попасть на прием к мэру, но этот джентльмен уехал из города на конференцию по вопросам канализации.

Однако рядом находилась канцелярия начальника полиции, и папа ринулся туда, как на штурм вражеского редута. Но там не было никого, кроме рослого и тучного констебля, человека несимпатичного и склонного к вспыльчивости.

Констебль величественно объяснил, что не ведает этим "выпускающим кишки" законом для бездомных собак и что в любом случае папа совершает уголовное преступление, разрешая своей собаке "бегать непривязанной". Автоматически в папе заговорил библиотекарь.

— Бегать без привязи, — резко поправил его папа.

Констебль не был филологом.

В ылучше бегите отсюда! — — заорал он. — Иначе, черт возьми, я вас арестую!

Отказавшись от всякой надежды на помощь гражданских властей, папа отыскал телефонную будку и позвонил в медицинский корпус университета.

Сигналы в трубке звучали с той механической настойчивостью, которая указывает, что либо никого нет на месте, либо если кто-нибудь и есть, то он слишком занят, чтобы ответить. Папа подозревал, чем они там заняты; на него нахлынуло ужасное видение: распластанный Матт, которого терзают коновалы в белом. Он даже не взял монету из автомата, а выскочил из будки, хлопнув дверью, так как вспомнил, что в Кингстоне есть одно место, где можно найти помощь и друзей: военные казармы.

Когда он вбежал в офицерскую столовую, помещение пустовало, если не считать дежурного офицера, который (надо же так случиться!) служил вместе с напой в четвертом батальоне во время первой мировой войны.

Офицер был рад встретить старого товарища, особенно потому, что нет ничего скучнее обязанностей дежурного в казармах мирного времени. После того как папа, выпив с ним по одной, стал излагать свою историю, он слушал с сочувствием, и в его глазах загорелся огонек.

Когда повествование закончилось, офицер хлопнул папу дружески по плечу и воскликнул:

— Попробуй доверить хоть что-нибудь проклятым штатским — не обрадуешься! Это чрезвычайное обстоятельство, старик. Вот что я тебе скажу: мы вызовем караул и развернем спасательную операцию как положено.

Офицер был верен своему слову, и пять минут спустя усиленный караул из солдат быстро зашагал по улицам города к университету.

Собаколову исключительно повезло, что он не попался по дороге этому караулу, так как канадские солдаты очень любят собак и очень не любят гражданские власти. Но было еще большей удачей то, что караул повстречал меня. Не случись этого, в тот день в Кингстоне могли бы произойти чрезвычайные события.

Сомневаюсь, что студенты сидели бы сложа руки, в то время как здание медицинского факультета превращают в осажденную крепость, и нет сомнения, что начальник полиции бросил бы свои силы в драку на стороне студентов. Потребовались бы подкрепления из форта, а в их состав могли включить и те две легкие полевые пушки, которые стоят перед офицерской столовой (реликвии бурской войны, все еще способные издавать грозный шум).

Я немножко сожалел, что вмешался, но я вмешался. На взятом напрокат велосипеде я перехватил папу и отряд на расстоянии в четверть мили от ворот университета и сообщил им, что Матт нашелся.

Что же касается Матта, то после того как пес выполз из-под причала, где два часа пребывал наедине сдохлым сигом, он, хоть убей, не мог понять папиного дурного настроения. Матт очень не любил, когда на него кричат. Он дулся много дней.

Апрельской порой

Когда я проснулся, шел дождь, теплый и ласковый дождь, который не барабанит невежливо в стекла окна, а растворяется в податливом воздухе так, что запах утра становится приятным и аппетитным, будто дыхание жующих сено коров. К тому времени, как я спустился позавтракать, дождь кончился и коричневые тучи расходились, оставляя после себя голубые окна неба; на их фоне плыли последние легкие, курчавые облачки. Я открыл дверь во двор и постоял немного на пороге, прислушиваясь к залившимся песням рогатых жаворонков над дальними полями.

Зима выдалась суровая и неприветливая. Она до последней возможности растянула всплески своего дурного характера и уступила весне с угрюмой неохотой. Дни были холодные и пасмурные, влажные мартовские ветры попахивали кладбищенской плесенью. Теперь это все ушло в прошлое...

Я стоял в дверях, впитывал солнечное тепло, прислушиваясь к звонкому журчанию ручейка талой воды, смотрел, как по краям сточных канав намываются маленькие

плотинки из желтой грязи, и вдыхал щекочущий ноздри крепкий запах, поднимающийся от нагретой земли.

Следом за мной к двери подошел Матт. Я повернул голову и посмотрел на него. Внезапно время сделало скачок, и я увидел, что он уже старик. Я опустил руку на его седую морду и ласково потрепал своего друга.

— Весна пришла, старина, — сказал я ему. — Кто знает, может быть, на пруд возвратились утки.

Он разок вильнул хвостом и старческой трусцой пробежал мимо меня, причем ноздри его раздулись, он принюхивался к быстролетному бризу.

Окончившаяся зима была самой долгой из всех зим, которые он пережил. Все короткие зимние дни он лежал и дремал у камина. Время от времени едва слышные повизгивания шевелили его приподнятые губы. Он двигался во времени в том единственном направлении, которое теперь оставалось для него открытым, проводил свои грустные дни в мечтах, довольный возможностью поспать.

Когда я сел завтракать, то посмотрел в кухонное окно и увидел, как Матт медленно бредет по дороге к пруду. Я знал, что он отправился в разведку насчет уток, и, когда кончил завтракать, натянул резиновые сапоги, захватил полевой бинокль и пошел за ним следом.

Проселочная дорога серебрилась ручейками талой воды; по ней протянулась бронзового цвета скользкая кромка оттаивающей колеи. Кроме меня, на дороге не было ни души, однако я не был один: со мной рядом шли следы Матта. Каждый отпечаток его лапы был знаком мне, как отпечаток моей собственной ладони. Я шел по этим следам и узнавал обо всем, что он сделал, о каждом его движении, о каждом его намерении — так бывает, только когда двое проживут вместе целую жизнь.

Следы извивались и петляли по дороге туда и сюда. Я увидел, где он подошел к старому щиту-указателю "Частное владение. Проход запрещен", который всю зиму опирался о сугроб, а теперь неуклюже накренился и грозно нацелился одним зазубренным концом в небо. Там вольно, не замечая этого предостережения, проносились стайки американских вьюрков. Следы задержались, и мне было ясно, что пес долго стоял, а его старый нос усиленно трудился, читая визитные карточки многочисленных лисиц, фермерских и охотничьих собак, которые прошли здесь в течение зимних месяцев.

Затем мы — следы и я — двинулись дальше, по старой гати, через деревянный мост, задержавшись на миг там, где вялый ужонок медленно прополз по оттаивающей грязи.

Здесь Матт сошел с дороги и свернул в еще не вспаханные поля, останавливаясь там и сям, чтобы обнюхать старую лепешку коровьего навоза или осыпающиеся норки, оставленные по левкам под стаявшим снегом.

Наконец мы пришли к буковой роще и ступили под красное переплетение ветвей с набухающими почками, где белка цоканьем выражала свое полное пренебрежение к равнодушной спине ушастой совы, мрачно высиживавшей птенцов.

Пруд был уже совсем рядом. Я остановился, сел на опрокинутый пень и позволил солнцу ласкать мою кожу, в то время как я сам в бинокль обозревал поверхность воды. Мне не удалось обнаружить уток, но я знал, что они там. Скрытые желтой тимофеевкой, старый зеленоголовый селезень и его подруга терпеливо ждали моего ухода, чтобы продолжить свое церемонное любезничание. Я улыбнулся, зная, что даже в их укромном уголке им недолго будет так спокойно.

Я ждал. Пролетела первая пчела, и со стороны сохранившихся в рощах снежных островков поплыли небольшие ключья тумана. Потом где-то среди зарослей сухой тимофеевки знакомый голос залился громким лаем. Панически захлопали крылья, и из камыша взлетели старый селезень и его подружка. Они кружились в воздухе, а под ними, отсюда невидимый, бегал по камышам Матт, упоенный частицей того экстаза, которым он наслаждался в другие годы, когда ружья гремели над другими водоемами.

Я поднялся и неторопливо зашагал дальше, пока среди камышей снова не напал на его следы. Они привели меня к болоту, поросшему лиственницей, и я обнаружил место, где Матт постоял, чтобы обнюхать еще закрытую дверь в нору бурундука. По соседству была кедровая заросль, и следы сделали несколько кругов под ее ветвями, обозначив место, где ночевал воротничковый рябчик. Мы пересекли поляну — следы и я, — и здесь мягкая черная почва оказалась разрыта и раскидана, как после стада дерущихся самцов оленей; однако все эти следы оставил он. Один миг я был озадачен, но, когда, махая неокрепшими крылышками, через поляну пролетела бабочка, я вспомнил и понял, что там произошло. Так много раз я наблюдал, как он бросался, подпрыгивал и носился кругами за такой вот прелестью, очарованный первыми весенними бабочками, а те весело смеялись над ним. Мне вспомнился почтенный старый джентльмен, который не далее как вчера неодобрительно смотрел на играющих щенков.

Теперь следы огибали болото в сторону края широкого поля и задерживались у норы лесного сурка. Норой хозяева не пользовались уже два года. Но она еще сохраняла слабый намек на запах, и этого было достаточно для того, чтобы нос-картошка Матта зашевелился от любопытства, вполне достаточного для того, чтобы его тупые старые когти начали скрести жухлую траву.

Он не задержался надолго. Пробежал кролик, и утренний бриз донес его запах. След Матта резко изменил направление и заспешил не разбирая дороги по мягким и податливым бороздам октябрьской пахоты, падая и скользя в скованных морозцем углублениях. Я спокойно шел по следу, пока отпечатки лап внезапно не оборвались у зарослей куманики (*52). Матт не смог быстро остановиться: на шипах кустов все еще висели клочки его красивой шерсти.

А потом, очевидно, ветер принес новый запах. Следы собаки протянулись прямой линией к проселочной дороге и к фермам позади нее. У Матта проснулось новое настроение, такое весеннее-весеннее. Я знал это. Я знал даже кличку маленькой колли, которая жила на ближайшей ферме, и пожелал ему удачи.

Я вернулся на дорогу, и мои сапоги чавкали по грязи, когда ко мне с ревом приблизился грузовик и, подняв фонтаны грязной воды, промчался мимо. Я сердито посмотрел вслед грузовику, так как его водитель почти задел меня в своей неразумной удали. Я видел, как машина резко свернула на повороте дороги и исчезла из виду. Донесся внезапный визг тормозов, затем рев мотора, резко увеличившего обороты, и грузовик умчался прочь.

Я еще не знал, что мимоходом этот грузовик покончил с лучшими годами моей жизни. Вечером того же дня я ехал по этой дороге с одним молчаливым фермером, который взялся подвезти меня... Мы остановились у того поворота, где нашли Матта в придорожной канаве. Следы, по которым я шел, здесь кончились и кончились навсегда. Никогда больше не будет следовать за ними мое сердце.

В ту ночь моросил дождь, и к рассвету следующего дня исчезли все следы, если не считать тех, что сохранились около лиственничного болота и в глинистых лужицах, быстро подсыхающих в лучах восходящего солнца.

Да еще...

Ранний бриз ласково трепал пучки мягкой белой шерсти, снимая их с шипов шелестящей куманики и рассеивая по прошлогодней листве.

Договор о вечной дружбе между нами двумя был расторгнут, и я ступил в темнеющую даль грядущих лет.

Примечания

1. Легковой автомобиль фирмы "Форд" модели "Т" выпускался с 1908 по 1927 год; имел колеса с массивными спицами. (Здесь и далее прим. перев.)
2. Легковой автомобиль фирмы "Форд" модели "А" сменил на конвейере модель "Т". Моуэты путешествовали на спортивном варианте модели "А" с открывающимся верхом и задним откидным сиденьем. Двигатель в 40 л. с.

развивал скорость до 80 км/час. Автомобиль передвигался на колесах с проволочными спицами.

3. Имеется в виду слабый ветер, дующий со скоростью 1 — 2 м/сек.
4. Английский истребитель — биплан "Кэмел" Ф-1 ("Верблюд") фирмы "Сопвит" времен первой мировой войны.
5. Американская мешетчатая крыса, крупный грызун бурой окраски.
6. Очень дорогая марка американского легкового автомобиля.
7. В дюйме 2.5 сантиметра.
8. Воинственная дева — богиня из древнескандинавской мифологии, которая голосом помогала героям в битвах.
9. "Woman's Boon Companion" — дословно "Добрый приятель женщин".
10. Принятое в Англии чаепитие в пять часов вечера — между вторым завтраком и обедом.
11. Сэмюэл Шамплейн (1567-1635) — французский гидрограф, исследователь Канады и Северо-Востока США.
12. Ярд равен 91,4 сантиметра.
13. Ретривер — собака, только разыскивающая и подающая охотнику убитую дичь или подранков.
14. Реакционная религиозно-благотворительная организация.
15. Духоборы — одна из религиозных сект, отвергающих обряды православной церкви.
16. В поэме Кольриджа "Сказание о Старом Мореходе" матросу, убившему альбатроса (дурная примета!), в наказание повесили эту птицу на шею (но, несмотря на это, судно постигло множество несчастий).
17. Распространенные в литературе образы парусных судов — призраков.
18. В галлоне 3,8 литра.
19. Абориген — коренной житель данной местности.
20. Согласно древней легенде, в Риме жили одни мужчины. Однажды во время праздника они напали на безоружных гостей — сабинов — и похитили у них девушек.
21. Шверцы (шверты) — дощатые крылья, опускаемые с бортов небольших валких судов в воду для уменьшения крена.
22. Фальшборт — легкая обшивка борта открытой палубы.
23. Концепция — концепция, идея (исп). Острова Коцепсион в Филиппинском архипелаге нет. Там есть город с таким названием.
24. Бар — нанос песка, отмель, гряда; перекал.
25. Гайавата — герой поэмы "Песнь о Гайавате" (1855) американского поэта Генри Лонгфелло(1807-1882). Поэма написана на основании ряда легенд североамериканских индейцев.
26. Фонд Карнеги — большие денежные средства, завещанные американским миллионером Эндрю Карнеги (1835-1919) на благотворительные цели, в том числе на постройку и оборудование нескольких публичных библиотек в Канаде.
27. На полуострове Новая Шотландия, в 40 милях на з-ю-з от Галифакса.
28. Галифакс — город и порт на Атлантическом океане, административный центр канадской провинции Новая Шотландия на полуострове того же названия. Расстояние от Саскатуна до Галифакса по водному пути, намеченному командой "Лысухи", составляло около 4000 английских морских миль (около 8000 км).
29. Разработанный старшим Моуэтом и Пулом план показывает, что их познания в области географии оставляли желать лучшего.
30. Нактоуз — шкафчик из твердого дерева, на котором устанавливается компас на судне.
31. Джон Эрнст Стейнбек (1902-1968) крупный американский писатель.
32. Щеврицы, или коньки — род птиц семейства трясогузковых, отряда воробьиных.

33. Торо Генри Дейвид (1817-1862) — американский писатель и общественный деятель. Большой любитель природы, автор книги "Уолден, или Жизнь в лесу" (1854), в которой очень подробно и выразительно описаны растительный и животный мир американского леса в разные времена года и одновременно затронуты важные социальные вопросы.
34. Пуританин — человек строгой, главным образом показной, нравственности.
35. Масаи — африканская народность, живущая в Кении и Танзании.
36. Кристофер Робин — герой детских книжек английского писателя Алана Милна (1882-1956).
37. Хэппи-Хоум (Happy Home) — Счастливое Пристанище (англ.).
38. Игнатий Лойола (1491-1556) — основатель наиболее реакционной организации католической церкви — ордена иезуитов.
39. Переверела поэтесса Г. Усова.
40. Кеч — небольшое парусное судно с двумя мачтами — гротом и бизанью.
41. Тиккерная лента — лента для телеграфного аппарата.
42. Абердин-Ангус — порода безрогих коров.
43. Scotch bonnet, — шотландский берет (англ.).
44. Гэльский язык — язык гэлов, шотландских кельтов, которые населяют горную часть Шотландии и Гебридские острова.
45. Redningsskoite — спасательное судно (норвежск.).
46. Кокпит — открытая часть корпуса в корме яхты.
47. Грот — прямой парус на второй мачте от носа (грот-мачте).
48. С 1791 по 1840 год Канада делилась на две провинции: Верхнюю Канаду (с английским населением) и Нижнюю Канаду (с французским населением).
49. Викторианством ("викторианским веком") в буржуазной литературе называют время пребывания на английском престоле королевы Виктории (1837-1901).
50. Либерал — человек, проявляющий излишнюю снисходительность; здесь: человек с мягким характером.
51. Консерватор — человек, враждебный всяким нововведениям; здесь: черствый человек.
52. Куманика — полукустарник семейства розовых, со съедобными плодами, похожими на ягоды ежевики.

 [В начало](#)

[Содержание](#) | [Биография](#) | [Фотоальбом](#) | [Книги](#) | [Животные-герои](#) | [Фонд](#) | [Библиотека](#) | [Ссылки](#) | [Форум](#) | [Гостевая книга](#) |

© 2003 [Камиль Зиганшин](#) (кругосветные путешествия, книги о староверах, защита диких животных, фотографии дикой природы, писатель натуралист).

AB Weddings [свадьба Уфа](#)
"Лидер Поиска" - поисковое [продвижение сайтов](#) в Уфе.